

Наталья
Морсова

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

ИПРА		ВЫДАЧИ	
ХЛЕБ			
на Декабрь			
Всего	ИПР	Супротив	Дети
250.	125.	125.	125.

**Я говорю с тобой под свист снарядов
Угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда
Страна моя, печальная страна...**

Ольга Берггольц

Наталья Морсова

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

75-летию победы советского народа
в Великой Отечественной войне посвящается

УДК 378(092)
ББК 74.58г
М 80

Морсова Н.Е. Блокадный хлеб. Избранное. Публицистика, проза, эссе.
М.: НИЯУ МИФИ, 2020. – 140 с.

Книга «Блокадный хлеб» – это литературно-художественное собрание избранных произведений о подвиге детей, их матерей и отцов – мужественных защитников осаждённого города-героя Ленинграда. Они вошли в бессмертие, потому что сумели победить голод и смерть вопреки условиям, несовместимым с жизнью, которых до сих пор не знала история, когда каждый день был подвигом, когда подвиг стал нормой жизни. И отстояли Ленинград в самой продолжительной и самой кровопролитной битве Великой Отечественной и Второй мировой войны.

Тема блокады Ленинграда автору близка: её родственники пережили ужасы блокадного лихолетья. Им есть, что рассказать, что вспомнить.

Морсова Наталья Евгеньевна – член Союза журналистов России, член международного Союза славянских журналистов, член литературной Студии «Свежий взгляд», кандидат исторических наук, журналист, дипломант отечественных и международных конкурсов в области прозы, публицистики, фотографии. Публикуется в журналах: «Природа и человек. XXI век», «Наш современник», «Охота», «Охота и рыбалка XXI век», «Шпindelъ», «Будь здоров!», «60 лет – не возраст!», «Истина и жизнь», в альманахах: «Страницы семейной славы», «Война проходит через сердце», «Алтарь Отечества», «Друза», «Шарманка», в энциклопедии «Самые красивые места России», в интернет-издании Военно-исторический форум 2. Государственным комитетом лесной промышленности России номинирована на премию отрасли «Журналист года». Лауреат Артиады народов России. Имеет медали государственного значения: «850 лет Москвы», «Патриот России», союза писателей России «За верное служение отечественной литературе».

namorsova@yandex.ru

© Н.Е. Морсова

© Фото из личного архива автора

и из открытых источников Яндекс.Коллекции

ISBN

Подписано в печать 10.06.2020. Формат 60x84 1/16.

Уч.-изд.л. 8,75. Печ. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Типография НИЯУ МИФИ. 115409, Москва, Каширское ш., 31

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

*Мы – смертные люди,
Смерть смертью поправшие,
Блокадою в тени людей превращённые.
Мы – души,
На страшном суде побывавшие
И в бранные наши тела возвращённые.*
Анатолий Молчанов

Тема ленинградской блокады – о детях блокадного города, их самоотверженных матерях и отцах – мужественных защитниках осаждённого города, автору близка: родственники и знакомые пережили ужасы блокады; им есть, что вспомнить, есть, что рассказать. Вся жизнь блокадников пронизана глубокой признательностью за подаренное право на жизнь.

Битва за Ленинград была самой продолжительной и самой кровопролитной в истории Великой Отечественной и Второй мировой войны. В окружение попали войска Ленинградского фронта. В боях за Ленинград погибло 2 млн. 700 тыс. советских воинов.

8 сентября 1941 года кольцо вражеских фронтов сомкнулось, прекратилось сухопутное сообщение, Ленинград оказался отрезанным от «большой земли». Начали свой отсчет 900 блокадных дней. Из трёх млн. ленинградцев, по приблизительным данным, умерло от голода около полутора млн. человек, от бомбёжек и артобстрелов – 28 тыс. человек, 35 тысяч были ранены, в ходе эвакуации по Ладожскому озеру погибло 360 тыс. человек, гражданского населения уничтожено 1 млн. 700 тыс. человек. Около полумиллиона человек сумели выжить. При этом, блокадники сдали 144 тонны крови, – об этом пишет исследователь блокады, доктор исторических наук Михаил Иванович Фролов в книге «Салют и реквием».

На Пискаревском мемориальном кладбище захоронено 500 тысяч блокадников и воинов – защитников блокадного Ленинграда, на Смоленском покоится 150 тысяч человек.

В планах германского Вермахта не было цели – захватить Ленинград, – слишком непокорным был «злой» город, его надо стереть с лица Земли. Именно поэтому его ежедневно бомбила фашистская авиация. В боях за Ленинград участвовали крупные соединения немецких войск, финская армия, Голубая дивизия испанских войск, военно-морские силы Италии, добровольцы из Северной Африки. Фашисты знали о массовом голоде и были уверены, что измученные длительными лишениями люди не смогут сопротивляться и осаждён-

ный город сдадут, как это сделали без сопротивления европейские государства. Вражеская авиация сбросила на Ленинград тысячи зажигательных бомб с целью вызвать массовые пожары. Объектами фашистских бомбардировок, наряду с военными заводами, поездами и кораблями, были школы, жилые и родильные дома, детские сады. Особое внимание уделялось уничтожению складов с продовольствием, и это им удалось. Так десятого сентября фашисты разбомбили Бадаевские склады, где находились значительные запасы продовольствия. Пожар был грандиозным, тысячи тонн продуктов сгорели, расплавленный сахар плыл по земле. Люди ковшами и вёдрами

собирали землю, отстаивали в воде. Это стало последним напоминанием о сладком. Голод определял судьбу ленинградцев. На Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками в октябре 1945 года звучали обвинения в уничтожении мирного населения, называли цифры, но в обвинительном приговоре гибель гражданского населения даже не упоминалась.

В труде и заботе, обречённые на изнурительное голодание ленинградцы, но с источником информации – радио, жили и надеялись на скорую победу. Совсем плохо было после очередной бомбёжки, когда связь обрывалась. Оторванные от мира люди страдали из-за отсутствия новостей. Но с возобновлением работы радио вновь размеренно отстукивал 50 ударов в минуту блокадный метроном, (во время воздушной тревоги 150 ударов), звучал ободряющий голос Юрия Левитана и пламенные призывы Ольги Берггольц: «Братья и сёстры, держаться, во что бы то ни стало держаться!».

Зимой 1941/42 года по льду Ладожского озера была проложена «Дорога жизни», по которой под непрерывными бомбёжками вражеской авиации на санях и полупортаках с Большой земли в осаждённый город везли муку, мыло, крупы. Фашистские авиабомбы нещадно решетили ледовую броню. Машины, сани, лошади, люди проваливались в ледовую купель. С таянием льда таяла и надежда на спасение. Но летом «Дорога жизни» продолжила свою героическую миссию.

Открытую в 1968 году малую планету назвали «Ладога» в память о героическом озере, связавшем Ленинград со страной, на водах которого шли ожесточённые бои катеров Ладожской флотилии с немецкими и финскими кораблями. Планета, открытая учёным Т.Н. Смирновой, расположена в созвездии Козерога в 245 млн. км от Земли, диаметр её 20 км.

В наши дни мы часто слышим «Не хлебом единым...». Это конечно так, если не задумываться об истинной цене хлеба. В старину хлеб считался священным символом еды и говорили: «Хлеб – всему голова». Цена кусочка блокадного хлеба равнялась цене человеческой жизни.

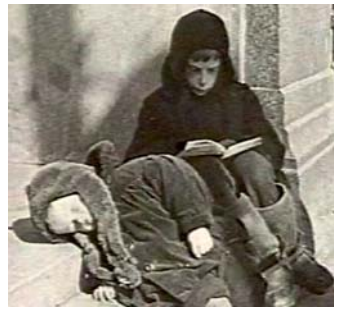
Из чего пекли блокадный хлеб? Ржаной муки в нём было немного, основу составляли жмых, целлюлоза, соя, отруби, обойная пыль, хвоя, лебеда, коревая мука (от слова – «корка»). Когда в Ладоге тонули машины с мукой, ночью, в затишье между обстрелами, крючьями на веревках поднимали мешки из воды. Мука превращалась в твердую корку. Вместо ржаной зачастую клали овсяную, ячменную, кукурузную и соевую муку, лузгу. Форму для выпечки смазывали соляровым маслом. Есть эту липкую массу было невозможно, «если только с молитвой», – говорили блокадники. И всё равно для ленинградцев ничего дороже не было.

В музее Блокады можно увидеть кусок блокадного хлеба – дневная пайка для детей и неработающих. А рядом листки тонкой бумаги с отрезанными квадратиками со словом «хлеб» – это хлебная карточка. В декабре 1941 года максимальная норма составила 200 граммов для рабочих и 125 для всех остальных. Люди оказались в тисках голода и холода. Запасы продовольствия подошли к концу, не было тепла, света, воды, замерз водопровод, хлебозаводы встали. Воду таскали ведрами из прорубленных в Неве лунок. Очереди за хлебом растянулись на несколько суток. Наступили дни, когда хлебную норму выдавали горстью муки, которую измученные голодом люди съедали прямо в пунктах выдачи. Только с наступлением крепких морозов, когда по льду Ладожского озера проложили легендарную «Дорогу жизни», стало легче. И всё равно кроме хлеба не было ничего. Хлебные карточки были именными, получали их раз в месяц по предъявлении паспорта, при утере новых не выдавали. Оказавшиеся в окружении красноармейцы так же голодали, их пайка хлеба составляла 500 граммов. Но задачу свою войска Ленинградского фронта под командование генерала Л.А. Говорова выполнили – не сдали врагу Ленинград, держали удар до конца сражения и не позволили фашистам перебросить войска на другие фронты.

Ленинградская трагедия особенно жестоко отразилась на детях, судьба которых полностью зависела от взрослых, дети невольно приняли на себя все тяготы блокадного лихолетья, все трудности выживания легли на хрупкие детские плечи. Блокада убила детство, превратив их в маленьких старичков и старушек, привела к задержке роста и развития, они разучились ходить и говорить, теряли зрение и слух. Температура тела зачастую достигала критических показателей – 35–36 градусов, такое переохлаждение для многих стало несовместимым с жизнью. Обессиленные дети и старики безучастно лежали под горами одеял в пальто, шапках, валенках и дремали. Почти все они страдали дистрофией. Многие стали инвалидами.

И всё же приходилось быть сильными. В чём причины выносливости блокадников? Смерть выбирала слабых телом и духом, жизнелюбивых и терпеливых она пощадил. Дети не только боролись за жизнь, – многие трудились: собирали доски, чтобы топить печку

буржуйку, носили тяжёлые вёдра с водой из реки Невы, сажали картошку, стояли в очередях за скудным пайком. Подростки ухаживали за ранеными в госпиталях, работали у станка, дежурили на крышах уцелевших зданий, тушили зажигательные бомбы, рыли окопы и противотанковые рвы, воевали в партизанских отрядах. Более пяти тысяч ленинградских детей за мужество и героизм были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

*Хлеб наш насущный,
Даждь нам днесь.
Когда на столе перед тобой он,
Не думаешь, что он есть.*

Юрий Павлухин

... В блокадных днях

мы так и не узнали:

Меж юностью и детством где черта?

Нам в сорок третьем выдали медали

И только в сорок пятом – паспорта.

Юрий Воронов

Строительство под носом у фашистов секретной Шлиссельбургской железной дороги на вязких Синявинских болотах и по льду реки Невы в феврале 1943 года не испугало немцев. Сквозь «игольное ушко» не проползёт истощавший коммунистический медведь, – говорил Гитлер. Однако в «игольное ушко» пролез не только русский медведь, но и пролегла железнодорожная магистраль, протяжённостью 33 км, построенная за 17 дней, пробившая брешь в блокадном кольце. Но только через год 27 января 1944 в результате успешных операций войск Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов при поддержке Балтийской флотилии удалось снять блокаду Ленинграда. Началось полное освобождение страны от захватчиков.

Контрнаступление советских войск завершилось разгромом фашистской Германии и её союзников и подписанием акта о полной и безоговорочной капитуляции.

Лондонское радио в 1945 году сообщило, что «защитники Ленинграда вписали самую замечательную страницу в историю мировой войны, ибо они больше, чем кто бы то ни было, помогли грядущей окончательной победе над Германией». Сейчас Европа об этом лживо умалчивают.

Ежедневный подвиг совершал каждый: бойцы Ленинградского фронта, учителя, воспитатели детских домов, железнодорожники, врачи, матери во имя детей. Самоотверженно служили Отечеству знаменитые ленинградцы. Хирург Фёдор Григорьевич Углов, проводивший тяжёлые операции при свете керосиновой лампы под бомбёжками и артобстрелами неприятеля.

**Фёдор Григорьевич
Углов**

Янина Жеймо

Академик прожил более ста лет и всё это время неустанно работал. Знаменитая советская «Золушка» Янина Жеймо, несмотря на хрупкость фигуры, была зачислена в истребительный батальон, днем она спешила на работу, а по ночам дежурила на крышах домов, гасила зажигательные бомбы, успевала сниматься в кино и выступала перед бойцами с концертами. Актёр Сергей Филиппов работал в театре комедии. Клавдия Шульженко вступила в ряды действующей армии, став солисткой оркестра Ленинградского военного округа, вместе с мужем, артистом Коралли, они дали более 500 концертов на передовой. Дмитрий Шостакович под грохот бомбёжек работал над седьмой (Ленинградской) симфонией. При этом служил в отряде ПВО, тушил пожары. Музыка в Ленинграде не замёрзла благодаря героическому характеру дирижёра симфонического оркестра Карла Ильича Элиасберга, без него бы не было оркестра, не прозвучала бы в промёрзшем зале Филармонии героическая симфония. Хотя дирижёр тоже страдал дистрофией. Ему подарили старый велосипед, только ездить на нём не было сил: на репетиции его привозила жена на саночках. Музы-

канты брали друг друга подмышки и поднимались по лестнице. Дирижёр взмахивал руками, а они дрожали, как крылья подстреленной птицы. Оркестр играл, медные инструменты обжигали пальцы, мундштуки примерзали к губам. И ленинградцы приходили слушать музыку.

Оставшиеся в живых блокадные дети в будущем стали учёными, военными, артистами, врачами. Леонид и Виктор Харитоновы прославились после выхода фильма «Солдат Ивана Бровкина». Младший брат, Виктор Харитонов, режиссёр, основатель театра «Эксперимент». По его словам, чтобы выжить, братья ели хозяйственное мыло, у Леонида развилась язва, которая мучила его всю жизнь. Когда началась блокада, будущей актрисе Лидии Федосеевой-Шукшиной не было и трех лет. Ее семья жила в питерской коммуналке, в которой ютилось более 40 человек. Алиса Фрейндлих только что пошла в первый класс. Её бабушка, чтобы заглушить голод, варила столярный клей и заправляла горчицей, которую сохранила с довоенных времен. Галина Вишневская жила с бабушкой, с 15 лет зарабатывала концертами в воинских частях. Илья Резник жил с бабушкой и дедушкой, отец в начале войны ушел на фронт, в 1944 году погиб. Илья Глазунов – будущий художник, родился в потомственной дворянской семье, отец – историк, мама – правнучка знаменитого историка К.И. Арсеньева, воспитателя Александра II. Все члены большой семьи Ильи Глазунова умерли от голода. Елена Образцова – будущая оперная певица, встретила войну в четырёхлетнем возрасте. Ей повезло: её благополучно эвакуировали по «Дороге жизни». Иосиф Бродский всю жизнь хранил своё детское фото на саночках, на которых мама возила его за хлебом. Валентина Леонтьева – всесоюзная любимица, в юном возрасте служила в отряде ПВО. Её 60-летний отец стал донором, чтобы получать дополнительный паёк – 250 гр. Лариса Лужина выжила благодаря своей маме. Вернувшийся после ранения отец и вся многочисленная семья погибли от голода. Блокадный ребёнок Артур Чилингаров прославил страну исследованиями Арктики и Антарктики, вице-президент Русского географического общества, президент Государственной полярной академии, доктор наук, профессор, общественный деятель, Герой Советского Союза, герой России, лауреат Государственной премии.

О многих других достойных людях, не столь известных, – рассказ впереди.

Коренного ленинградца, пережившего скорбный опыт блокады, не спутаешь ни с кем, это люди особой породы. Что их отличает? Про-

должительные экстремальные условия выживания выработали силу воли, выносливость, эмоциональную сдержанность, обострённое чувство гражданского долга, ответственность, сострадание, самообладание. Блокадники нетерпимы к несправедливости, лжи, эгоизму, они высоко ценят дружбу и саму жизнь. Скромность в одежде и мыслях, сдержанность в словах и умеренность в желаниях, надёжность и преданность, способность к самопожертвованию, – такие качества сформировались в условиях ежедневного противостояния смерти, когда каждый день был подвигом, когда подвиг стал нормой жизни. Печально осознавать, что многие блокадники до сих пор проживают в убогих коммунальных квартирах.

Моё глубокое погружение в блокадную тему началось с увлекательных бесед и чтения многочисленных книг Тервонен Людмилы Ивановны. Блокадница, детский врач, поэт, журналист, общественный деятель из города Сортавала (Карелия), награждённая многими медалями и знаками почёта, она оставила воспоминания о героях: взрослых и детях, переживших блокадное лихолетье, много делает для сохранения исторической памяти.

Считаю для себя важным участие в различных конкурсах, к примеру «Страницы семейной славы». Международный конкурс о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне организовал учёный, профессор МГУ, мой вдохновитель и бескорыстный наставник Сухомлин Владимир Александрович. Потомок знаменитых предков – нескольких генералов, государственных деятелей, сын известного кинорежиссёра – создателя киноэпопеи о войне, – он щедро делится знаниями и опытом с коллегами и товарищами по перу. Владимир Александрович находит время руководить международным союзом славянских журналистов, клубом «Ветеран журналистики», в которых я с удовольствием участвую, другими значимыми для страны общественными делами, начатыми его сыном – журналистом-международником, погибшим от рук наёмных убийц. Прочитать конкурсные работы можно на портале ВИФ2 (военно-исторический форум 2). Почему много лет участвую в конкурсе? Чтобы рассказать потомкам о мало известных страницах истории.

Фашизм на земле уничтожен, кажется, пора успокоиться, но разновидности его «бродят по Европе». Имеют место они и в России, особенно среди молодёжи, в стране, понесшей самые большие разрушения и потерю 27 млн. человеческих жизней. И когда сейчас вдруг услышишь неонацистские вопли, так и хочется этих глупцов, избалованных вниманием заботливых родителей, хотя бы на один

день отправить в осаждённый Ленинград, где дневная пайка хлеба составляла «сто двадцать пять блокадных граммов с огнём и кровью пополам» (Ольга Берггольц). Да познакомить с удивительными людьми, израненное детство которых совпало с блокадой города – героя Ленинграда.

Хочется верить радиоведущей и пламенной поэтессе Ольге Берггольц, что «никто не забыт и ничто не забыто». Почему блокадников заботит сохранение памяти о тех, кто отдал жизни за победу? Потому, что «это нужно не мёртвым, это надо живым» (Р. Рождественский).

Блокадные дети, мужчины и женщины, воины и гражданские лица вошли в бессмертие, потому что сумели победить голод и смерть в условиях, несовместимых с жизнью, которых до сих пор не знала история.

Вечная память скончавшимся от голода, холода и ран в дни блокады Ленинграда! И вечная благодарность тем, кто выжил и остаётся верен памяти наших доблестных предков!

2020 год

*Память моя блокадная,
Ты не жалеяй меня.
Память моя блокадная,
Переживи меня!*

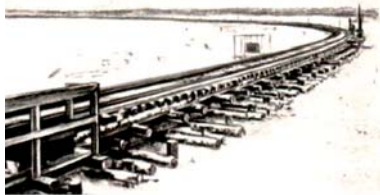
Анатолий Молчанов

*Хочу принасть
к твоим святыням,
Мой Ленинград,
молить отныне,
Чтоб в суете грядущих дней,
Ты не забыл своих детей.*

Людмила Тервонен

**Тервонен Людмила Ивановна
(справа)**

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ МАГИСТРАЛЬ.

**От коридора смерти
к дороге бессмертия**

О Шлиссельбургской магистрали как тогда, так и сейчас, известно мало. Её называли «Коридором смерти»: слишком многими жизнями пришлось поплатиться за «коридор», ставший «бессмертным».

В праздничные для Ленинграда дни 75-летия прорыва блокады появились странного свойства мнения о том, что Сталин не любил Ленинград и бросил его на произвол судьбы. Да, обстановка в городе была критическая. Но страна сделала всё возможное, чтобы город, его жители и защитники получили существенную помощь. С этой целью в невероятно тяжёлых условиях строилась Шлиссельбургская магистраль. Железную дорогу построили в январе 1943 года, она проходила по льду реки Невы и Синявинским торфяным болотам. Под непрерывным огнём вражеской артиллерии и авиации 33 км пути проложили за 17 дней! В мирное время для этого понадобилось бы не меньше года. Возглавил строительство И.Г. Зубков, который до войны руководил постройкой ленинградского метро. Шлиссельбургская ветка просуществовала недолго, с таяние льда в апреле 1943 года шпалы и рельсы стали тонуть. Началась реконструкция дороги. На первый взгляд кажется, что жертвы были напрасными. Но, осмыслив огромную роль магистрали для осаждённого города, для обречённых на вымирание от голода его жителей, становится понятным её новое название – «Дорога Победы».

Своими воспоминаниями о мужественных строителях секретной железнодорожной магистрали в осаждённом Ленинграде делится участница строительства дороги Валикова Антонина Захаровна, жительница города Сортавала республики Карелия. Антонина Захаровна родилась 3 марта 1924 года в г. Славянске Краснодарского Края в семье кубанских казаков. Окончила начальную школу и с 13 лет нянчила детей своих старших сестёр: сначала сестры Галины в Таджикистане, потом в Мурманске сестры Надежды, когда у той родилась дочь. Здесь в Мурманске семнадцатилетняя Тоня познакомилась с парнем Петром Голубевым и вышла замуж, в феврале 1941 года молодые супруги переехали в Ладёйное Поле. 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на СССР, началась Великая

Отечественная война. Петра призвали в армию. Тоня, не задумываясь, разделила судьбу любимого мужа и пошла вслед за ним на фронт. Их зачислили в состав военно-эксплуатационного отделения № 4 специального формирования, которое обслуживало прифронтовые участки железных дорог. В январе 1943 года их перебросили на строительство секретной Шлиссельбургской магистрали.

Шёл пятисотый день блокады. В этот день – 18 января 1943 года произошло знаменательное событие: на узком участке фронта, шириной 8–11 км, в районе Шлиссельбург–Синявино советские войска прорвали блокаду Ленинграда. Немецкая печать известила мнение Гитлера на этот счёт: это игольное ушко, в которое не пролезть даже истощавшему коммунистическому медведю. Но немцы просчитались: сквозь «игольное ушко» пролез не только истощавший медведь, но и вместились «дорога Победы», соединившая Шлиссельбург с платформой Поляны, благодаря которой смертельное кольцо было разорвано, в город пошло продовольствие и снаряды.

Перед войсками Ленинградского фронта стояла оборонительная задача: перекрыть подступы к Ленинграду и не допустить захват города противником. Эта задача была выполнена. При содействии Волховского фронта совместно с моряками Балтийского флота удалось измотать противника и заставить его перейти к обороне.

План гитлеровского командования по захвату Ленинграда был сорван. Но этого было недостаточно. Советское командование в декабре 1942 года утвердило план перехода от обороны к наступлению. Шлиссельбургско-синявинскую операцию назначили на 12 января 1943 года под кодовым наименованием «Искра». Для усиления руководства на Волховский фронт был направлен Г.К. Жуков. Согласно плану, перед силами Ленинградского фронта под командованием Л.А. Говорова и Волховского под командованием К.А. Мерецкова стояла задача: встречными ударами фронтов, при содействии сил Балтийского флота, Ладожской военной флотилии и авиации дальнего действия рассеять группировку противника в районе Синявинского выступа и соединиться южнее Ладожского озера.

Командующий Ленинградским фронтом генерал Говоров (в центре)

К началу операции советские войска имели значительное превосходство, но немецкие оборонительные укрепления, огороженные минными полями, проволочными заграждениями и дзотами, штурмовать было крайне трудно: в условиях болотистой местности люди, танки, машины вязли. Даже в 40-градусные январские морозы продвижение техники по торфяникам было затруднено.

18 января при поддержке военных самолётов фашисты нанесли мощный удар, чтобы не допустить соединения советских войск. Атаку противника удалось отбить. Казавшаяся неприступной линия обороны была разорвана. Войска Ленинградского и Воховского фронтов встретились. Шлиссельбург был освобождён. В блокаде удалось пробить брешь.

И тут же принимается решение о строительстве на отвоёванном участке земли железнодорожной ветки протяжённостью 33 км Шлиссельбург – платформа Поляны. Она должна соединить блокированную сеть железных дорог с Большой землёй и придти на помощь ледовому коридору, по которому проходила вдоль южных берегов Ладожского озера «Дорога жизни». И уже на следующий день вслед за минёрами по январским снегам двинулись геодезисты и военные железнодорожники: они начали разметку и прокладку трассы.

Участок земли был густо начинён минами и неразорвавшимися снарядами. Трудности усугублялись сильными морозами и бесконечными обстрелами фашистов.

И вот пять тысяч человек приступили к осуществлению дерзкого плана, – это в то время, когда рядом шли ожесточённые бои. Советским войскам нужно было во что бы то ни стало удержать Синявино, чтобы обеспечить безопасность строительных работ. Синявино несколько раз будет переходить из рук в руки. Фашисты при поддержке танков, авиации и артиллерии держались на Синявинских высотах до сентября 1943 года. Операция «Искра» не была завершена: слишком мощным было сопротивление противника. И хотя враг понёс значительные потери: оставил на поле боя 25 тысяч человек убитыми и ранеными, ещё целый год Ленинград будет оставаться на осадном положении. Полностью блокаду удалось снять в ходе операции «Январский гром» 27 января 1944 года.

Поначалу немцы не могли понять, что делают русские на болотах у них под носом. А когда разобрались, то стали нещадно обстреливать артиллерийским огнём и авиабомбами. Разрушались только что возведённые участки дороги, приходилось всё начинать сначала. Советские зенитки прикрывали стройку от вражеских артобстрелов, с воздуха обороняли истребители.

Всю бригаду железнодорожников, где служили Антонина и Пётр, срочно перебросили на строительство Шлиссельбургской магистрали. Геодезисты, железнодорожники, военные работали круглосуточно. «Машины не могли пройти, тонули в хлюпающем болоте. Поэтому всё делалось вручную. Тысячи людей днём и ночью рубили деревья, изготавливали шпалы, таскали рельсы. Грунт из карьеров носили в мешках, возили на санках и на листах кровельного железа, всё это ссыпали в болото. Сверху настилали клетки из бревен, на них укладывали рельсы, – вспоминает Антонина Захаровна, – вся трасса

просматривалась противником. Дыбом вставала земля от снарядов и бомб, разрушалось построенное, гибли строители. Но мы продолжали работать».

Одновременно началось строительство моста через Неву. Трудно поверить, но шпалы и рельсы укладывали прямо на лёд. Мост был рассчитан на эксплуатацию только в зимнее время. Надо было торопиться, чтобы построить до весеннего ледохода, с приходом оттепели придётся всё разобрать. Но с приходом весны мост не разобрали, а реконструировали, в воде установили дополнительные опоры, он прослужил ещё почти год. Антонина Захаровна продолжает: «Я много лет испытывала ужас при воспоминании о том периоде своей жизни. Я страшно боялась бомбежек, обстрелов, покойников, а их вокруг было очень много».

Антонине в это время исполнилось всего 19 лет. Сильная, статная, здоровая красавица – казачка прятала свою красоту в шапку-ушанку, фуфайку, ватные штаны и валенки с калошами. Спецодежду носила легко, не замечая веса, но страдала от непосильного труда. Физическое и эмоциональное напряжение не проходило в короткие часы отдыха. «На строительстве моста мы работали днём и ночью, по пояс в воде, в снегу, на морозе. Приходилось поднимать тяжёлые бревна. В дно реки мы забивали сваи, их скрепляли между собой и сверху укладывали шпалы, они вмерзали в лёд, и на них укладывали рельсы. Жгучие морозы, бураны, глубокий снег мешали работе. Мы жили в вагончике, горячее питание получали 1–2 раза в сутки», – рассказывает Антонина Захаровна.

Второго февраля 1943 года было закончено сооружение свайно-ледовой переправы через Неву. Четвертого февраля пошли первые воинские эшелоны. Строительство шло с большими отступлениями

от обычных технических требований, что позволило проложить трассу Шлиссельбург – платформа Поляны, протяжённостью 33 км, всего за 17 суток!

Понимали ли строители цену своего подвига? Понимание наступит позже, когда по этой переправе пройдёт первый эшелон с танками.

Первые поезда шли по трассе ночью с погашенными фонарями со скоростью до 5 км в час с интервалом 20 минут, а затем через 3–5 минут.

Первый состав с продовольствием пошёл в Ленинград 5 февраля 1943 года со станции Волховстрой. Им управляла бригада в составе старшего машиниста И.П. Пироженко, помощника машиниста В.С. Дятлева и кочегара И.А. Антонова. Несмотря на артобстрел, 7 февраля поезд прибыл на Финляндский вокзал. «Ленинградцы с ликованием встретили первый поезд с Большой земли. Паровоз гудел, играл военный оркестр, радостно гремело «ура!» Люди плакали от радости, вверх взлетали шапки! Теперь в Ленинград везли продовольствие и другие грузы. Если бы они знали, какой ценой это далось!», – делится воспоминаниями Антонина Захаровна.

Другой состав отправился из Ленинграда на Большую землю. Вагоны были забиты эвакуированными: ранеными, больными, детьми. Его вёл паровоз Эм 721-83, которым управлял старший машинист П.А. Фёдоров. Поезда водили машинисты, которых отозвали с фронта, их доставляли в Ленинград на самолетах. Молодые девушки – вчерашние школьницы становились кочегарами, помощниками машинистов, кондукторами.

Вражеские прожектора засекали каждый поезд. Едва тот въезжал на свайно-ледовую переправу через Неву, как начинался обстрел эшелона. Наша артиллерия открывала по врагу огонь. Советские истребители, «ястребки» – как их ласково называли, уничтожили 102

**Первые машинисты
Шлиссельбургской магистрали**

фашистских самолета над магистралью. Шлиссельбургскую трассу фашисты разрушали 1.200 раз! – это три прямых попадания в день. Разрушенный участок восстанавливали, движение возобновлялось. «Мы научились маскироваться, обманывать врага, – рассказывает машинист В. М. Елисеев. – Отправ-

ляясь со станции Поляны в сторону Шлиссельбурга, мы знали, что до 30-го километра доедем спокойно: линия здесь тянулась среди высокого леса. Но на 30-м километре спасительный лес кончался и начиналась поросшая мелким кустарником поляна. Мы действовали так: следуя через лес, набирали высокую скорость, а по выходу на открытое место закрывали регулятор. За это время уголь в топке прожигался так, что не было дыма. Без дыма и пара паровоз шел до следующего уклона, состав мчался несколько километров по инерции. Затем приходилось открывать пар. Увидев его, фашисты открывали огонь. Снова приходилось сильно разгонять поезд, снова закрывать регулятор и какое-то расстояние следовать по инерции. Гитлеровцы, потеряв ориентир, прекращали огонь, пока снова не обнаруживали цель. А машинист без усталости повторял свой маневр, играя со смертью».

Большой ущерб дороге нанёс противник 3 марта 1943 года. В результате артобстрела поезда № 931 враг уничтожил 41 вагон с боеприпасами, 2 теплушки, 4 вагона с продовольствием и 4 – с углем. У паровоза был поврежден тендер. Ранен машинист. Разбитый путь восстанавливать бесполезно, железнодорожники уложили рядом

**Прибытие в Ленинград
первого поезда
по Шлиссельбургской дороге**

обходной путь, длиной 750 метров. Работали под артобстрелом противника, было убито 15 человек.

Благодаря титаническому труду строителей Шлиссельбургской магистрали, железнодорожников и ремонтников по узкому коридору с Большой земли в Ленинград пошли составы с продуктами питания, медикаментами, везли уголь, дрова, торф. Продуктовый паек ленинградцев увеличился до 250–500 граммов. Помимо хлеба, по карточкам стали выдавать сало, пшеничную крупу. Улучшилось медицинское обслуживание в госпиталях. Один эшелон в 20–30 вагонов – это тысяча «полуторок», которые по-прежнему героически трудились на ледовой «Дороге жизни». 75 процентов всех грузов в город поступило по Шлиссельбургской магистрали, и 25 – по Ладоге. Поезда возили не только топливо и еду, но и людей: была проведена секретная операция по переброске Второй ударной армии с Волховского фронта на Ораниенбаумский пятачок, где шли наиболее ожесточенные бои.

Мука для блокадников

Блокадный Ленинград почувствовал, что смертельное кольцо вокруг города разорвано.

А потом случилось то, что и должно было случиться: с наступлением весны 1943 года начал таять лёд. Вдоль Шлиссельбургской магистрали выступила вода, грунт поплыл, опоры расшатались, рельсы погрузились в воду, их болтало из стороны в сторону. Поезда были похожи на пароходы. Во время движения пассажирских вагонов в них выключали свет. Пассажиры сидели одетые, готовые в случае аварии выпрыгнуть из вагона через открытые настежь двери. С размыванием дороги стало невозможно наблюдать за рельсами и шпалами. Обходчики шли вдоль полотна по воде, порой, вплавь. В воде проводили ремонтные работы. Всё это угрожало сходом с рельсов паровоза и вагонов. Лды со скрежетом напирала на переправу и в любой момент могли её раздавить. Нужно было либо её разбить, либо реконструировать.

В это время быстрыми темпами начали строить дополнительную ветку Шлиссельбург – платформа Поляны, протяженностью 18,5 км. Этот путь был лучше защищён рельефом местности и лесом. Движе-

ние по обходному пути началось 25 апреля 1943 года. Одновременно приступили к строительству нового навесного железнодорожного моста через Неву. Для пропуска больших судов и военных кораблей с высокими мачтами был предусмотрен разводной пролет. Однако мост постоянно подвергался артиллерийским обстрелам, а это приводило к перерывам движения поездов. И тогда приняли решение: свайно-ледовый мост не разбирать, а укрепить его и сохранить в качестве дублера. Три тысячи человек самоотверженно исполняли приказ: они укрепляли зыбкую переправу, скрепляли рельсы, забивали в дно реки Невы новые сваи. Работы проводились под водой и были невероятно трудны. Наличие моста – дублёра через Неву давало возможность переключать движение поездов с одного моста на другой. Для защиты мостов организовали задымление, что затрудняло ориентировку вражеской авиации. А плавающие мины, которые противник сбрасывал с самолётов, ловили сетями.

Многие железнодорожники за самоотверженный труд награждены орденами и медалями, а некоторым присвоено звание Героя Социалистического Труда. Среди награждённых – Мария Ивановна Яблонцева. 17-летнюю Марию известие о начале войны настигло в школе на выпускном вечере. «Мы уже слышали, что объявлена война, поэтому шумного веселья не было, вспоминает Мария Ивановна, – а когда мальчишки провожали нас домой, началась первая для Ленинграда воздушная тревога. В 1942 году стало совсем тяжело – я ослабла от голода и почти не могла ходить. Тогда и попросила в райкоме комсомола устроить меня куда-нибудь на работу. Меня и еще 20 девчонок направили в кондукторский резерв Финляндского отделения. У меня тогда слово «кондуктор» ассоциировалось только с проверкой билетиков в трамвае. И каково же было мое удивление, когда нас подвели к вагону и начали объяснять: «Вот тормозная колодка, вот буферная тарелка, вот воздушные рукава. Будете сцеплять и расцеплять вагоны – формировать поезда!»... В год 70-летия Победы Мария Ивановна отметила свой 90-летний юбилей.

Возможно, кому-то покажется, что успех был ничтожным и кратковременным, – Шлиссельбургская магистраль существовала недолго, и что жертвы были напрасными. «Коридором смерти» называли тогда эту магистраль. Но после войны, заново осмыслив её огромную роль, такую важную для осаждённого города, становится понятным её новое название – «Дорога Победы», «Коридор бессмертия».

Вспоминая своё военное прошлое, Антонина и Петр всякий раз удивлялись и восхищались большой слаженностью в работе всех служб, жертвенным трудом людей. Как сложилась дальнейшая военная судьба Антонины и Петра? Их перебросили на обслуживающие «Дороги жизни» – ледовой трассы через Ладожское озеро (есть удостоверение). После полного освобождения Ленинграда их бригада шла вместе с войсками через Прибалтику, Польшу. Судьба их хранила. Победу они встретили в Германии.

Со дня освобождения города-героя Ленинграда (27 января 1944 года) прошло 76 лет. Об этой победе писал советский поэт С.Я. Маршак: *«Враги кричали: «Нет конца/ У ленинградского кольца!». /Мечом рассёк его боец/ – И вот кольцо пришёл конец!»*.

Прошло много лет, но до сих пор на ленинградских торфяных болотах находят проржавевшие скрученные рельсы, обломки вагонов, не захороненных солдат...

Зачастую истинные подвиги остаются в тени, и только потомки оценивают их по заслугам. Благодарные потомки чтят память о строителях секретной «Дороги Победы», которые принесли сквозь «коридор смерти» – жизнь. Стали памятниками два паровоза магистрали. В Шлиссельбурге, на берегу Невы, можно увидеть скромную стелу с куском железнодорожного полотна. Надпись на стеле напоминает, что здесь под огнём врага была построена железнодорожная линия, связавшая осаждённый Ленинград со страной, которая никогда не забывала ленинградцев.

После войны Антонина и Пётр вместе со всеми восстанавливали разрушенную войной страну, воспитывали сына Виктора и дочь Татьяну, у которой в городе Сортавала республики Карелия проживала Антонина Захаровна Валикова. В 2014 году участница войны отметила своё 90-летие. За заслуги перед Родиной она награждена многими медалями и памятными знаками, среди которых медаль «За оборону Ленинграда». Эта награда ей более всего дорога.

ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Блокадный ребёнок Аллочка Платонова

Родилась Аллочка Платонова за полгода до начала Отечественной войны в декабре 1940 года и всю войну и все 900 дней блокады прожила в осаждённом городе вместе с родителями Платоновой Натальей Андреевной и Юрием Николаевичем. Проживает там и сейчас. «Мы выжили, – рассказывает Алла Юрьевна, – благодаря безграничной любви моих родителей. День снятия блокады Ленинграда 27 января до сих пор ежегодно отмечаем всей семьёй, как второй день рождения».

Все в семье Аллочки, как и она в будущем, были химиками, родители ещё до войны начали работать в лаборатории, где испытывали действие химических веществ типа зорин, иприт и др. В годы войны Юрий Николаевич, кадровый офицер, продолжал заниматься гражданской обороной в качестве замначальника химзащиты г. Ленинграда. Наталья Андреевна также была военнообязанной, и ей было предписано отправить дочь с домом малютки в эвакуацию, на что мать категорически отказалась. Женщина знала, что дети могут потеряться в дороге или погибнуть. Аллочке повезло, – она всю войну оставалась со своими родителями, при этом была обречена на нечеловеческие испытания, особенно нестерпимо голодными были зимы 1941 и 1942 годов. Преимущество было лишь в том, что самые близкие люди были рядом и имели возможность приласкать и успокоить, прижать к себе родное дитя.

«Мы жили в коммунальной квартире в Усачёвом переулке с родственниками отца. Мама получала хлеб на всю большую семью, но его было так мало, что для развешивания достаточно было одночашечных аптекарских весов. С замиранием сердца домохозяйка внимательно наблюдали за делёжкой хлеба, подбирая каждую крошку. Этими весами мама дорожила до конца своих дней. Сейчас они, как реликвия, хранятся в нашей семье».

Однажды зимой 1941 года в дом попала бомба, здание было разрушено. Семья из трёх человек получила ордер на другую квартиру, брошенную эвакуированными жильцами, по улице Гоголя. Переезд был назначен на 31 декабря. Нужно было успеть переселиться до 5 часов утра. «Родители очень торопились. Меня положили в детскую ванночку и везли по снегу, как самый ценный груз. А в мальпосте, так называлась детская коляска, перевезли нужные, оставшиеся после бомбёжки, вещи. Вот и всё наше имущество. В этой квартире прошло моё несознательное и сознательное детство».

Семья жила в маленькой кухоньке, которая топилась тогда, когда находилось, чем топить. А комната с выбитыми окнами, в которой царил промозглый холод, была завалена вещами прежних жильцов. «Сюда я ходила «гулять», закутанная в разные тряпки. Тут я разговаривала с «кисками», так я называла серых кошечек, которые лазали по стенам, грызли двери и рамы и рвали шерстяные вещи. Потом я узнала, что это были не кошечки, а голодные крысы, проживающие с нами в одной квартире. Только крысам тогда и было чем утолить голод», – вспоминает Алла Юрьевна. Малышка и не догадывалась, что у других ленинградских детей ещё недавно была совсем другая жизнь – сытая, с куклами и конфетами.

Чтобы согреть ребёнка, мать ставила кровать прямо на печь, а сама, уставшая и измученная голодом, спала возле печи. В отсутствие матери кровать от взрывной волны часто падала с печки вместе с ребёнком. Мать заставляла дочь сидящей на полу, с улыбкой сообщаящей: «Немцы, бах». Всякий раз, возвращаясь домой, Наталья Андреевна испытывала страх за надолго оставленную в полупустом доме дочь, ведь здание располагалось в 300 метрах от Исаакиевского собора, который фашисты бомбили нещадно. Входную дверь тогда никто не закрывал, вдруг на минутку вырвется со службы муж. Однако участились случаи людоедства, особенно детей. Со слов своей матери, Алла Юрьевна рассказывает о судебном процессе над женщиной с помутившимся от голода разумом, обвинённой в людоедстве. После этого случая мать перестала оставлять ребёнка одного дома и повсюду водила за собой.

Многие жители блокадного Ленинграда настолько привыкли к рёву сирены и звукам метронома – сигналам тревоги в радиоприёмнике, что перестали на них реагировать, – так ничтожна была цена жизни. Аллочке был знаком звук метронома, она его помнит до сих пор, – тогда оставшиеся в живых и имеющие силы передвигаться выбегали из своих домов. Однако Наталья Андреевна, услышав сигнал тревоги, а чаще это происходило по ночам, рисковала жизнью дочери и своей и в бомбоубежище не уходила. Она считала, что испуганные люди, бегающие туда – сюда в панике с котомками и узлами в бомбоубежище, растрачивали последние силы. Женщина старалась сберечь силы и расходовать их только на дело. А дел было много: растить и кормить ребёнка, ежедневно выстаивать многочасовые очереди, чтобы отоварить хлебные карточки, под рёв вражеских самолётов, грохот взрывающихся бомб, падающих зданий, звон битого стекла. Нужно было где-то добывать дрова: это была мебель из пустующих квартир и доски от разбитых заборов, носить ежедневно по два ведра воды из реки Невы. А воды требовалось много: постирать пелёнки, вымыть ребёнка и просто пить, поскольку есть было нечего.

Иждивенческой карточки матери на мизерную пайку хлеба и соевое молоко на ребёнка, которые отоваривались в гостинице «Астория», не хватало на двоих. Аллочка заболела болезнью Боброва, похожей на цингу. Дёсна покрылись язвочками, она перестала ходить и говорить, глаза вылезли из орбит, ребёнок быстро угасал. Девочка производила такое ужасающее впечатление, что мать, выходя на улицу, прикрывала её лицо пелёнкой. В педиатрическом институте, который тогда располагался возле Финляндского вокзала, матери предложили оставить ребёнка здесь, надежды на выживание не было. На что мать ответила отказом. Спасло Аллочку активное вмешательство отца, который поднял на ноги знакомых фармацевтов и с большим трудом добыл аскорбиновую кислоту (витамин С). Действие аскорбинки было так велико, что девочка быстро пошла на поправку. Казалось, что киноплёнка её жизни прокрутилась в обратную сторону: глаза заняли положенное место, вылечились дёсна, она вновь научилась ходить и говорить. Осталось только косолапость, но с этим жить можно. Аллочку прозвали косолапым гномиком.

Юрий Николаевич понимал, что надо спасти семью. Несмотря на своё значимое положение в осаждённом городе, он, преодолевая стыд, тайком собирал остатки недоеденного в офицерской столовой, всё сливая и сыпая в бутылку. Находясь на казарменном положении,

он приносил еду, когда мог. Но семья была рада и этому прокисшему месиву, ведь у других и этого не было. При появлении отца Аллочка бросалась ему на шею со словами: "Принёс бутылочку"? Не всегда отцу удавалось что-либо принести домой, но девочка всегда ждала заветную бутылочку. Удивительно, но от такой пищи, считает Алла Юрьевна, никто не страдал расстройством желудка. Хотя дистрофию и дизентерию всё равно не избежали. Такой массовой дистрофии, как у блокадников, мир ещё не знает.

Наталья Андреевна искала всякие пути раздобыть пропитание. Как-то раз повезло: удалось обменять беличью шубку и серебряные ложки на муку. Под раскатами артобстрела поздно вечером она отправилась по указанному адресу. Она спустилась в подвальное помещение, открыла дверь, и на неё пахло таким вкусным теплом и ароматом горячих лепёшек, что женщине стало дурно, и она потеряла сознание. Хозяйка оказалась «не жадной», она отсыпала большой кулёк муки. С этим пакетом, тесно прижатым к груди, радостная Наталья Андреевна бежала домой по пустынным улицам, минуя городские развалины, и очень боялась, как бы «лихие» люди, которых выпустили из тюрем из-за отсутствия питания, не отняли её богатство. И это были счастливые моменты. Но было и по-другому: на спиртовке для химических опытов грелось жалкое подобие супа из ядовито вонючего столярного клея и кусочков кожи от ремешков. Этот студень сверху заливался олифой. Та же спиртовка с пробиркой служила источником света в доме.

Наконец Наталье Андреевне удалось устроиться на работу паспортисткой рядом с домом. Теперь жить стало легче, появилась рабочая карточка – 250 гр. хлеба в день. Мать брала с собой на работу ребёнка, и Аллочка рассказывала всем подряд сказку про курочку рябу, за что получала крошечные кусочки вкусного вознаграждения от благодарных слушателей. Девочка подружилась с мальчиком Борей из соседнего дома. Оба они страдали рахитом. «Ходили с Борей, взявшись за ручки, чтобы поддерживать друг друга. Наверное, мы были неотразимой парой, – шутит Алла Юрьевна. – Наши мамы дружили, они вместе кололи лёд, убирали мусор, тушили зажигательные бомбы на крышах, увозили умерших, оформляли документы. Всё это делали хрупкие женщины, изнурённые голодом, с чесоткой и во вшах из-за отсутствия воды, переболевшие цингой и очень плохо одетые. Из одежды у моей мамы были фетровые сапожки, надетые на портянки, и ватник, и это при сорока градусах мороза».

Кусок мыла и баня были большой редкостью. Алла Юрьевна вспоминает случай о мытье в общественной бане: «В женский банный день привели взвод солдат. Истощённые дистрофией женщины и измождённые мужчины не смотрели друг на друга, им было не до чувства стыда, всех объединяла одна заветная цель – помыться, пока есть вода».

Умерших от голода и болезней людей свозили в общую братскую могилу. Однако бывали случаи, когда родственники не хоронили покойников и до конца месяца жили с ними в одной квартире. Причина понятна: воспользоваться хлебной карточкой умершего. Такая же история случилась и в семье Аллочки. Прабабушка девочки перед самой войной приехала проведать ленинградскую родню и посмотреть новорождённую. Плотно сжатое кольцо вражеских фронтов вокруг города не выпустило старушку, и та навсегда осталась в земле ленинградской. Обезумев от голода, она снимала чулки и наматывала их на шею. При этом каким-то образом добытый кусочек сахара, самое сокровенное, что тогда могло быть, она не тронула, – перед смертью оставила его в сахарнице для своей правнучки. И ещё несколько дней её хлебная карточка поддерживала «благодарных» за столь щедрый подарок родственников.

К концу войны взрослые заботы легли на плечи пятилетнего ребёнка: сейчас трудно поверить, но в обязанности детей входило стояние в бесконечных очередях за мукой, хлебом, мылом, солью, спичками, за кулком угля и бутылкой керосина. Самостоятельные

выходы на улицу доставляли Аллочке большое удовольствие, несмотря на многочасовые очереди на морозе или под дождём. Таким образом она отвлекалась от постоянного чувства голода. Проходя мимо витрин магазинов, она мечтала о нарядном платьице и красивых туфельках, которые мама купит ей, когда кончится война и когда у них будет много денег. А главное – много хлеба.

Блокада осаждённого города поставила людей на грань жизни и смерти, когда полностью теряются физические и душевные силы, а с ними и мечты. Но, к счастью, с

Аллочкой такого не произошло. Эта жизнерадостная девочка умела озорно смеяться и радоваться жизни. Она с удовольствием занималась художественной самодеятельностью, проявила интерес к русским народным танцам, была большой любительницей рисования и кукольного театра, – с удовольствием посещала самые разные кружки в школе и в доме пионеров.

Немецкие диверсанты проникали в город, катались на велосипедах и разбрасывали листовки – паспорта на русском языке с предложениями о сотрудничестве, зазывали к себе детей и подростков. И не всегда безрезультатно, но это всего лишь исключение.

Война закончилась, пришло время идти в школу. Переболев рахитом, цингой, дистрофией, потерей зрения, слуха и речи, блокадным детям приходилось заново учиться ходить и говорить. Истощённые дети выглядели ущербными во всех отношениях по сравнению с приезжими ребятами. Ребятишек в городе прибавилось за счёт притока большого числа семей строителей, которые разбирали завалы на улицах и восстанавливали прежнее величие бывшей столицы России. «На уроках я всегда ждала перемены, чтобы скорее съесть завтрак», – рассказывает Алла Юрьевна, – так случилось и на уроке немецкого языка. К концу урока я стала подсчитывать мелочь, чтобы купить в буфете булочку. Ирена Адольфовна это заметила. Обрусевшая немка, блокадница, у которой на глазах немцы расстреляли сына и мужа, была чрезвычайно строга. Разгневанная учительница подошла ко мне, сдёрнула косынку с моей забинтованной головы и вытолкала за дверь. После этого учить «немецкий» совсем расхотелось». Бинты появились на голове у Аллы в результате сильного обморожения, которое она получила в бесконечных очередях. «Болели отмороженные руки, ноги, нос, лицо. Текли уши, и мама их забинтовывала, а сверху завязывала косынку. Таким «зайцем» я ходила в школу, поскольку болезни не являлись причиной не посещать уроки», – продолжает Алла Юрьевна. Бессловесные, запуганные войной дети и дома не могли пожаловаться на обидчиков, – жалобы детей родители не поощряли. И всё же школу Аллочка благополучно закончила и получила долгожданный аттестат. А потом начала работать, одновременно обучаясь в ВУЗе. Занялась спортом, и следа не осталось от «заторможенного заморыша».

«Есть хотелось ещё долго после войны, голод меня преследовал всё время, – вспоминает Алла Юрьевна, – я не отходила от стола и никак не могла наесться. Я доедала за своим младшим братом, родившимся после войны слабеньким и болезненным. Для меня не

было невкусной пищи, я постоянно ела и ела. Все карманы одежды были забиты хлебными крошками. Бывало так, что на оставшиеся копейки я покупала самую дешёвую булочку и с жадностью набрасывалась на неё, чтобы заглушить голод. Но это был уже не голод, а память о нём. К зрелому возрасту я, наконец, наелась. Мы в блокаду насиделись на диете на всю оставшуюся жизнь. Теперь я никаких диет не признаю».

По-настоящему учиться пришлось после войны – окончила школу, затем, как и родители, химический факультет института. Всю трудовую жизнь Алла Юрьевна занималась химическим анализом металлов, жидкостей, аэрозолей.

– *Что Вы помните из блокадной пищи?*

– кроме хлеба, ничего. Психологически труднее было перенести блокаду детям в сознательном возрасте, ведь им было с чем сравнивать. А нам малышам было легче, ведь мы думали, что так должно быть всегда. Голод – это самая жестокая проверка человеческих отношений, которую с честью выдержали мои родители. И я преклоняю голову перед ними. Я им обязана своей жизнью.

– *Как живётся, Алла Юрьевна?* – В последние годы, с уходом из жизни отца и его друзей, осталась одна мать Наталья Андреевна Платонова. Но недавно в возрасте 90 лет и она ушла из жизни. Нас

всегда удивляло и восхищало их терпение, мужество, и при этом они сумели сохранить замечательное чувство юмора. Мама утверждала, что героизм и мужество были вынужденными, и скромно добавляла, что ничего тут особенного нет, люди должны уметь стойко переносить выпавшие на их долю тяготы жизни. Родители ушли из жизни, но мы бережём память о них, чтобы знали и помнили наши внуки и правнуки. Родители Аллы Юрьевны Платоновой были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

Навёрстывая упущенное в детстве, Алла Юрьевна по сей день невероятно активна, и, как

говорится, «покой ей только снится», кстати, о нём она и не думает. Застать дома непоседливую женщину довольно проблематично: в свободное от работы и от воспитания подрастающего поколения время, она рисует, занимается в изостудии. Пейзажами жаркого лета, пёстрыми бабочками, нарядными жуками и яркими цветами изрисована русская печь и стены на её даче. Её можно было увидеть летящей в воздушном шаре над скалами Турции, в геологической экспедиции на Камчатку, Кавказ или Казахстан, с сотрудниками своей химической лаборатории она определяла залежи золота в Австралии или в экваториальной Африке, исследовала воды Азовского, Чёрного и Каспийского морей. На лыжах и на мотоцикле совершала восхождения на доступную высоту Эльбруса. А пару лет назад Алла Юрьевна несказанно удивила всех: осуществила свою давнюю мечту – научилась играть на баяне. А дело было так: купила подержанный баян, затащила тяжёлый инструмент в трамвай и поехала в ближайшую детскую музыкальную школу. Поражённый настойчивостью «деликатного возраста» ученицы, педагог взялся обучать её бесплатно. И теперь из квартиры новоиспечённой музыкантши звучат любимые мелодии её родителей, песни военных лет.

Кого часто можно встретить на выставках, в театрах, концертах, в музеях? Конечно – блокадников, им интересно всё. Много их и в поликлиниках: война «щедро» наделила типичными заболеваниями, вызванными длительным голоданием: стрессом, дистрофией, цингой. Многие не смогли иметь детей. Однако, всегда жизнерадостные, они крепко держатся за жизнь и готовы, не скупясь, поделиться со всеми своей стойкостью и выдержкой.

– Где черпайте энергию? – В творчестве, в общении с людьми. Я тружусь с 16 лет по сей день.

– Вы говорите о специфических болезнях блокадников. Чем они отличаются?

– Я часто вспоминаю моих дорогих родителей – мужественных людей. Моя мама Платонова Наталья Андреевна,

прожив 90 лет, всегда удивлялась тому факту, что медики мало изучали здоровье пациентов, переживших 900 дней блокады и всю войну. Поразительно, но во время войны исчезли все обычные заболевания мирного времени: язва желудка, рак, сахарный диабет и другие, они нас и сейчас не беспокоят. Мы страдали совсем от другого: от голодной дистрофии.

– *Как Ваши всегда занятые родители находили время на воспитание своих детей?* – Может показаться, что нашим родителям, занятым с утра до ночи тяжёлым трудом – восстановлением разрушенного города Ленинграда, не было дела до воспитания своих детей. Но это не так. Семья была главным воспитывающим фактором: поведение родителей, их отношение к жизни, к труду, уважение друг к другу, к старикам формировали наш характер. Кроме того, мы много времени проводили в школьном коллективе, в домах пионеров, в творческих кружках, – там мы учились общаться. Трудовыми навыками овладевали дома, поскольку домашний труд был на детей, а также в пионерских лагерях и на пришкольном участке. Окружающая среда – вот тот сосуд, в который попадает ребёнок. Здесь куется его счастье или несчастье, его мировоззрение.

– *Вы и сейчас продолжаете работать. Не пора ли отдохнуть?*

– Отпраздновав 70-летний юбилей в родном университете, я ушла с трудовой книжкой в руках, но не на заслуженный отдых, а на поиски новой работы. Привычка работать не отпускает наше поколение. Очень хочется быть полезным обществу, быть всегда в строю. И тут я столкнулась с возрастным цензом. После серьёзной исследовательской работы в химической лаборатории мне предлагалась работа в гардеробах, уборка помещений, в сетевом маркетинге. Успокоилась я лишь тогда, когда стала волонтером в детском благотворительном фонде. В этом фонде работы – непочатый край, а заработок мизерный. Но здесь я получила то, что хотела – почувствовала себя востребованной.

– *Хватает ли времени на творчество?* – Работа отнимает много сил, но для творчества всегда можно найти время. С друзьями – бывшими блокадниками, мы навёрстываем то, чего были лишены в детстве: посещаем выставки, театры, музеи, и это всегда приносит удовлетворение, даёт полёт для новых творческих замыслов. Оказывается, в почтенном возрасте есть свои прелести.

– *Как Вам удаётся дружить с детьми и внуками?* – Жаль, что время наше всё стремительнее набирает обороты. Но мы не сдаёмся и раскручиваем спираль в обратную сторону. Собственное здоровье во

многим зависит от здоровья наших детей и внуков. А также от взаимоотношений с ними. Зачастую, хочется поучить их жить, подсказать, упрекнуть за их недостаточное внимание к себе. Но делать это надо ненавязчиво. А чаще всего – лучше промолчать и заняться своими делами. А посудачить можно и с подругами. Моё правило: не советуй, если тебя об этом не просят, не навязывай свою помощь, если не просят. На то и есть старшее поколение, чтобы проявить житейскую мудрость. А порой достаточно просто рассмеяться, и недоразумение исчезнет. И только терпение может уберечь нас от отчуждения друг с другом. Предъявлять претензии молодёжи в том, что они нам чем – то обязаны, не стоит. Они нам ничего не должны. Молодые живут в своём ритме жизни, загружены своими житейскими делами, заботами о своих детях, много работают. Лучше не беспокоить их лишним раз. Быть мамой и бабушкой – это тоже работа. Надо, чтобы дети и внуки чувствовали, что у них есть тыл, запасной аэродром, куда всегда можно приземлиться.

– *На чём основан Ваш оптимизм?* – Мы, поколение 40-х годов, всю жизнь шагали по ней в борьбе за эту жизнь и закалились в борьбе. В экстремальных условиях блокадного ада выработалась выносливость и устойчивость к невзгодам, нездоровью и к прочим «не». Мы научились терпеть и не ныть, мы умеем радоваться жизни.

– *Сейчас много говорят о стрессах, как Вы справляетесь с ними?* – У меня их не бывает, – просто некогда.

– *Как всем нам справляться со стрессовыми ситуациями?*

– В них не попадать. Заниматься любимым делом, работать, творить, читать, путешествовать, постоянно быть занятым.

– *О чём мечтаете?* – У меня случилось не так уж много времени, поэтому хочется ещё очень многое успеть, узнать, получить новые впечатления.

Вот откуда у блокадников столько оптимизма и жизненных сил: они умеют любить и радоваться жизни, как дети. Дети блокады искренне дорожат своей семьёй, дружбой. Им есть, что вспомнить, чем поделиться.

– *Что бы вы пожелали сегодня тем, кто никогда не знал войны?*

– Надо, чтобы никогда не повторилось трагическое прошлое. Чтобы унаследовали человеческие качества, благодаря которым выжили и победили защитники Ленинграда. Берегите детей! Берегите мир!

Посвящается моей матери
Волковой Валентине Васильевне
и сестре Нелли Михайловне
Шмелёвой (Потёмкиной).
Светлая память погибшим,
умершим от голода и тяжёлых ран воинам
и жителям блокадного Ленинграда,
взрослым и детям.

Нелличка Потёмкина и её спасение

К огромной радости молодых родителей ленинградцев Потёмкиных незадолго до войны у них родилась девочка Нелличка. Михаил работал на заводе, а Антонина (старшая сестра моей мамы) трудилась на тюлево-гардинной фабрике. Семья жила в достатке, имела большую комнату в коммунальной квартире. Но семейному счастью не суждено было быть долгим: грянула война. Отца мобилизовали на фронт, откуда он так и не вернулся живым, а мать продолжала работать на фабрике, только вместо изящной ткани теперь выпускали полотна для пошива военной формы и шинелей, да рабочий день стал бесконечным. Восьмого сентября 1941 года замкнулось вражеское кольцо вокруг Ленинграда, началась девятистодневная блокада: непрерывные бомбёжки, не было света, тепла и воды, транспорт не работал, 125 граммов хлеба выдавали по карточкам. Антонина безмерно страдала, не имея возможности вырваться с работы домой. Так Нелличка попала в детский дом. Маму свою она не помнила и всякий раз путала с другими тётями.

Однажды после очередного налёта вражеской авиации здание фабрики было разрушено, начался пожар. Антонина получила тяжёлое ранение в голову. На мгновение она пришла в себя и увидев

раскиданных по цеху убитых, раненых и обгорелых людей. Очнулась в госпитале. Эту страшную бомбёжку Антонина Сергеевна не забывала всю жизнь. Антонина Сергеевна рассказывала, как тёмными ночами иногда она возвращалась с работы домой пустынными, неосвещёнными улицами, спотыкаясь о замёрзшие трупы; навстречу попадались истощённые, словно призраки, прохожие. Вспоминала, как её, обессиленную от голода и тяжёлого ранения, нередко навещали мародёры, ведь люди тогда не запирали двери.

Промозглый холод в пустующем, давно нетопленном доме, в котором хозяйничали крысы, да мучительный голод парализовали волю людей. Возникало равнодушие к надвигающейся смерти, люди настолько привыкли к бомбёжкам, к грохоту разрушающих зданий и мостов, к звону разбитого стекла, что перестали прятаться, да и сил спуститься в убежище не было. Трупы не закапывали, а перетаскивали в пустующие квартиры. Антонина Сергеевна испытала ужасы блокады и войны с первого до последнего дня.

Теперь свою маму Нелличка Потёмкина не увидит до конца войны. Осенью 1941 года началась эвакуация детей на Волгу, за Урал, в Сибирь. Единственный путь из блокадного Ленинграда на большую землю проходил через небольшой участок суши и воды Ладожского озера. Вражеская авиация денно и нощно бомбила буксиры, баржи и катера с красным крестом на борту, на которых вывозили детей и раненых. Зимой фашисты решетила лёд, по которому проходила «дорога жизни», грузовики проваливались вместе с грузами и людьми. Тысячи ленинградцев погибли в ледяной купели.

Для Нелли эвакуация из осаждённого Ленинграда в город Котельнич Кировской области прошла благополучно. Однако и там кормить детишек было нечем, ели липкий хлеб, испечённый из лебеды и опилок, компот из моркови и ревеня, суп из крапивы, словом, питались всем, что было под ногами. От такой изнурительной «диеты»

началась дизентерия и дистрофия, дети обессилели, почти не двигались. А впереди ещё была зима, и, как оказалось, не одна...

Но Нелличке повезло: она не потерялась в дороге и не умерла от голода. Ей удалось выжить благодаря родственникам, проживающим в маленьком городке Солигаличе Костромской области, что в ста км от древнего русского города Галича. Здесь жила мать Антонины Сергеевны – Анна Павловна с младшей дочерью Валентиной, которой в начале войны было 15 лет и которая, таким образом, Нелличке приходилась родной тёткой. Самым удивительным и даже чудесным образом, несмотря на суровость первого года войны, в октябре 1941 года в Солигалич дошло известие из блокадного Ленинграда о ранении Антонины и эвакуации Нелли с детским домом в город Котельнич.

Не имея ни малейшего представления о месте нахождения неизвестного Котельнича, не догадываясь о трудностях пути, Валентина, которая сроду не выбиралась из родных мест и поездов не видела, отправилась пешком искать свою племянницу. Девушка и не подозревала, какие тяжёлые испытания ей придётся преодолеть. В узелок сложила пайку чёрного хлеба и бельё. Мать, сама плохо понимающая опасность предстоящего пути, не остановила малолетнюю дочь.

Дорога в сто км до железной дороги – областного центра Галича, оказалась куда сложнее, чем предполагалось изначально. Валюшка торопилась, нужно успеть до наступления осенних заморозков добежать до станции. Тряпичные из парусины туфли быстро пришли в негодность, на второй день оторвалась подошва. Привязав подошву верёвкой, она продолжала путь. Но и такая конструкция оказалась недолговечной: шла в чулках, которые вскоре превратились в лохмотья. Пришлось идти босиком. Однажды послышался стук телеги и хрип усталой лошади. Расспросив что да как, мужичок пригласил девушку в повозку, но не с целью подбросить пару км, а совсем с другими намерениями. Валентина смекнула, в чём тут дело, быстро прыгнула и бросилась наутёк. А узелок остался в телеге.

Валентина вспоминала, с какой оторопью преодолевала дорогу сквозь беспросветный и длинный, как труба, еловый «акуловский» лес, где смело себя чувствовали только волки и медведи. Так прошла неделя пути. Ей приходилось отдыхать под кустами или в канавах, укрываясь от холода ветками. И только в одной деревушке после долгих расспросов девушке предложили кусок хлеба да колодезной воды и уложили спать на сене.

Валюшка добралась до Галича и разыскала ж.д. вокзал. Ей казалось, что все мытарства скоро закончатся, но они только начались. Товарняки, составы с зачехлённой техникой и солдатами на большой скорости неслись на запад к линии фронта. Попасть в проходящий поезд не было никакой возможности. Несколько дней девушка выбегала на перрон, заслышав стук колёс. И всё же ей повезло: удалось протиснуться в вагон на минуту остановившегося поезда. Сколько времени прошло, Валентина не помнит, измученная она сидела в полузабытье на верхней полке вагона, порой теряя сознание от голода, усталости и боли в ногах. Зато хорошо помнит, что «в Котельнич поезд прибыл рано утром. Сочная заря освещала узкие, позолоченные пожелтевшей листвой улицы небольшого уютного городка. Здесь царили такой покой и умиротворение, что казалось, – никакой войны нет. Студёная осенняя прохлада пощипывала щёки, жгучая роса обжигала вспузырившиеся от кровавых мозолей распухшие ноги». Но девушку это не смущало, она бежала на встречу к незнакомой племяннице, которой тогда шёл третий годок. Детский дом с эвакуированными детьми отыскался быстро. Валентину провели в большую комнату, где тесно лежали истощённые, обессиленные ребятишки разных возрастов с высохшими, состарившимися лицами и не по-детски печальными глазами. Разбудили крошечную

девчущку с глазками, словно вишенки, одетую в красного цвета платьице в белый горошек, и та побежала навстречу незнакомой тётё: мама! С тех пор Нелличка не слезала с рук вновь обретённой «мамы». В детском доме не придали значения тому, что девочку забирает несовершеннолетняя, невесть откуда явившаяся босоногая девчонка, да ещё без документов. Возможно, воспитатели понимали, что это был единственный шанс спасти умирающего ребёнка. Их не покормили, не дали ни документов, ни платьица и туфельки, ни хлеба. Только сказали: «У нас ничего нет, дать просто нечего».

Обратный путь был сродни кругам ада. Трое суток металась на вокзале Котельнича Валентина с маленьким ребёнком на руках, пытаясь попасть на любой проходящий поезд. Спали на полу. Валя неподвижно лежала на холодном цементе в обнимку с безмолвной малышкой, согревая её теплом своего тела. Это продолжалось бы неизвестно сколько, если на них не обратил бы внимания начальник вокзала. Нелличка не плакала, она положила головку на плечо и тихо умирала. Сцепленные на шее «мамы» ручки не размыкались. Услышав историю спасения блокадного ребёнка, седовласый и невероятно уставший начальник в строгой форменной одежде обещал помочь. С большим трудом он втолкнул девочку в едва притормозивший поезд, битком набитый военными. Мужчины, одетые в солдатские шинели, поддержали по сути двоих детей: поили водой, давали кусочки хлеба, сахара и печенья из своего сухого пайка, уступили место, где удалось немного подремать. В Галич поезд прибыл поздно ночью. Было уже холодно, наступил конец октября сорок первого, начались затяжные

дожди. Дороги размыло, и разбитые ноги вязли в липкой глине. Каждый шаг приносил нестерпимую боль. Но теперь это уже ничего не значило. Ведь стокилометровый путь до Солигалича вёл к родному дому. Истощённый ребёнок, словно догорающий свечной огарочек, безжизненно висел на спине. Отдыхали на обочине раскисшей дороги. На пустующем горизонте – никого, жизнь как-будто замерла: ни машин, ни лошадей, ни людей, – кто на фронте, кто в эвакуации, а кто попрятался в домах. Полторы

недели пути пролетели как бы без памяти. Когда Валентину спрашивали, как ей удалось выжить, она отвечала, – «не помню, я только шла и шла». Стресс настолько мобилизовал организм, что девушка не заболела, даже не простудилась, только долго лечила распухшие от водянистых мозолей и гнойников ноги, которые никак не влезали в туфли. Вскоре Валя Большакова приступила к занятиям в педучилище, куда она поступила в сорок первом.

Нелличку с трудом оторвали от «мамы» и уложили спать. Малышка не разговаривала, не плакала и не подавала признаков жизни. Отпаивали ребёнка козьим молоком, кормили болтушкой из картошки и хлебом, который отрывали от двух мизерных пайков для иждивенцев. Вскоре удалось получить хлебную карточку и на ребёнка.

Мать Нелли – Антонина Сергеевна продолжила работать в полуразрушенной фабрике. После войны она получила правительственные награды, главная из них медаль «За оборону Ленинграда». Ей очень хотелось найти свою дочь, но данных нигде не было, а архивы неизвестно куда вывезены. А тут пришла похоронка на мужа, который после длительного лечения в госпитале скончался от тяжёлых ран. После снятия блокады в Ленинград стали поступать письма, получила радостное известие и Антонина Сергеевна о том, что Нелличка жива и находится у своей бабушки Анны Павловны. Антонина Сергеевна привезла дочь в Ленинград. В разрушенный город без тепла и света возвращались жители города. Постепенно открывались больницы и госпитали, школы, театры и концертные залы, пошли трамваи. Жизнь изменилась к лучшему, но по-прежнему оставалась изнуряюще голодной: пожалуй, только выросли хлебные пайки, да к ним прибавились крупы. Мать Неллички нередко увозили в больницу. Девочку вновь ждал детский дом.

Вот оно, обожжённое войной детство: недолюбленный ребёнок, выросший без кукол и игрушек, без конфет и подарков. Дети

**Анна Павловна
и Сергей Корнилович**

**Волкова
Валентина Васильевна**

блокадного Ленинграда, искалеченные душой и телом, умеют любить и радоваться каждому дню, ценить и беречь жизнь. Стойкие духом, они нашли в себе силы учиться, работать, восстанавливать любимый город, творить и созидать.

Длительное голодание в раннем возрасте приводит к тяжёлым заболеваниям. Нелли Михайловна не исключение. Но на болезни она не жалуется, терпеливо переносит выпавшие на её долю испытания и достойно несёт свой крест. И пусть долгие годы её будет сопровождать счастье, – она его выстрадала!

Война, опалённая огнём побед и пеплом поражений, коснулась и Валюшку, тяжёлым бременем прокатилась по судьбе жизнерадостной девушки, она училась, голодала вместе с матерью и племянницей и ещё двумя девушками – блокадницами, которых привезли на излечение в сорок первом. В 1944 году Валентина закончила педучилище и получила направление на работу. Через всю страну по комсомольской путёвке ехала учить ребятшек в разрушенное войной село. Ушёл на фронт и погиб её названный жених Вовка Анфиногенов. С детства ребятня дразнила их «женихом и невестой». Четыре месяца «учебки», и новоиспечённые лейтенанты шли командовать ротами. Валентина Васильевна вспоминает, что последнюю весточку получила осенью 1944 года – «завтра идём в бой»! Бой для юных младших командиров был первым и последним. Безусые лейтенанты и рядовые этого призыва из городка Солигалича погибли все до одного, не

вернулся никто. Когда одна за другой стали приходиться похоронки на недавних новобранцев, город стонал от воя и плача. Война искалечила многие судьбы. Потом у Валентины Васильевны будет замужество и рождение детей, но жизнь её пойдёт совсем другим путём.

Написано со слов моей матери Волковой (Большаковой) Валентины Васильевны. Это та самая мужественная девушка Валюшка, которая так и не поняла, что совершила героический поступок в свои неполные шестнадцать лет...

Валентина Васильевна

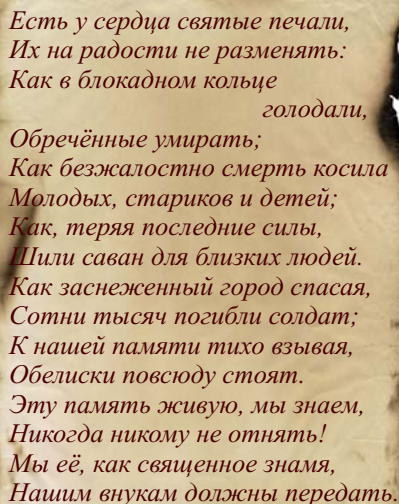
Людочка Юхневич (Людмила Ивановна Тервонен)

Детский врач, поэт, журналист, общественный деятель, руководитель общества ленинградских блокадников в городе Сортавала (Карелия)

Людочка Юхневич родилась в 1938 году в Ленинграде в большом красивом доме на проспекте Села Смоленского Володарского района. Мама девочки Елизавета Устиновна происходила из многодетной семьи сибирских крестьян. По приезде в Ленинград окончила курсы и работала оператором на железнодорожной станции, а затем освоила бухгалтерское дело. Отец Иван Борисович – коренной ленинградец, работал инженером – строителем. Счастливый папаша был так рад рождению дочери, что сделал любимой супруге дорогой подарок – беличью шубку, шапочку и муфту. Эту шубку Елизавета

Устиновна не продала даже в тяжёлые годы блокады, увезла с собой в Сибирь и носила ещё долго после войны.

Война застала Людочку и её братика на загородном хуторе у деда Бориса, куда летом съезжалась многочисленная родня. Всей семьёй вместе с бабушкой они заторопились в город, чтобы лихолетье встретить в родном доме. Восьмого сентября 1941 года блокадное кольцо сомкнулось, связь осаждённого города с внешним миром прекратилась. Брат матери Иван сделал печурку – буржуйку, возле которой проходила вся блокадная жизнь. Елизавета Устиновна стала работать кипяtilьщицей, получала по рабочей карточке 250 гр. хлеба. Женщина вставала затемно и на саночках везла с Невы две кадушки воды, кипятила её в титане и разливала жильцам дома по два литра в сутки. Дрова заготовляла, как могла: отрывала доски от сараев, заборов, ломала мебель. Зачастую она поднималась в квартиры, в которых жильцы не состоянии были двигаться, и разносила горячую воду.

*Есть у сердца святые печали,
Их на радости не разменять:
Как в блокадном кольце
голодали,
Обречённые умирать;
Как безжалостно смерть косила
Молодых, стариков и детей;
Как, теряя последние силы,
Шли саван для близких людей.
Как заснеженный город спасая,
Сотни тысяч погибли солдат;
К нашей памяти тихо взывая,
Обелиски повсюду стоят.
Эту память живую, мы знаем,
Никогда никому не отнять!
Мы её, как священное знамя,
Нашим внукам должны передать.*

Людмила Тервонен

Дети мало двигались, а больше лежали, заботливо укрытые матерью. «И всё равно было нестерпимо холодно из-за отсутствия тепла и от голода. И только обжигающий глоток воды на некоторое время возвращал к жизни», – вспоминает Людмила Ивановна. В январскую стужу девочка встретила своё четырёхлетие. На праздничном столе – всё те же кусочки хлеба и кружки с кипятком. «Настоящий праздник состоялся тогда, когда отец привёз с линии фронта кусок мороженой конины. Бабушка накрутила котлет и пожарила их на воде. Мясной аромат щекотал ноздри оставшихся в живых жильцов дома. К квартире подползали люди, бабушка каждого угостила котлеткой». В первый год блокады семья отметила новогодний праздник. На ёлочной ветке висели довоенные орехи, обёрнутые золотистыми фантиками, и засушенные конфеты. Вскоре от этой «роскоши» ничего не осталось.

Отец, работавший на строительстве госпиталей, больниц и оборонительных сооружений, отдавал свой хлеб семье и таял на глазах. Весной 1942 года он слёг и умер от истощения в новой больнице, которую сам проектировал. Ушёл на фронт и дядя Иван. Мать металась в поисках дополнительной работы и пайки хлеба. Скудного питания не хватало, голод брал своё. Понимая, что выжить в экстремальных условиях осады города семья не сможет, Елизавета Устиновна в августе сорок второго получила разрешение на эвакуацию в Сибирь. Путь предстоял нелёгкий и долгий, – сначала под обстрелом вражеских самолётов на катере «Дорогой жизни» по Ладожскому озеру. Под прикрытием авиации успешно добрались до берега, но не всем катерам удалось вернуться от бомбардировки. Людмила Ивановна пишет:

*Смутно, но помню блокадные дни.
Город за шторами прятал огни.
Тень дирижабля плыла над Невой.
Пламя пожарниц стояло стеной.
Голос сирены протяжно звучал.
Бомбоубежища тёмный подвал.
Голод и крохотный хлеба кусок,
Да кипятка обжигавший глоток.*

*Пламя копилки, буржуйки тепло...
Смерть миновала, нас чудо спасло.
Был через Ладогу страшный бросок.
Волны трепали наш катерок.
Небо гудело – шёл яростный бой.
Лётчики нас прикрывали собой.
Ужас бомбёжки, брата нитьё,
Бабушки руки, молитвы её...*

Людмила Ивановна помнит, как после переправы на берегу их кормили вкусной едой: супом с конским мясом, кашей с маслом и сухарями с чаем. Но мама не позволила детям есть досыта, она знала, что ослабленный голодом организм обилие пищи не выдержит. И действительно, с миской в руках многие умирали. А потом началась

изнурительная дорога по железной дороге в переполненных товарных вагонах, в которых раньше возили скот. Путь был мучительным и долгим, было холодно и голодно, умерших снимали на каждой станции. Семья обосновалась в Курганской области. Мать работала бухгалтером, по карточке на ребёнка давали всё те же 150 гр. хлеба в день, на взрослого – 300, голод продолжался и здесь. И тогда Елизавета Устиновна продала ценные вещи, привезённые из Ленинграда, выменяла их на пуд

соли, которая была большой редкостью, за что колхоз предоставил ей тощую корову. На свежем воздухе и молочке детишки поправились и быстро набрались силёнок.

Людмила Ивановна называет ангелами – хранителями матерей блокадных ребятишек: «Мама делилась с нами скудным пайком блокадного хлеба, заслоняли собой во время налёта вражеской авиации и артиллерийских обстрелов. Материнская любовь жертвенна и беззаветна».

После снятия блокады ленинградцы заторопились домой. Стали собираться и Юхневичи, но получили отказ: – жилья не было, дома разрушены. И тогда с любимой коровой и сеном в товарном вагоне семья прибыла в Выборг к брату Ивану, вернувшемуся с фронта после ранения. Здесь корову продали и купили большую комнату в старом финском доме и швейную машинку, чтобы подрабатывать шитьём, помимо основной работы на железной дороге. «Машинка стучала постоянно, когда я ложилась спать и когда вставала», – рассказывает Людмила Ивановна. Она вспоминает, что «есть хотелось всегда, посуду можно было не мыть: мы с братом лизали сково-

родки после картошки, жареной на воде, и кастрюли после каши». Людочка с братом отвечали за отоваривание хлебных карточек и очень боялись их потерять. И однажды потеряли, спрятав, неизвестно куда. Семья с трудом пережила трагедию. Нашли пропажу уже после отмены карточной системы в 1947 году. Хлеба теперь ели вдоволь, хотя ещё долгие годы хотелось есть.

*Мы дети войны, не знали отцов,
Ни цвета их глаз, ни голосов.
Мы – безотцовщина, ласки не знали,
Так же, как матери, молча страдали.*

*Вечно голодные, летом босые.
Осенью жёлуди грызли сырые,
Кашу варили всегда на воде.
Хлеба хотелось, но к страшной беде,
Хлебные карточки часто теряли,
Плакали горько и голодали.*

*Помню, как карточки отменили, –
Хлеб и батонны охапкой носили.
Дети гуляли тогда во дворах,
Хлеба кусочки зажаты в руках.*

Несмотря на голод и неустроенность жизни, Людмила успешно закончила школу, а затем Ленинградский педиатрический медицинский институт. И всегда писала стихи. Блокадная поэзия Тервонен Л.И. правдива, полна душевной боли и мудрости. В них слышится тревожный стук метронома: тревога, тревога... И призыв к вечной памяти о жертвах блокады:

*...Долг перед павшими, живыми,
Кто защищал наш Ленинград;
Долг перед близкими, родными,
Чьи души с нами говорят...*

Люля Юхневич, 1952 г.

Работать детским врачом Людмила Ивановна приехала в Сортавала, – уютный городок, что стоит на живописном Ладожском озере, когда-то подарившем второе рождение ей и тысячам других блокадников. Как врача, её интересовало, почему блокада породила так много неординарных, талантливых, творческих личностей. И пришла к выводу, что это связано с необходимостью проявлять невероятной силы волю, выдержку, терпение, что привело к максимальному раскрытию резервов детского организма.

Людмила Ивановна трепетно и нежно поклоняется любимой Ладоге:

*Я поклоняюсь Ладоге Могучей;
Её волне, то плавной, то кипучей,
Когда её тяжёлый вал
Дробится, пенится меж скал ...*

Или:

*Туман пуховым одеялом
Прилёг на ладожские скалы,
Закрыв надёжно небеса;
Вблизи темнеют лишь леса...*

Люля и Боря, 1952 г.

Лирика Людмилы Ивановны элегантная, чувственная, изящная, мелодичная, полная света, чистоты и счастья бытия; метафоры хрупкие, издающие хрустальный звон.

Вот ещё одно, растоптанное войной детство ленинградских ребятишек, когда безоблачное небо в одночасье стало облачным и грозным с бомбами и пожарами, ранениями, болезнями, гибелью близких людей, изнурительным голодом и мучительным умиранием.

«Время не властно над памятью», – говорит Тервонен Людмила Ивановна. Вечная память безвременно ушедшим – погибшим в сражениях и умершим от голода и ран в блокадном аду! И пусть невинные души детей яркими звёздочками вечно горят в небесах! И пусть оставшихся в живых пленников осаждённого города хранит Господь!

Чудом спасённая девочка Верочка

Новорождённая Верочка Васильева спаслась самым невероятным образом. Девочка родилась в день ожесточённой бомбардировки вражеской авиации.

Бомба попала в родильный дом и разрушила крыло здания, где находились палаты новорождённых. Ударной волной малышку выбросило в проём окна. Пелёнка зацепилась за ветку тополя. Девочка повисла на ветке, там её и обнаружили. Остальные новорождённые погибли. Палаты с роженицами не пострадали. Матери не знали, чей ребёнок спасся чудом. Каким огромным было счастье женщины, когда ей вручили живую, невредимую малышку! Отец Верочки Александр Иванович Васильев с первых дней войны ушёл на фронт, погиб на Невском пятачке, ребёнка он так и не увидел.

Вера Александровна Ермакова (Васильева) живёт в городе Петро-заводске, руководит обществом ленинградских блокадников. Когда её спрашивают: – что для вас блокада, она отвечает: – жизнь.

ДЕТСКИЙ ДОМ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

**Светлане Васильевне
Магаевой посвящается**

Светлана Васильевна Магаева в десятилетнем возрасте пережила блокаду Ленинграда. После войны окончила школу с золотой медалью и с отличием биологический факультет Ленинградского Университета. Защитила кандидатскую, а затем докторскую диссертации в НИИ общей патологии и патофизиологии РАМН. Жила и работала в Москве, в прошлом году её не стало. Изучала патологию нервной и иммунной систем. Является автором свыше ста научных статей и монографий, в том числе о медицинских проблемах ленинградских блокадников.

Своими книгами, работой в международных и российских организациях ленинградских блокадников Светлана Васильевна призывает помнить, что «фашизм – это величайшее зло на земле, лишивший людей самого бесценного дара – жизни и здоровья».

В неоплатном долгу перед старшим поколением считает блокадных детей Светлана Васильевна Магаева. Несмотря на нечеловеческие условия существования, блокадники сумели сохранить интеллект и человеческое достоинство. Заторможенность развития в раннем детстве не помешала в будущем достичь высот.

Доблокадное детство Светланы – светлое, радостное, безмятежное. Мама Павла Дмитриевна – учительница биологии в средней школы, окружила единственную дочь образованными людьми. Мать не скупилась на книги и билеты в театр, музеи, филармонию. Первые спектакли «Спящая красавица» и «Щелкунчик» в Мариинском театре потрясли воображение пятилетнего ребёнка. Первый художественный фильм «Руслан и Людмила» заворожил многообразием цвета, красотой главных героев и волнующей музыкой. Дома девочку окружали портреты учёных Павлова, Тимирязева, Ламарка и Кювье, а Чарльза Дарвина она выбрала себе в дедушки. Любимой помощницей – добровольной няней была филолог-пушкинист Вера Степановна. Это она открыла ребёнку удивительный мир сказок

братьев Гримм, Г.Х. Андерсена и Шарля Перро. За неимением у ребёнка собственной бабушки эту роль с удовольствием выполняла учитель русской словесности одинокая Мария Николаевна. Бывшая дворянка была изысканно вежлива и умела уважать в ребенке личность.

Не по годам развитая девочка с интересом посещала Дворец культуры, где увлечённо занималась художественным чтением, рисованием, пением, иностранными языками, особенно немецким. Порой Светлана задавалась вопросом: «Почему Я – это Я»? По прошествии времени, став известным учёным, физиолог Магаева поняла, что «природа поставила замок на ту дверь, за которой спрятан ответ на этот тревожный вопрос».

Светлана с раннего детства обострённо воспринимала несправедливость, её огорчило, когда большие дяди строго наказали музыкального руководителя Дворца культуры им. Кирова Марию Михайловну за то, что та поставила на сцене спектакль К.И. Чуковского «Мухоморок». Разодетые в Муху, Паука, Комарика, Тараканов и Жуков ребятишки так и не дождались Марию Михайловну на спектакль: педагога обвинили в пропаганде вредных обществу настроений и арестовали. Большие неприятности по поводу коварных замыслов Паука относительно Мухи начались и у самого автора стихотворения К. Чуковского. Горький след в душе ребёнка оставил день 1 сентября 1939 года, когда девочка с нетерпением ждала встречи со школой и «доброй волшебницей» Августой Алексеевной Тиме, к которой привязалась ещё до школы. Но встреча была короткой: первую учительницу вывели из класса на первом же уроке. Директор школы сдавленным голосом сообщил детям, что Августа Алексеевна «враг народа»: – «Было жутко, хотелось плакать. В коридорах было тихо и пустынно. Школу сковал ужас. Всех детей отпустили по домам». На другой день в класс вошла фея – Елизавета Матвеевна Коц, в которую влюбились все ребятишки. Светлана училась легко и одноклассников опережала в развитии. Сообразительной ученице быстро наскучило многократное повторение по слогам: «мама мыла раму». Нетерпеливая первоклассница как-то заметила: – «не слишком ли долго мама моет раму и не нужно ли ей помочь»? Ребёнка хотели перевести во второй класс, но мать на это не решилась. Чтобы отвлечь ученицу от «мытья рамы», учительница давала Светлане дополнительные задания. Но однажды Елизавета Матвеевна не пришла в школу, – в биографии учительницы усмотрели что-то опасное и отстранили от работы.

В мае 1941 году школьники и учителя расстались на летние каникулы, даже не догадываясь, что многие из них больше никогда не увидятся. Попрощалась Светлана и с Витей Прохоровым, с которым сидела за одной партой. Мальчик проявлял поистине рыцарские чувства: приносил запасной пенал с ручками и карандашами, зная о рассеянности соседки, и защищал от озорника Шурика Бурлакова, который макал в свою чернильницу Светины косички. Война и голод убили почти всех одноклассников, в том числе и Витю Прохорова... Родная школа вскоре превратилась в госпиталь, а дети, пока могли передвигаться, учились на дому у опальной учительницы Елизаветы Матвеевны.

Мама Светланы – Павла Дмитриевна первый день учительского отпуска 22 июня 1941 года решила провести вместе с дочерью на Елагином острове и вволю покататься в лодке. Но поездка не состоялась: в этот день началась война. Света никак не могла этому поверить, ведь только вчера радио сообщало, что в Германию отправлен очередной эшелон сливочного масла. Учителя собрались в школьном дворе, плакали и ждали нового сообщения из репродуктора о том, что германские войска уже разбиты. Но сообщения о победе не было, все разошлись по домам.

С первых дней блокады Павла Дмитриевна проявляла мужество и самоотверженность. Никому и в голову не приходило, что линия фронта может так быстро приблизиться к Ленинграду. Детей младших классов из летнего лагеря отдыха надо было срочно вывозить, это поручили Павле Дмитриевне. Во главе с Павлой Дмитриевной, бросив свои пожитки, дети и взрослые прибежали на станцию Валдай и столпились на платформе. Семафор подняли в ожидании воинского эшелона. Начальник станции сообщил, что поезд пойдет мимо и больше поездов не будет. Показался паровозный дымок, поезд приближался к станции: – «Мама спрыгнула с платформы и встала на

путях, раскинув руки. Кто-то из старших ребят встал рядом. Паровоз надсадно гудел и поравнялся с платформой. Машинист, высунувшись из окна, что-то кричал и отчаянно размахивал руками. Наконец нервы его не выдержали, и он затормозил. Военные выскакивали на платформу, хватали нас в охапку и бросали в открытые вагонные окна и двери. Маму тоже втащили в последний вагон». Бойцы накормили детей консервами и угощали сладким кипятком. Дети были спасены, но Павла Дмитриевна не сочла это подвигом. В осаждённом городе подвиги стали нормой жизни.

Осенью 1941 года Павла Дмитриевна уехала со старшеклассниками рыть окопы под Лугой. Но окопы не спасли. Немцы вплотную подошли к Ленинграду. Люди оказались в тисках голода и холода первой блокадной зимы 1941 года.

Павла Дмитриевна и другие учителя готовили детей к эвакуации. К школе подходили машины, под бомбами и снарядами они вывозили их к «Дороге Жизни». Учителя на распухших от усталости и голода

ногах ежедневно обходили обледенелые дома, выясняя, живы ли взрослые и дети и «отоварены» ли хлебные карточки. Когда взрослые впадали в голодный обморок или умирали, дети были обречены на смерть. Если в ближайшие дни их не обнаруживали, то спасать было бы некого, жертв блокады было бы ещё больше.

Новогодняя ёлка в канун 1942 года показалась Светлане неправдоподобным сюрпризом. Возможно, это было в голодном бреду, но кусочек хлеба, сильно пахнущий керосином, солнечный мандарин и сладкая плиточка глюкозы были настоящими. Старшеклассники – тимуровцы, впрягаясь в детские саночки, помогали педагогам привозить детей на ёлку: – «Был накрыт праздничный стол с блюдечками восхитительной пшенной каши. Мы молча лежали у елки и вдыхали смолистый аромат». А потом Дед Мороз (учитель математики) и Снегурочка (учительница русского языка и литературы) доставали из-под елки пакетики с подарками. Вскоре стало известно, что оба педагога умерли от дистрофии, как и другие учителя. Вечером перед боем курантов «мама разбудила меня, топилась печка-

буржуйка, обеденный стол был придвинут к кровати. Хлеба тогда не давали несколько дней. Никакой еды не было, только неизвестно из чего испеченные лепёшки. Но было радио, добрые голоса дикторов, журналистов, поэтов, певцов. Наше радио укрепляло веру в скорую Победу, в мирную счастливую жизнь. Ленинградское радио, как мы тебе обязаны!»

Немецкие самолеты ежедневно бомбили Ленинград, особенно Бадаевские склады, где были сосредоточены довоенные запасы продуктов. Отчаявшиеся блокадники готовили себе котлеты из газетной бумаги, листовок и прокламаций советских и немецких или завалившей за стол обёртки от маргарина, вперемежку со жмыхом. Нередко варили желе из столярного клея. Плитка столярного клея напоминала шоколадку. Готовое варево разливали по тарелкам, и получалось желе янтарного цвета. Но уже на другой день всё тело скручивало от боли. Варили всё, что попадалось под руки: кожаные ремни, перчатки, голенища сапог.

Светлана лежала под грудой одеял и дремала, разрывы бомб и снарядов уже не пугали, чувства притупились. Однажды случилась беда: в январе 1942 года Павла Дмитриевна не вернулась с работы. На следующий день в застывшей квартире появилась учительница, обходящая дома в поисках осиротевших детей. Женщина взяла девочку на руки и отнесла в детский дом. А утром спасительницу нашли замершей у двери этого детского дома. Должно быть, дома её ждали свои дети?

Детский дом разместился в бывшем детском садике. Велась регистрация, важная для послевоенного поиска детей. Печальные воспоминания сохранились в памяти Светланы: – «Мы всё время спали, прижавшись друг к другу, не снимая пальто и валенки. Просыпались только тогда, когда приносили хлеб и тёплую мучную кашу. Иногда кусочек мокрого хлеба посыпался сахарным песком. Эта спасительная еда позволяла выжить истощенным детям. В спальне теплилась керосинка, давая тусклый свет».

Светлана непрестанно беспокоилась о матери и надеялась, что та чудом выжила. И однажды чудо случилось: две девушки, одна из которых перед войной училась у Павлы Дмитриевны, разыскали Светлану и сообщили ей замечательную новость, что мама жива. Это они нашли замерзающую женщину с обмороженными ногами без сознания на снегу и волоком дотащили до больницы, где сами работали санитарками. Её обогрели и сделали укол глюкозы. В сознании ребёнка родилось чувство ответственности за жизнь матери, она пошла на поправку. И тогда девочка стала выбираться в госпиталь проведать мать. Светлана Васильевна вспоминает: – «Нужно было слезть с кровати, долго спускаться на «ватных» ногах по длинной лестнице, с трудом открывать тяжелую дверь, выходить в зимнюю стужу и сидеть на заснеженном тротуаре. Идти было трудно, я часто падала и подолгу лежала. Наконец поняла, что вставать не надо: легче передвигаться ползком. Иногда случалось, что кто-то помогал мне перейти дорогу или нёс меня на руках до самого госпиталя. Из детского дома я уходила после завтрака, частичку которого бережно уносила с собой в чашечке, которая была настолько мала, что помещалась в рукавичку. Там была мучная баланда с крошечным кусочком хлеба. Варёжка продырявилась, и чашка холодила ладошку. Потом мне подолгу приходилось сидеть на ступеньке госпиталя и ждать, когда случайный прохожий или санитар откроют ее. Теперь надо было задом наперед подняться на второй этаж. Мама глядела перед собой невидящими глазами и не узнавала меня, но сразу открывала рот, как только я прикасалась ложечкой к ее губам, и машинально проглатывала хлебные крошечки с мучной баландой». Оказалось, у мамы тяжелая дистрофия, может быть она еще и поправится, если не подведет обмороженная нога, которую, по-видимому, придется ампутировать. (И в самом деле, после войны началась гангрена, ногу пришлось ампутировать. Тяжелая инвалидность, коляска. Огромная сила духа позволила Павле Дмитриевне прожить после операции ещё 25 лет. Дочь за ней терпеливо ухаживала). Вскоре Светлана, потеряв остатки сил, перестала вставать с кровати и долго не знала, жива ли мама. В 1943 году в город стало поступать продовольствие, питание в детском доме улучшилось.

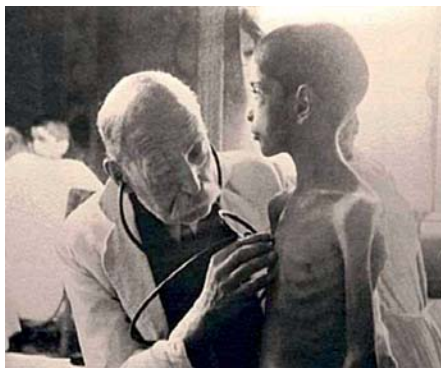
Иногда дети-дистрофики продолжали жить ради спасения умирающих родственников. Светлана Васильевна вспоминает свою школьную подругу Риту Маркову. Ритина мама опухла от голода и уже не могла двигаться. Годовалого ребёнка она не кормит несколько дней, а малыш не плачет и не просит еды. Отоварить хлебные пайки

не удаётся, еды дома нет. Тень смерти уже лежит на их лицах. Рита понимает, что от неё зависит жизнь близких людей. Надо только найти в себе силы и встать. На той стороне реки Невы стоит зенитная батарея папы, он обязательно поможет. Проваливаясь в глубокий снег, порой теряя сознание, Рита доползла до воинской части и разыскала отца. Объяснений не требовалось, отец всё понял: он отдал свой кусок хлеба и сушёную селёдку. Он донёс дочку до Невы и поставил на лёд. Девочка усилием воли поднимала себя, вставала, ползла и снова шла. Мама и брат лежали неподвижно, но ещё были живы. Рита растопила печь буржуйку и сварила селёдку... После войны блокадный синдром не отразился на Рите, она не замкнулась в себе, стала способной ученицей, увлекалась математикой и участвовала в олимпиадах.

Тревога и чувство долга за родственников удерживала ребятишек на этом свете, но многие умирали сразу после того, как те уходили из жизни. Кажется, что израненное собственными страданиями сердце не способно сопереживать чужой беде. Но это не так. Вот несколько воспоминаний Светланы Васильевны из жизни детей в детском доме.

История Оли и Серёжи. Смерть давно стояла рядом с девочкой Олей, но никак не могла оторвать её от младшего братика Серёжи. Мальчик всегда дремал и вздрагивал только от прикосновения ложечки. Оля ничего не ела и всё отдавала братику, ведь так поступала мама, когда была жива. И всё же Серёжа умер. Оленька поцеловала его в лобик, легла на кровать, вздохнула и ... умерла. Это была исполненная долга и достоинства смерть.

С нежностью Светлана Васильевна рассказывает про Таню Уткину, которая волевым усилием выжила ради младшей сестрички. Таню принесли в детский дом в полном истощении. Прозрачная девочка таяла, как свечной огарочек. Уколы с самым редким лекарством – глюкозой ставить было некуда: вены спали, а всё тело в пролежнях. Но Тане очень нужно было выжить: мама умерла, а в доме малюток находится маленькая сестрёнка, которую надо обязательно найти. Девочка цеплялась за жизнь и верила в своё выздоровление, хотя в него мало верили взрослые. Спасала девочку воспитательница, которая носила её на руках, покачивая, как младенца, и согревала теплом своего тела. Своей жизнью женщина поделилась с умирающим ребёнком. И чудо произошло: смерть испугалась человеческой воли и отступила перед чувством долга, Таня встала и пошла. Она оказалась жизнерадостной девочкой, каждому хотелось сделать для неё что-то приятное. Танечка выжила и разыскала сестричку. И тогда

каждый дистрофик в детском доме стал тестить себя надеждой: раз Таня Уткина выжила, значит и мы выживем.

В наилучшем положении была и Светлана: – «Я всё больше замерзала, не предполагая, что обе девочки рядом уже умерли... Мы знали, что скоро будет солнце и спокойное небо, новогодняя ёлка с мандаринами и детский смех,

но это будет без нас. А пока смерть выбирала самых слабых телом и духом». Подобралась смерть и к Свете, если бы не доктор Лёля. Юная студентка медицинского института доктор Лёля, не обнаружив биения сердца и дыхания в незамутнённом зеркальце, повезла девочку в покойницкую. Сознание Светланы подсказывало, что она ещё жива и что надо сказать об этом, но не было сил пошевелить губами. По пути в покойницкую студентка всё же засомневалась, она повернула каталку в медицинский кабинет, разожгла керосиновую лампу и сделала, на всякий случай, не то умирающей, не то умершей укол глюкозы, который имел чудодейственную силу.

С первым весенним теплом 1242 года стало легче, силы понемногу прибавлялись, особенно после того, как начали выдавать по половине яйца в день, вареные яйца привозили на самолетах. Дети выходили во двор и играли в песочнице. Из соседнего двора приходил играть мальчик Рудик, он приехал в Ленинград из фашистской Германии со своей мамой. Рыжеволосый и задиристый Лёнька назначил Рудика играть роль Гитлера, с которым воевала вся Лёнькина команда. «Солдаты» бегали за Рудиком с криками: «Долой фашистов!» Ребенок громко плакал и дрожал от страха. Однажды их дом подвергся яростным бомбёжкам. Мальчик погиб, а обезумевшая от горя мать бегала по дворам и звала сына. Ребята недоумевали, как немцы могли убить своего немца. Лёнька и его «армия» плакали и стали готовиться к наступлению на Берлин. Но помешала Лёнькина смерть, – он умер от истощения.

Частая боль в спине напоминает Светлане Васильевне о мальчике Алике из детского дома, эту травму она получила во время бомбёжки. Алика, закутанного в одеяльце, принёс в детский дом военный и сказал, что это Алик. Документов у ребёнка не было. Проглотив

половину яйца, долго молчавший мальчик улыбнулся и залепетал что-то очень радостное. Но однажды над детским домом завис мессершмидт. Начался обстрел. Громко грохотали разрывы, удар небывалой силы потряс здание, разбились стекла, закачался пол. Все, кто могли двигаться, спустились по лестнице вниз. Светлана осталась лежать, бежать не было сил. Про Алика в спешке забыли, а он жалобно плакал, забившись под кровать. Светлана спустилась с кровати и позвала мальчика. Малыш схватился за руку. И вдруг новый взрыв. Взрывная волна отбросила детей к стене. Резкая боль пронзила позвоночник. Алик не пострадал, но стал заикаться, повторяя одну и ту же фразу: «А-дайте-а-Алику-а-корочку-а-хлеба». После победы нашелся папа Алика, малыш оказался Александром, впрочем, ему было все равно. Отца он не помнил и встретил равнодушно. Нарастающая боль в позвоночнике напоминает Светлане Васильевне фразу контуженого малыша: «А-дайте-а-Алику-а-корочку-а-хлеба».

Сашу Байкеева Светлана Васильевна называет настоящим героем с обостренным чувством гражданской ответственности. Он пришел в детский дом на неудобных костылях, у него не было ноги. Говорили, что он попал под развалины разрушенного дома, спасая ребенка. Мальчик не плакал и не жаловался, а старался подбодрить унылых «дистрофиков», рассказывая всякие забавные истории и волшебные сказки, он молча терпел боль. Но главное отличие Саши было в том, что он носил пионерский галстук. Его готовили к эвакуации и усиленно кормили. Саша делился своим пайком, выбирая самых слабых,

непригодных для эвакуации. Однажды пришел грузовик. Шофер и воспитатели подняли детей в кузов и увезли. А поздно вечером Саша вернулся. Что случилось? Да ничего не случилось. Он не отстал от своей группы и не потерялся. Он решил остаться в Ленинграде. Вскоре Саша ушел из детского дома, он хотел быть полезным своей стране. Дети тогда работали на заводах, но ведь у них были ноги...

Однажды в детдом привезли двух сестричек. Благополучные девочки, не затронутые дистрофией, вероятно, недавно попавшие Ленинград с родителями. Все спокойно относились к артобстрелам и воздушным тревогам, но для новеньких первый артобстрел оказался шоком: обе девочки внезапно умерли!

Большую радость доставила юной Светлане дружба с Ирмой Лившиц и Риточкой Лосевой. Светлана была знакома с Ирмой ещё до войны, они вместе занимались в кружках Дворца культуры: Ирма серьёзно занималась музыкой. Девочка напоминала едва мерцающий блокадный светильник. Её глаза под толстыми стёклами очков всегда были мокрые от слёз. Девочка таяла на глазах. Спасла Ирму дружба с Риточкой Лосевой, которая своей неуёмной жизненной энергией растормошила многих, хотя и была истощена голодом и страдала от цинги. Она была дочерью погибшего легендарного летчика Леона Лося. Риточка хорошо читала стихи и писала свои весёлые стихи. Ирма ожила, высохли слезы. Общество этих девочек стало для Светланы целительным, она вновь научилась радоваться жизни.

Светлану поразил поступок подростка Дениса Давыдова, которого привели в детский дом летом сорок второго. Каждый мог обидеть хорошо воспитанного, интеллигентного мальчика, ребята его задирали, а он не умел постоять за себя или пожаловаться воспитательнице. Однажды у Дениса пропал брючный ремень, что доставляло большие неудобства. Страдания мальчика усилились после того, как стало известно, что он – потомок героя Отечественной войны 1812 года, поэта и партизана Дениса Давыдова. Об этом с гордостью рассказала воспитательница Варвара Александровна Бушкова, дворянский род которой пересекался с генеалогическим древом славного рода Давыдовых. Его вечно сползающие брюки и оттопыренные уши были главным предметом насмешек. Но однажды у него появился ремень. Выяснилось, что подросток выменял ремень у кого-то из мальчишек за несколько кусочков сахара, который копил много дней. Да, это поистине героический поступок.

Однажды ночью Светлана проснулась от страстного шёпота. Это Варсанна, так дети называли любимую воспитательницу Варвару

Александровну, стояла на коленях, протянув руки в раскрытое окно и шептала слова молитвы. Она просила у Господа чудесного спасения и возвращения с войны живым и невредимым её единственного сына, который без вести пропал ещё в начале войны. Нечаянно подслушанная молитва запомнилась и вскоре обросла просьбами о спасении мамы, подруг и воспитателей, о скорейшем окончании войны. Светлана тщательно выговаривала слова молитвы, чтобы Он хорошенько услышал, ведь мир велик, а у Бога и так много других забот. Варсанна остерегала девочку от потребительского отношения к религии, предупредив, что не стоит беспокоить Его по пустякам, а только в особо важных случаях.

Сильное впечатление на детей и взрослых детского дома произвёл мальчик Саша, которого весной сорок второго года привезли тяжело раненым. У кровати поставили костыли, но как ими пользоваться, если нет руки и ноги? Мальчика обнаружили во время артобстрела возле детских саночек, на которых Саша вёз умерших мать и младшего братика, зашитых в простыни. Раны доставляли ему нестерпимые страдания. Жизнь пострадавшего ребёнка висела на волоске, и однажды этот волосок оборвался. Смерть героя настолько потрясла детей, что всем захотелось идти на фронт и отомстить за Сашу.

Безымянные дети появлялись в детском доме почти каждый день. Их приносили и приводили с улиц, где они лежали возле умерших матерей, или из опустевших квартир. Истощённые сироты молча лежали на кроватях и, кажется, не дышали. Они лежали в голодной коме. Многие так и умирали, не понимая, что ещё недавно были живы. В морозную зиму 41/42 годов смерть собирала свою скорбную дань особенно яростно.

Ежедневным подвигом был труд работников детских домов. Они спасали от голодной смерти ценой своей жизни. Светлана и многие дети не умерли благодаря их бескорыстному служению делу спасения будущего поколения ленинградцев. Ампулы с глюкозой, которых было очень мало, вкалывали самым ослабленным – многих это спасало от смерти, и дети воскресали на глазах. Однажды в детский дом пришла Ольга Николаевна Симановская. Светлана знала ещё до войны эту весёлую учительницу. Её любили мальчишки, ведь она играла с ними в футбол. Блокадной зимой 1942 года в детском доме оставались истощённые голодом девочки и мальчики, не пригодные к эвакуации. Подняв светомаскировочные шторы, новая воспитательница объявила бодрым голосом, что все будут делать зарядку. Дети вяло подумали, что она не в себе и пусть сама делает свою зарядку. Но

оказалось, что зарядка вполне по силам. Надо было повторять слова её стихов: «Январь пережили, февраль переживем, а в марте запоем». Первый день все молчали. На следующее утро она весело подала свою команду: «Дети, на зарядку!», несмотря на то, что за ночь несколько кроватей опустело... Постепенно к ней привыкали и стали вторить ей нестройным хором. Но однажды воспитательница не пришла: – она упала на улице в голодный обморок и уже не встала. На следующее утро девочки скомандовали: «На зарядку!» и все хором стали повторять ее оптимистическую присказку. Но в марте было так тяжело, что дети «не запели». Кто-то догадался изменить слова, и все тихо проговаривали: «Март пережили, апрель переживем, а в мае запоем». Но и до мая немногим удалось дожить. Ежегодно 27 января Ольгу Николаевну с благодарностью вспоминают детдомовцы, пережившие блокаду, и повторяют её стих-зарядку: «Январь пережили, февраль переживем, а в марте запоем».

Баня была настоящим праздником. Однажды воспитатели организовали детям баню. Истосковавшиеся по чистой воде дети радостно окунались в таз, в котором кишели полчища насекомых. Воспитатели торопились помыть детей, ведь в любую минуту могла начаться воздушная тревога. Дети старались сберечь каждую каплю теплой воды. И вдруг чисто вымытая Света поскользнулась и упала, радость чистоты исчезла. Свои два тазика воды были уже израсходованы. Слезы обиды душили её. И вдруг одна девочка почерпнула из своего тазика ладошку чистой воды и плеснула на Светлану. На помощь поспешила другая, третья. А потом все стали смеяться и шлёпать ладошками по воде, поднимая фонтаны брызг. Это был первый детский салют победы. Счастливая Светлана получила крошечные пригоршни драгоценной воды, море счастья и океан доброты.

Чтобы спасти будущее поколение ленинградцев, надо было любой ценой вывезти малышей в глубокий тыл. Эвакуация стала для многих тяжёлым испытанием. Но в городе оставаться ещё опаснее.

Весной сорок второго года Павла Дмитриевна пришла в себя, немного окрепла, вновь научилась ходить и получила направление на работу в детский дом № 30, где находилась её дочь. Женщина стала готовить детей к эвакуации. По дороге к причалу она отстала, – несла на руках двухлетнего ребёнка, да и другие малыши цеплялись за подол. Все спешили к пароходу, который готовился к отплытию. Светлана на время потеряла мать из виду. К счастью, всё обошлось. Транспорт с детьми жестоко бомбили, но прямых попаданий не было, и все благополучно добралась до Большой Земли. Потом пересели в

поезд, где Павле Дмитриевне стало совсем плохо. Внезапно в небе показались вражеские самолеты, и поезд ускорил ход. В суматохе о большой женщине забыли и не высадили на ближайшей станции. Добравшись живой до назначенного места, Павла Дмитриевна приступила к обязанности воспитателя в группе самых ослабленных дистрофией детей.

Война закончилась, Павла Дмитриевна с дочерью вернулась домой. Наступили счастливые послеблокадные дни. Ослабленные, пострадавшие в военное лихолетье дети радовались возрождению к жизни. Светлана вернулась в родную школу. Несмотря на пережитое, девочка отлично училась, много читала, в Эрмитаже посещала кружок для одарённых детей, увлекалась историей искусств. Но на уроках немецкого языка заскучала: она до войны увлекалась языками, ей знакомы были английский, французский, особенно немецкий. В «наказание» учительница загрузила Светлану заучиванием наизусть стихов Гёте, Шиллера, Гейне. Вскоре знание иностранных языков пригодилось в работе: на международных научных симпозиумах она читала доклады на разных языках.

После уроков школьники разбирали руины на улицах родного города. Вместе с ними работали истощённые пленные. В тряпье и обмотках они выглядели жалко, натужно кашляли, обмороженные руки покрылись язвами. На первый взгляд кажется странным, но не-

нависти к немцам у детей не было, а жалость переросла в сострадание. Школьники и сами были не в лучшем состоянии, но дети трудились добровольно, а немцы работали по принуждению, разбирая завалы, которые сами же и устроили. Ребятишки потихоньку подкармливали пленных кусочками хлеба!?

Десятиклассница Светлана иногда заменяла заболевшую маму, которая преподавала биологию в школе рабочей молодёжи. Подростки целый день работали, а вечерами учились, навёрстывая упущенное. Почти у всех умерли мамы, у многих отцы не вернулись с фронта. Здесь учились «рано повзрослевшие дети с обострённым чувством ответственности за судьбу осиротевших семей. Все они обладали

крепкой волей, и все они были нездоровы, неся следы блокады». Ко всему привыкшая «юная учительница» с косичками и в школьной форме, не удивилась, когда в класс привозили ученицу в коляске без обеих ног. А случилось несчастье во время бомбёжки, когда девочка с мамой спустилась в бомбоубежище. Здание рухнуло, погибли многие, погибла и мама. В школу девочку привозил вернувшийся с фронта отец, он терпеливо ждал, когда закончатся уроки. Школу посещали израненные душой и телом ребята, многие передвигались на костылях, но учились старательно.

Глубокий ум, хорошие знания и широкие интересы позволили Светлане закончить школу с золотой медалью и поступить в Ленинградский университет на биологический факультет. Но блокадное нездоровье постоянно напоминало о себе: – «не было ощущения молодой светлой радости. Не было ни туризма, ни балов, ни морозной свежести лыжного бега, ни ощущения полёта на катке». Приученная с детства к напряжённому труду, Светлана усердно училась, а после лекций увлечённо работала в лаборатории, собирая материал для дипломной работы. Серьёзно заниматься биологией в смутные 50-е годы было непросто: начались гонения на генетику. Строптивая студентка открыто выступила в защиту «продажной девки империализма» и чуть не лишилась диплома. Но ей повезло: – большое усердие, одарённость и способности были замечены педагогами; она не только успешно закончила институт, но и с именной путёвкой академика Сперанского поступила в аспирантуру в Москве. Учёба в аспирантуре была напряжённой. Обозревать московские красоты некогда, всё время уходило на проведение изнурительных опытов на крысах.

Руки лаборантки были искусаны крупными крысами, которых «кормили на убой», – на перчатки денег не было. После защиты кандидатской диссертации по-прежнему опыты на крысах, лягушках, кроликах. После защиты докторской диссертации ей присвоено звание доктора биологических наук.

Успешные эксперименты в области патофизиологии всегда приносили радость «от полёта мысли и озарения», этим Светлана Васильевна счастлива. До последнего дня она самозабвенно служила науке и работала в институте своего первого учителя академика А.Д. Сперанского, который когда-то учил её «постараться не только многое узнать, но и многое суметь».

Светлана Васильевна вспоминает интересную историю о том, как однажды на симпозиуме, посвящённом изучению болезни Паркинсо-

на, после деловой части к русской делегации подошёл немецкий учёный-невролог и попросил прочесть из «Евгения Онегина» письмо Татьяны. Пожалуй, немногие из нас помнят школьную программу по литературе. Но Светлана Васильевна не растерялась и с удовольствием прочла наизусть. А потом читала по памяти стихи Пушкина, Лермонтова, на немецком Гёте, Гейне, Шиллера, чем вызвала удивление присутствующих.

Блокадная память жестока, – размышляет Светлана Васильевна. Прошло много лет, а блокадники содрогаются от рёва самолёта, в страхе ожидая свиста бомбы и грохота взрыва. Многие лишились радости материнства и отцовства ввиду гормонального неразвития. И всё же память сохранила хорошие воспоминания о детстве: – «Моё поколение не было забитым. Сейчас принято полагать, что у советских детей не было счастливого детства. Дети были счастливы, если их родители не были репрессированы. Но большинство детей не знали о репрессиях, и ничто не омрачало их жизнь».

Оптимизм и надежда, выстоять и победить, – таково мироощущение Светланы Васильевны, женщины, детство которой омрачила война и трагедия великого горя. Светлана Васильевна искала истоки великого российского оптимизма в состоянии, когда потрясены основы жизнедеятельности организма. И нашла разгадку «в мужестве, стойкости и беспредельной душевной щедрости, которые помогли блокадным людям сохранить человеческое достоинство в самой запредельной за гранью жизни ситуации, в которой когда – либо оказывались люди. Блокадники выживали ценой волевого усилия на грани жизни и смерти. Нет, не оскудеет Россия на добрых людей, умеющих сочувствовать и переживать. Всю жизнь я прожила среди них».

При работе над очерком использовались книги Магаевой С.В.: «Блокадные люди», «Этюды оптимизма», «Психологическая общность ленинградских блокадников», «Блокадные дети» и др.

БЛОКАДНЫЕ МАТЕРИ

**Посвящается
блокадным матерям,
благодаря жертвенному подвигу
которых были сохранены
жизни детей – поколение
будущих ленинградцев.**

**Написано по воспоминаниям
детей блокады**

«Самым замечательным воспоминанием была сказка, которую рассказывала мама, – вспоминает житель блокадного Ленинграда, потомственный моряк, подводник, капитан I ранга Валерий Фёдорович Касатонов, – сказка была про пшённую кашу, которую мама наварит, когда кончится война. Каши будет так много, что, если кто захочет добавки, то он её получит. Сквозь сон я – младший, спрашивал, а если я захочу второй раз добавки, хватит ли каши? Конечно, хватит, – говорила мама, целуя детей, а у самой из глаз текли слёзы. Это была самая лучшая в мире сказка. Мы засыпали «сытые» и спокойные под равномерный стук метронома, доносящийся из включённого громкоговорителя. И даже когда ночью раздавался сигнал воздушной тревоги, мы не бежали в бомбоубежище, а спокойно продолжали спать. Ленинградцы привыкли к опасности. Кругом

На предвоенном фото отец Касатонов Фёдор Афанасьевич, моряк, погиб во время войны, братья Виктор и Валерий, мама Надежда Алексеевна

было столько горя и страданий, что даже возможная смерть их не страшила. При воспоминании перехватывает дыхание и непрошенная слеза катилась по лицу. Только сейчас, когда мамы нет рядом, начинаешь понимать величие подвига, который она совершила», – пишет Валерий Фёдорович в книге «В памяти сердца». Валерий Фёдорович с благодарностью вспоминает детский садик на углу улицы

Желябова и Невского проспекта: пока матери работали, «добрые» воспитатели кормили детишек супом из овсяной крупы, делали уколы, пели песни, в том числе только появившийся Гимн Советского Союза, обливали водой из лейки и заставляли загорать, а сразу после войны отвезли за город на природу. В детской памяти остались страшные воспоминания о кишачих в городе крысах размером с откормленную кошку, с которыми воевала мама, животные жили в одних квартирах с живыми и мёртвыми.

Касатонов Валерий Фёдорович

Валерий Фёдорович удивляется, как могли потомки готов, Шиллера и Гёте устроить нам средневековый ад?

В блокадном Ленинграде не было чужих детей. Женщины – матери, работавшие в детских домах и яслях, больницах, госпиталях, школах, сандружинницами на улицах и в промёрзших домах, служившие в войсках ПВО, – делали всё, чтобы спасти детей в осаждённом Ленинграде. Число мальчиков и девочек, оставшихся без родителей, росло с каждым днем. Детских домов, которые могли приютить всех сирот, не хватало. И тогда появились приёмники – распределители, куда женщины приносили и приводили ребятишек, обнаруженных в пустующих квартирах и на улицах. Мужество ленинградских матерей проявилось в жертвенной заботе о детях.

Выжили не все, тысячи людей умерли, не выдержав голода, холода, информационной тишины, когда подолгу молчало радио, постоянной тревоги и страха за безопасность своих близких. Но оставшиеся в живых жили достойно, несмотря на нечеловеческие условия существования, и выстояли. Дети города-фронта были спасены.

Это рассказ о трёх подругах и их героических матерях. «Если бы не родители, если бы не наши мамы, то дети не выжили бы в блокаде», – рассказывает Алла Юрьевна Платонова, пережившая ребёнком всю войну от начала и до конца в блокадном Ленинграде. Её горячо поддерживают давние подруги Галина Алексеевна Михайлова и Любовь Георгиевна Соловьёва (Захарова). «Мы часто встречаемся «за рюмкой» чая, чтобы вспомнить о своём детстве, помянуть наших

*Гая Михайлова с мамой
в дни блокады*

*Мама Галины –
Анна Ивановна Михайлова*

родителей. Отцы ковали победу на фронте, все заботы о детях легли на плечи матерей. Хлеба давали мало, и мамы выпаривали клей из стульев.

Варили суп из вонючего столярного клея и кусочков кожи от ремешков, из древесных опилок. Этот студень сверху заливался олифой. После такого ядовитого обеда нестерпимо болело всё. С наступлением весны 1942 года мы радовались каждой травинке. Ели молодые листья клена, липы, варили щи из мокрицы, одуванчиков и корней лопуха. Наши матери были донорами, за сданную кровь они получали дополнительный паёк хлеба. Вспомнить страшно и забыть нельзя», – вспоминают блокадницы.

Многие блокадники так и не поняли, что были настоящими героями. Каждая женщина – мать совершала ежедневный подвиг. «Дети для едва живых матерей – это дополнительная всё поглощающая забота, отнимающая последние силы, – рассказывают женщины, – самое страшное для матери – выбирать, кого из них спасти. Скучного пайка на всех не хватало, хлеба выдавалось все меньше и меньше, иногда норма доходила до ста грамм в день, а иногда и совсем не выдавалась, тогда пункты раздачи закрывались. Однако наши родители обладали такими качествами, которые не проявляются в мирные времена: чувство долга, самопожертвование, героизм, который родители называли вынужденным. Это и помогало сохранить жизнь ребёнка и матери. Родители давно ушли из жизни, –

вспоминают подруги, – но мы бережём память о них, чтобы знали и помнили наши внуки и правнуки».

– Вы с большой гордостью и благодарностью рассказываете о своих родителях, о матерях. Что беспокоит вас сегодня в отношениях современных родителей и детей? – Блокадницы с горечью говорят: «Неужели надо человека ставить в такие нечеловеческие условия, которые создала война, чтобы родители поняли, что убивать и бросать своих детей нельзя? Мы хотим, чтобы взрослые никогда не позволяли себе издеваться над детьми, предавать и манипулировать ими в своих собственных интересах».

Дети блокады дорожат своей семьёй, дружбой. Им есть, что вспомнить. У блокадников много общего в жизни и тогда и сейчас: многие до сих пор трудятся, путешествуют по всему свету, с удовольствием посещают разные курсы. Война наделила их типичными заболеваниями, вызванными длительным голоданием: стрессом, дистрофией, цингой. Многие не смогли иметь детей. Но они крепко держатся за жизнь и готовы, не скупясь, поделиться своей стойкостью и выдержкой. Откуда столько оптимизма и жизненных сил? Они умеют радоваться жизни, как дети.

Галина Алексеевна Михайлова родилась в первые дни войны 14 июля 1941 г. в Ленинграде, а через месяц погиб на фронте отец Алексей Михайлович Михайлов. Мама, Анна Ивановна, осталась одна в блокадном Ленинграде с младенцем на руках. Молодую женщину после окончания школы медсестёр направили работать в детскую поликлинику и в детский дом. Малышку Галочку она оформила на круглосуточное содержание в ясли – сад. Во время очередного налёта вражеской авиации бомбы попали в детский сад и в дом по улице Вакуленчука Петроградского района, где жила семья Михайловых. В детском саду погибли все дети, а из яслей успели вынести несколько малышек, в том числе и Галочку Михайлову. Счастливая мама получила из рук нянечки чудом спасённую дочурку. Но жить стало негде. Перебивались, как могли. Вскоре семья получила опустевшую квартиру в полуразрушенном доме по улице Ольгина на Крестовском острове, где и прожила всю войну. Анна Ивановна не любила рассказывать о блокаде, – слишком тяжелы воспоминания. Более 34 лет она проработала с детьми. Дослужилась до должности старшей медсестры и, обладая талантом педагога и воспитателя, выпустила несколько поколений медсестер. Награждена медалями: «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд», значком «Отличник здравоохранения». До конца жизни Анна Ивановна не оставляла любимую работу.

«Первое послевоенное время, – вспоминает Галина Алексеевна Михайлова, – было самым радостным: закончился голод, появился свет и вода, пошёл транспорт, открылись театры и музеи. С большими надеждами наши родители – герои – победители смотрели в будущее. Вот теперь – то, вдоволь наевшись любимой картошки жареной, да с лучком, о которой мечтали всю войну, приведут в порядок своё жильё, город, свою страну, и наступит счастливая жизнь. Но оказалось: не всё так просто. Многие годы после войны правда о блокаде замалчивалась, говорить о голоде, дистрофии, цинге, о страданиях на годы изолированных от страны ленинградцев было запрещено. Отношение к блокадникам было, мягко сказать, не оцененным по достоинству. Это теперь заговорили, что такой долгой блокады ещё не бывало в мировой истории, и что блокадники – герои. А тогда всё было не так. После войны разбирать завалы и восстанавливать разрушенный город со всей страны приехали рабочие, строители, инженеры. Их обеспечивали жильём и продовольствием. Возвращались в прежние квартиры и бывшие хозяева. Блокадников стали «уплотнять», переселять в коммунальные квартиры, в которых многие живут до сих пор, а кто-то вообще остался без жилья. Всё это вызывало недовольство. Чиновники не осознавали, какую высокую плату – ценою в жизнь, заплатили жители и защитники за спасение осаждённого города. Иначе, просто некуда было бы возвращаться и нечего восстанавливать. Героизм наших родителей несправедливо замалчивался, и это оставило в их сердцах большую обиду», – с горечью говорит Галина Алексеевна.

После войны появились новые проблемы: долгая война, разлука, потеря близких сильно изменили людей. С большими душами, физическими и душевными ранами и увечьями победители долго не могли отвыкнуть от войны. Научившись самоотверженно работать для фронта и хорошо воевать, они зачастую не могли найти своё место в мирной жизни. Некоторые лечили души спиртным. Дети на себе испытывали послевоенный синдром своих родителей. Но это не помешало им оставаться жадными до романтики, познания мир, блокадники до сих пор полны веры в светлое будущее своей страны.

Блокада снята, война закончилась, детям пора собираться в школу. Но что – то с неохотой вспоминают подруги Алла, Галина и Люба свои школьные годы. Почему? А потому, что слишком заметным было их отставание в физическом развитии. Переболев блокадными болезнями, с потерей зрения, слуха и речи, истощённые, они сильно отличались от приезжих ребятшек. «Есть хотелось всегда, ещё долго

Школьные подруги Галина Михайлова и Люба Соловьёва

после войны – вспоминают блокадницы, – и мы думали о хлебе больше, чем об учёбе. Состав классов был разношерстным. Школьной формы тогда не было, все приходили в школу, кто во что одет, и кто как сыт. Девочки и мальчики тогда учились отдельно и, тем не менее, благополучные дети «вычисляли» слабых и не упускали случая посмеяться над ними. Галю Михайлову называли «мертвой душой». С не оттаявшими от ужасов войны душами, «заторможенные» блокадные дети плохо воспринимали учебный материал и подчас не справлялись с домашними заданиями. Бессловесные, запуганные дети и дома не могли пожаловаться на обидчиков. И всё же, школу все благополучно закончили и получили аттестаты. А потом бывшие школьники начали работать, одновременно обучаясь в ВУЗах. И следа не осталось от «заторможенных мёртвых душ».

Галина Алексеевна Михайлова устроилась работать в ЛОМО (ленинградском оптико – механическом объединении), здесь она получила путёвку на обучение ЛИТМО (ленинградский институт точной механики и оптики), стала инженером. А потом активно занялась спортом, как будто и не было блокады, не было войны: велосипедным, альпинизмом, байдарками, а лыжам отдала всю жизнь, стала старшим инструктором. Подвижная, активная, она увлекается туризмом, много путешествует по нашей стране, любит

зарубежные поездки. Открытая и доброжелательная, Галина Алексеевна легко находит контакт с людьми.

Третья подруга – Любовь Георгиевна Соловьёва (Захарова) родилась в августе 1941 г. У Марии Семёновны и Георгия Васильевича Соловьёвых уже был сын Володя. Любочка стала четвертым членом семьи. Отец перед самой Великой Отечественной вернулся с другой кровопролитной войны – финской. И снова мобилизация. Всю Отечественную он воевал на Ленинградском фронте механиком в танковой дивизии. В конце сентября 1941, когда началась блокада, мама с двумя детьми собралась эвакуироваться. На Московском вокзале тысячи людей неделями ждали поезда. Пассажирские поезда почти не ходили, поскольку постоянно подвергались налётам вражеской авиации. Вдруг началась бомбежка. Вокзал был разрушен, много людей погибло. Но Соловьёвым повезло: остались живы. Они вернулись обратно домой. Марии Семёновне удалось, как кормящей матери, устроиться работать в лётной воинской части посудомойкой. Детей она «баловала» остатками еды из чужих мисок. «Пиром во

Люба Соловьёва с братом Володиёй во время войны

время чумы» были картофельные очистки, листья капусты и горькие «горелки» – подгоревшие в котле корочки, которые приносила мама и которые сохранили им жизнь.

Братик Володя нянчил грудного ребёнка, успокаивая малышку соской из сухарика, завёрнутого в марлю, сам с трудом сдерживая щемящий голод. Мама с сыном ходили за водой к проруби у Тукового моста. Володя был настолько слаб, да и мал, что нередко падал, опрокидывая ведро, мама терпеливо вновь занимала очередь и снова набирала воду. Она понимала, как трудно сынишке переносить блокадное лихолетье, да ещё и нянчить сестрёнку. Володе пора было идти в школу в первый класс. И тогда мама устроила

Любашу в ясли. Однако не прошло и двух недель, как девочка тяжело заболела, и Володя вновь стал терпеливой няней.

Отец Любы и Володи – Георгий Васильевич с оказией отправлял семье с фронта немного спирта, который выдали военнослужащим ежедневно по 50 граммов. «Как-то удалось обменять «драгоценную валюту» на кусочек студня, но съесть его не пришлось: обнаружилось человеческие ногти, пришлось всё выбросить. В дни блокады участились случаи людоедства», – рассказывает Любовь Георгиевна. Выдержать изнурительный голод на протяжении двух с половиной лет, когда кроме кусочка хлеба – ничего, смог не каждый. Был и другой случай. Однажды Володя почувствовал, что кто-то его преследует. Обернувшись, мальчик увидел обезумевшую женщину с топором. С трудом удалось убежать. Все были напуганы. В начале войны мамы оставляли малышей дома одних, уходя на работу или за водой, двери тогда никто не запирали. Но теперь стали остерегаться.

Женщины на разгрузке леса

Подруги вспоминают, что матери посылали отоваривать хлебные карточки подростков, а те иногда теряли их, либо драгоценные документы у детей вырывали из рук. И тогда семья была обречена на изнурительный голод. Такая участь постигла и Соловьёвых. Однажды Володя не заметил, как исчезли карточки. Мальчик вернулся домой ни с чем. Мама его не ругала, она понимала, что на ребёнка свалилось слишком много взрослых проблем.

Школьный урок в блокадном Ленинграде

В школу Люба Соловьёва пошла позже своих сверстников. А случилось так: гуляя как-то во дворе, девочка отломала грязную сосульку от водосточной трубы, как это любит делать детвора, и с удовольствием её съела. Такое баловство не прошло бесследно: Любаша заболела деформирующим полиартритом. Вылечить и даже установить диагноз долго не удавалось. Мама спасала ребёнка, как могла, а потом целый год носила дочку на руках в школу: туда и обратно. Папа Любы Георгий Васильевич вернулся с фронта живым, многие годы работал механиком по ремонту машин и содержал семью. Мама Любы посвятила свою жизнь заботе о дочери, поскольку девочка так и смогла оправиться от болезни, была худенькой и слабенькой. И всё же Любочка сумела успешно закончить школу, потом училась в архитектурно-строительном техникуме им. Штиглица: известного архитектора и мецената, который когда – то устраивал в своей мастерской выставки творческой молодёжи. Любовь Георгиевна Соловьёва (Захарова) нашла себя в профессии архитектора-проектировщика и до сих пор востребована, проработав по специальности более 50 лет. Она участвовала в крупных проектах: гостиница «Прибалтийская», «Русь», в восстановлении жилых домов у Львиного мостика, всесоюзного пионерского лагеря «Орлёнок», «Океан» во Владивостоке и многих других. Любовь Георгиевна вырастила двух сыновей, помогает воспитывать внуков.

Брат Любы – Володя после окончания школы поступил в военное училище на минно-торпедный факультет, затем служил морским офицером на Черноморском флоте в городе-герое Севастополе. Блокада не пощадила Владимира Георгиевича, он рано ушел из жизни тяжело больным человеком. Нежно любимый брат был самым близким человеком для Любы.

Любовь Георгиевна Соловьёва (Захарова) бережно хранит драгоценную реликвию времён войны – алюминиевый портсигар, сделанный руками её отца. На лицевой стороне крышки в овальной рамке вставлена фотография жены Марии Семёновны, а на обратной стороне вычеканена легковая машина тех времен. В этом портсигаре папа держал папиросы «Беломорканал», которые курили тогда мужчины.

Такова история трёх подруг – героических женщин. Героических – не только потому, что, будучи малышами, они вместе с мамами имели мужество бороться за жизнь и выжить. Потому, что потом сами стали замечательными мамами. А ещё потому, что всю жизнь преданно служили во благо своего родного города и своей страны. Они и по сей день полны жизненных сил. Не безразличные к будущему нашей страны, блокадницы неустанно делают всё возможное, чтобы следующие поколения людей помнили о мужестве жителей и защитников многострадального Ленинграда. Они являются членами международной ассоциации блокадников, состоят в добровольном обществе блокадников города Ленинграда. Это общество ведёт большую просветительскую работу, переписку с блокадниками из других городов, борется за их права, организует встречи по случаям памятных дат, посещение театров, экскурсии, поездки в другие страны на международные встречи, ведь много блокадников теперь живёт за рубежом, оказывает помощь нуждающимся в уходе и многое другое.

Что бы вы пожелали тем, кто никогда не знал войны? – «Люди, будьте бдительны! Берегите мир!» – ответили словами Юлия Фучика бывшие блокадницы.

Использовались: фото из открытых источников, фото из личных архивов семьи Платоновых, Михайловых, Соловьёвых

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ СЕМЬИ ЧИСТЯКОВЫХ

Жизнь и судьба города складывается из судеб людей, в нём живущих. Знаменитые горожане украшают легендарную историю героического Санкт-Петербурга – Ленинграда, но лицо его формируют простые люди. Это рассказ о семье Чистяковых – участниках войны и тружениках тыла, переживших войну, блокаду. Они тоже герои, потому что выжили и победили. Хотя сами свою жизнь не считали героической.

Чистяков Анатолий Григорьевич воевал во время финской компании на малом военном судне краснофлотцем, участвовал в высадке десанта под Выборгом. К началу Отечественной войны жил в Ленинграде на Гагаринской улице, был женат. Ушёл на фронт старшим краснофлотцем. Их канонерская лодка ходила по Ладожскому озеру между осаждённым Ленинградом и «Большой землёй». Из города вывозили людей, обратно везли продовольствие, медикаменты, снаряды. Немецкая авиация нещадно бомбила суда.

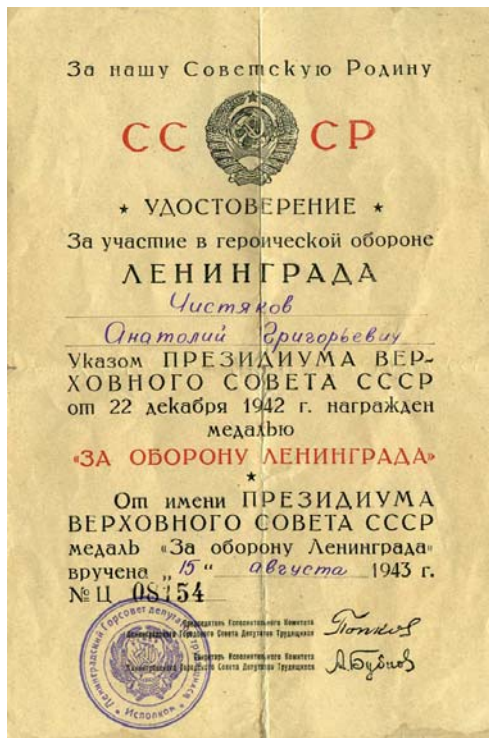
Был ноябрь 1941 года, Ладога затягивалась льдом. Однажды снарядом разбило лодку. Матросы прыгали в ледяную воду, Анатолий Григорьевич замешкался и не успел надеть жилет. Судно быстро тонуло. На борту остались два радиста, – они успели подать сигнал бедствия, и с ними капитан, – на прощанье он махнул рукой и простился с командой. Немецкий самолёт кружил над обломками лодки и расстреливал людей. Анатолий Григорьевич снял с убитого спасательный жилет и поплыл «куда глаза глядят». На помощь погибающим подошёл морской катер и поднял на борт оставшихся в живых 12 матросов, двоих выловили мёртвыми. Анатолия Григорьевича без сознания сняли с кромки льда, доползти до земли у него не хватило сил.

После госпиталя Анатолия Григорьевича направили на береговую артиллерийскую батарею возле посёлка им. Морозова. Орудие – двухствольная башня, снятая с корабля, была по Шлиссельбургу, в котором засели фашисты. Все оборонительные и наступательные операции поддерживались огнём морских артиллеристов, – это были

Синявинские высоты, которые немцы окружили минными полями, Невский пятачок, где шли наиболее ожесточённые бои. Анатолия Григорьевича направили в крепость Орешек, где он корректировал огонь батареи. Много раз немцы пытались захватить «крепкий» Орешек, но он оказался им не по зубам. Анатолий Григорьевич был контужен, отлежался в госпитале и вновь вернулся в строй. Он вспоминает, как однажды бежал к своему оружию от воронки к воронке, по нему стрелял немецкий пулемёт, к счастью, не зацепило, только подол шинели оказался в дырках от пуль. Шинель пришлось укоротить. Вот такое оно – фронтовое счастье.

Войну Анатолий Григорьевич закончил в Прибалтике, награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1947 году демобилизовался, вернулся в Ленинград, к семье. Но чувства не пережили тяготы войны, семья распалась. Устроился водопроводчиком в ТЮЗ на Моховой улице. А потом произошла судьбоносная встреча с Ефросиньей Дмитриевной Кабишевой, с которой прожил долгую, счастливую жизнь.

Кабишева Ефросинья Дмитриевна перед самой войной вышла замуж. Муж – офицер, работник военкомата. Хорошая квартира возле Кировского завода. Ждали первенца. Началась война. Муж ушёл на фронт и погиб в первых боях. Ефросинья Дмитриевна работала на прядильной фабрике. Немцы приближались к Ленинграду. Жителей города отправили под Лугу на строительство оборонительных сооружений. От непосильной работы Ефросинья Дмитриевна потеряла ребёнка. На том рубеже она похоронила младенца. После больницы

вернулась домой, устроилась работать на прядильную фабрику на Выборгской стороне, но проработала недолго, закончилось сырьё, началась блокада, фабрику закрыли. И тогда Ефросинья Дмитриевна поехала на лесозаготовки на станцию Борисова Грива. Заготавливала стройматериалы для фронта, для строительства укреплений и землянок, дрова для города. Фронтовой паёк – 500–600 грамм хлеба. Работа неженская, тяжёлая, но можно собирать ягоды, зелень, грибы. Так и пережила блокадное лихолетье. После прорыва блокады вернулась в город, вновь устроилась на прядильную фабрику. Дом, где жила раньше, разбомбили, осталась без жилья и вещей, но вскоре получила комнату в коммунальной квартире на Петроградской стороне. Трудовые заслуги были высоко оценены: Ефросинья Дмитриевна Кабишева награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Наступили мирные дни, молодой вдове хотелось семейного счастья, детей. Она познакомилась с Анатолием Григорьевичем

Чистяковым. Два одиноких человека создали семью, отогрелись душой. В 1951 году у них родился сын Борис. Пришло время, и Бориса призвали на военную службу, специальность – сапёр. И удивительное совпадение – сын разминировал те самые Синявинские болота, напичканные минами, неразорвавшимися снарядами, мёртвым «железом», останками людей, – места, где когда-то воевал отец! Ещё долго земля будет по крупицам выдавать военные трофеи, а мы хоронить в братских могилах безымянных солдат.

Борис Чистяков на минном поле

Ефросинья Дмитриевна и Анатолий Григорьевич прожили долго и счастливо 26 лет. Скончался Анатолий Григорьевич в 1975 году в день своего шестидесятилетия, Ефросинья Дмитриевна ушла из жизни в 2005.

Чистяков Павел Сергеевич в Финскую войну 1939–1940 годов воевал на Карельском перешейке. Вспоминал об этой войне с горечью, рассказывал о больших потерях плохо экипированных и слабо обученных военному делу красноармейцев. После демобилизации работал на Сестрорецком инструментальном заводе водопроводчиком. Женился. Мирная передышка длилась недолго: в июне 1941 года его призвали на Ленинградский фронт в эксплуатационную железнодорожную роту,

ему было 26 лет. Военная специальность – путеец. Когда вокруг города сомкнулось кольцо блокады, обслуживал железнодорожную ветку Ржевка – Ладожское озеро. Особенно тяжело было в первую зиму: жили в землянках, пухли от голода, варили кожаные ремни, голенища сапог, болели. После снятия блокады рота в составе Ленинградского фронта продолжила путь на запад. В 1945 году из Прибалтики его перебросили на Забайкальский фронт. День Победы Павел Сергеевич встретил на Дальнем Востоке.

Чистяков П.С. награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За победу

над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией».

В 1947 году Павел Сергеевич демобилизовался, вернулся домой, но оказался лишним. Жена, похоронив их общего ребёнка, создала другую семью. В войну бывало и такое: не все хранили верность.

Надо было где-то жить. Павел Сергеевич устроился слесарем-водопроводчиком в домоуправление на улице Петра Лаврова, (сейчас Фурштатская), получил жильё. Здесь он встретил новую любовь Копейкину Зою Петровну.

Копейкина (урожд. Устинова) Зоя Петровна работала в домоуправлении на улице Петра Лаврова. Всю войну молодая женщина оставалась в Ленинграде, работала в паспортном столе, занималась учётом граждан: родившихся, умерших, эвакуированных, распределением продуктовых карточек, размещением переселенцев с прифронтовых окраин города, выдачей пропусков для передвижения по городу. Совместно с милицией следила за порядком на улицах, контролировала дежурство на крышах и затенённость окон во время бомбёжек, после обстрела обходила дома, выясняла – кто нуждается в помощи.

В 1943 встретила Георгия, техника лётного состава, офицера. Вышла замуж. В 1944 году за день до полного снятия блокады родила сына, Виктора. Зоя Петровна награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После окончания войны мужа направили в город Бийск. Зоя Петровна за мужем не поехала: маленький ребёнок на руках, сама

Павел Сергеевич Чистяков (справа) с семьёй

нездоровая, да и с родным городом, в котором столько пережито, жаль расставаться. Семейная жизнь с Георгием закончилась.

Однажды судьба подарила ей встречу с Чистяковым Павлом Сергеевичем. Она – весёлая, общительная, он – участник войны, работающий, мастеровитый, играл на гармошке, гитаре, балалайке. Приглянулись друг другу, стали жить вместе, дружно и весело. В 1952 году родилась дочь Ольга.

Но прожили вместе недолго – шесть лет. Зоя Петровна тяжело заболела, казалось испытание блокадой, скончалась в 1955 году, ей было всего 37 лет. Павел Сергеевич умер в 1975 году, едва перешагнув шестидесятилетний рубеж.

Цирг (урожд. Чистякова) Антонина Сергеевна, сестра Чистякова Павла Сергеевича. Перед войной вышла замуж за Потёмкина Михаила Андреевича, растила дочь Нелли, работала на прядильно-ниточной фабрике. В первые дни войны муж ушёл на фронт, был тяжело ранен и скончался в госпитале в посёлке Песочном Ленинградской области. Там же захоронен на братском воинском кладбище.

Двухлетнего ребёнка Антонина Сергеевна отправила с детским домом в город Котельнич Кировской области.

Девочку отыскала и вывезла в город Солигалич её тётка Валентина, сама ещё подросток. Нелли осталась жива, её выходила бабушка Анна Павловна.

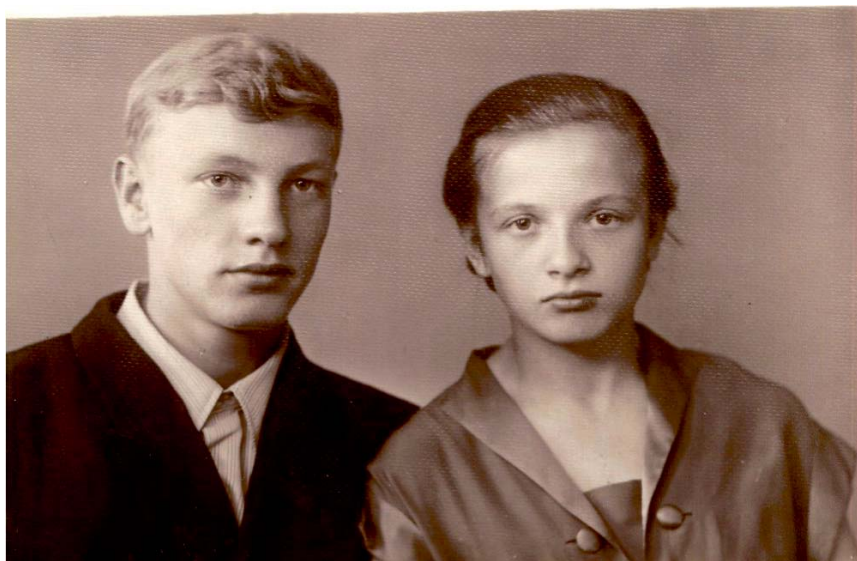
В здание фабрики, где работала Антонина Сергеевна, попал снаряд. Антонину Сергеевну контузило, она получила тяжёлую травму головы. Подлечившись в госпитале, вернулась к ткацкому станку.

Антонина Сергеевна награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

*Валентина с матерью
Анной Павловной*

Кончилась война, началась мирная жизнь, в город возвращались ленинградцы. Антонина Сергеевна привезла домой дочь Нелли. Счастье ей улыбнулось: встретила Николая Павловича Цирга, вышла замуж. Но долгой семейной жизни не получилось: начались репрессии. Николая Павловича арестовали, Антонину Сергеевну не раз вызывали на допросы в «Большой дом» на Литейном, 4. Здоровье Антонины Сергеевны не выдержало: сказались голод, контузия, нервные потрясения, началась тяжёлая душевная болезнь. Благодаря заботе и уходу дочери Нелли, она прожила долгую жизнь, скончалась в 1983 году в возрасте 70 лет.

Нелли Шмелёва (Потёмкина) с братом Юрой

Память о военном лихолетье записана в генетическом коде ленинградцев, на стенах старых домов, городских кладбищах, она читается в строгих лицах блокадников и защитников города – героя Ленинграда.

БЛОКАДНАЯ МЕДСЕСТРА

**Посвящается юной медсестре
Назаровой Валентине Степановне
и другим медицинским работникам
блокадного Ленинграда,
совершавшим ежедневный подвиг
во имя жизни**

Летом 1941 года ленинградцы еще не знали, какая им уготована судьба. Валентина Степановна Назарова, успешно закончив школу, поступила в Ленинградский горный институт им. Плеханова на металлургический факультет. Летом студенты отправлялись на производственную практику. Поехала и Валентина в город Мончегорск осваивать металлургическое производство. Война застала студентов в дороге. В город прибыли рано утром. Здесь уже началась мобилизация на фронт. «На вокзале мы увидели много мужчин с вещмешками, плачущих женщин, провожающих мужей, сыновей на фронт». О возвращении в Ленинград не было и речи: видимо, предполагалось, что война вот-вот закончится. Студенты начали работать на обогатительном комбинате «Североникель». По радио передавались неутешительные сводки с фронтов. Судьба страны в это время решалась под Москвой, немцы подошли к столице и стягивали для контрнаступления основные силы. Не менее ожесточённые бои шли за Ленинград. Войска ленинградского фронта отступали, теряя одну позицию за другой, попадали в окружение. Город оказался в кольце вражеских фронтов.

Может быть, у советской стороны существовал план вывода войск и сдачи Ленинграда врагу без боя, чтобы спасти население и армию, например, как это сделал Париж и другие города Европы? Нет, такого плана быть не могло. Правда, сейчас не редкость услышать такое мнение. Скорее всего, радители за добровольную сдачу города стратегической важности плохо владеют исторической информацией, им не знаком план Гитлера о полном уничтожении населения. В директиве № 1601 от 22 сентября 1941 года «Будущее города Петербурга» говорилось: *«Стереть город Ленинград с лица земли! Мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населе-*

ния». Задача: не допустить неприятеля в город, стоять до победного конца была выполнена, удалось остановить противника и удерживать его на этих позициях до полного снятия блокады.

Валентина Степановна вспоминает, что война затянулась, студентов решили отправить в родной город: «Ленинград нас встретил кромешной темнотой. Не было света. Не было воды, не ходил транспорт. Строго соблюдалась светомаскировка. Было налажено дежурство на улицах, на крышах зданий дежурили женщины и подростки, они тушили «зажигалки» в ящиках с песком. Скульптуры в Летнем саду, на набережной Невы закладывались мешками с песком, закрывались специально сколоченными ящиками. Шпиль Адмиралтейства, Петропавловской крепости, Исаакиевского собора и сами здания покрывались серой краской, чтобы не быть заметными с воздуха. И всё же немцы прекрасно знали расположение этих объектов, а также госпиталей, школ, детских домов, музеев, театров, заводов и уничтожали их в первую очередь».

Валентина Степановна продолжает: – «Мы собрались в родном институте, было оживлённо: каждый хотел быть полезным в такой напряжённый момент для Родины. Юноши спешно уходили в ополчение, а девушки – на трудовые работы. В институте создавалось секретное спецподразделение из числа студентов и преподавателей по производству взрывчатых веществ и противотанковых мин». Валентина с подругами получила направление на строительство оборонительных сооружений. «Мы рыли лопатами и ломом окопы и противотанковые рвы под Гатчиной и Кингисепом, на себе возили плиты, впрягаясь в телеги, жили в шалашах, питались чечевицей. Фашисты нас хорошо видели и бомбили на бреющем полёте. Первое боевое крещение я получила, когда затрещала пулёмётная очередь, над головой пролетели пули. От неожиданности сковало всё тело, я не успела спрятаться в окопе, так и простояла, пока немецкие самолёты не улетели. Фашисты занимали всё новые территории Ленинградской области. Рытьё окопов больше не потребовалось. Мы отступали в город вместе с войсками».

Первая массированная бомбежка Ленинграда была 8 сентября 1941 года. Страшным был налет вражеских самолетов 19 сентября: город бомбили 18 часов подряд. Спешно создавались народные дружины, в домах – группы самозащиты. При звуке тревоги жильцы дома бежали на крышу и тушили зажигательные бомбы. Зимой ударили морозы, замерз водопровод: – «Измученные и голодные, мы шли с бидонами и чайниками к Неве и к Фонтанке. В квартире было

нестерпимо холодно. Мы ломали мебель, чтобы развести огонь и вскипятить на кирпичях хотя бы кружку воды. А мучительный голод нечем было утолить». Валентина Степановна продолжает: «Трамваи не ходят. Люди, словно скелеты, неторопливо бредут по улицам: унылые, голодные, говорят только об одном – еде. Нет подвоза продуктов. Дома не отапливаются. И бесконечные обстрелы. Люди умирают от истощения».

Валентина поступила на курсы медсестёр, учиться можно было без отрыва от работы на оборонительных объектах. После окончания учёбы получила направление на работу и военный билет. Девушку направили в военный эвакуогоспиталь, расположенный в здании дворца культуры им. Кирова на Васильевском острове. И началась борьба за жизнь – за свою и раненых бойцов: – «Мы понимали, что наша главная задача – помочь фронту отстоять город, выходить раненых и победить врага». Девушка выхаживала раненых, сама чудом спаслась от смерти. Врачи и медицинский персонал работали сутками, не зная отдыха: на машинах – полуторках круглосуточно привозили раненных бойцов. Линия фронта проходила на окраинах города. Солдатам приходилось воевать в условиях блокады.

Валентина Степановна продолжает: – «Когда силы совсем покидали, мы спали урывками, не раздеваясь. А раненых поступало всё больше и больше. Обстрелы и бомбёжки почти не прекращались. Мы поднимались на крышу госпиталя и сбрасывали на землю зажигательные бомбы, тушили пожары. Здания с красным крестом – госпитали, бомбили особенно часто. Госпиталь не отапливался, не было света, операции делались при коптилках, если был керосин, а то и при свечах. Электростанция, несмотря на ухищрения фашистов,

уцелела. Когда в город подвозили топливо, тогда давали слабый свет, который был так необходим в операционной. Но это было недолго».

Кроме хлеба никаких продуктов не было, его выдавали раненым и медперсоналу по 250 гр. в день: – «Такого хлеба мне не приходилось есть больше нигде. Он был тяжёлым с горьким привкусом. Иногда к этому рациону добавляли соевое молоко. Голодные, злые раненые не переставали требовать добавки: чаю, соли, воды, одеял, тепла. А взять негде. Еды было мало, зато вещей много».

Рабочий день в госпитале был бесконечным: «С утра мне надо было растопить буржуйку, наносить горячей воды в операционную. Наколоть длинных лучин, свернуть фитили – факелы для вечернего обхода. Поскольку окна были забиты и занавешены, в комнатах даже днем было темно. Я строгала лучинки и факелы и светила врачам. Из мужской нижней рубашки мне приспособили халат. Иногда во время врачебных обходов я

засыпала в палатах, меня тормозили, и я светила дальше. Эти воспоминания не затмила последняя лампочка, погасшая в операционной. Когда отключали электричество, замерзала вода, но операции продолжались».

Самой трудной была зима 1941–1942 годов: – «Новый 1942 я встретила на больничной койке: заразилась инфекцией от умерших бойцов. Я так мечтала о кусочке сахара, который бы таял во рту! Электричества не было, отопление тоже. В таких условиях к утру в палатах умирало до 35-40 человек. Хлеба в эти дни давали всем по 125 грамм. Санитары теряли способность носить раненых. Начали умирать санитары, за ними медсестры, потом и врачи. Началась дистрофия, голодные поносы и обмороки».

Валентине Степановне вспоминается встреча матери и дочери, такой же медсестры, как и она сама. «Голодная женщина, ежедневно проделывая длинный путь, навещала дочь и приносила ей суп из

столярного клея. Потом она прокалывала себе палец и давала свою кровь дочери. Но это не спасло девушку, она умерла».

Но были и радостные моменты: по большим праздникам по «Дороге жизни» привозили больше продуктов. Так 1 мая 1942 года население получило царский подарок: сахар – 200 гр., селедка – 200 гр., чай – 25 гр., крупа – 200 гр., водка – 250 гр., пиво – 0,5 л., сухофрукты – 150 гр. Дети вместо спиртного получили по 50 гр. какао с молоком. Хлеба в этот день давали по 300 граммов, а заводским рабочим и солдатам – по 500. Все знали, что доставка продуктов стоит невероятных усилий, но людям от этого не легче, умирать никому не хотелось. Когда лёд на Ладожском озере окреп, рацион питания улучшился: – «В госпитале утром давали немного черных макарон, кусочек сахара и 50 г хлеба. В обед – суп из воды с какими-то листьями, на второе – каша, иногда кусочек мяса и 100 г хлеба. А в ужин снова чёрные макароны или каша и 100 г хлеба. Был горячий кипяток, без сахара. Рацион скромный. Но по сравнению с тем, как питается гражданское население, это терпимо».

Голод заставил слабых духом перейти границу человеческого: – «Участились случаи продажи человеческого мяса. О том, что едят собак, кошек, говорили совершенно открыто, лаборантка съела 12 подопытных крыс, кто-то съел подопытных морских свинок...». Но вот поразительно: семена селекционных злаковых культур, собранных до войны академиком Н.И. Вавиловым, умирающие с голоду сотрудники института растениеводства, сумели сохранить.

А Валентина Степановна продолжает: «В госпитале было темно, холодно и грязно. Воды мало. А больные все прибывали с фронта: истощенные, отечные, голодные. Больных в отделении было больше, чем надо. Лежали в коридорах, на носилках, на полу. И только три коптилки, вот и весь свет. Пищу раздавали в темноте, ели тоже в темноте. Медсёстры от голода вялые, одетые в большое количество одежды, валенки, варежки, которые не спасали от холода. Больные стонали, звали, они лежали в своих испражнениях. Мы подмывали их, стирали в холодной воде бинты, грязные кальсоны».

В обязанности медицинского персонала входило многое: нужно было мыть полы, на это уходила почти вся ночь, топить печь, иногда разрешали мыть посуду, тогда можно было вылизать котёл, в котором готовили еду для раненых. «Однажды я упала в обморок, меня во время заметили, отнесли в палату и несколько дней подкармливали. Домой после этого я уже не возвращалась – там было холодно. Но не только голод «косил» ленинградцев. Весной 1942 года началась

эпидемия брюшного тифа, а затем и сыпного. Не избежал этой заразы и наш госпиталь. Простыни и бинты приходилось всё время стирать. Но и холодной воды не хватало, ледяную воду кадушками на машине или на санках привозили с реки Невы. Много сил уходило на борьбу с разными паразитами, которые от грязи быстро размножались. Контуженные бойцы по ночам «ходили в атаку», раненые кричали. Но как облегчить их страдания, если не хватало инструментов, лекарств, перевязочных материалов? Умерших складывали штабелями в коридоре, потом переносили в сарай, поскольку похоронить в мёрзлую землю невозможно. А весной рыли братские могилы».

В худшем положении было гражданское население: умерших родственников на кладбище везли без гробов, привязывали их к саночкам, складывали прямо на снег, так как некому было копать могилы.

«Во время бомбёжек мы выносили тяжелораненых на носилках на улицу или в подвал, кто мог, ползли сами. Бойцы получали вторичное ранение. Многие погибали».

«В дни затишья мы перечитывали бойцам их старые письма с «большой земли», с которой связи подолгу не было. Говорили о сражениях на передовой, мечтали об открытии Второго фронта, о победе, в которой никто не сомневался. Однажды мне удалось выбраться из госпиталя, пешком добраться до музыкального театра и послушать «Баядеру».

Зрители не раздевались. Начался обстрел, но представление продолжалось, никто из зрителей и артистов, одетых в лёгкие театральные костюмы, не покинули театр». Все спектакли тогда шли в уцелевшем от обстрелов Драматическом театре им. Пушкина, сюда же перебрался и театр музыкальной комедии, поскольку все остальные театры были разрушены.

8 марта 1942 года удалось отметить женский праздник: все свободные от дежурства разложили на столе кусочки хлеба и запивали его кипятком. Мечтали о том, что по-настоящему удастся отметить праздник после войны, которая скоро закончится: – «Я, в прошлом спортсменка, решила развеселить компанию и хотела встать в стойку

на руках. Когда-то я была призёром института по спортивной гимнастике. Но развеселить не получилось, сил не хватило, я упала. Ну что же, после войны обязательно получится, – пообещала я».

Валентина Степановна вспоминает радостное событие: «В марте 1942 года госпиталь впервые с начала войны получил разрешение вымыть бойцов. Но оказалось, что это не по нашим силам. Раненых приходилось перетаскивать к моечному отделению, раздевать, мыть, снова одевать и транспортировать на койку. Теряли сознание раненые, теряли сознание и медсёстры». Было и другое счастливое событие: ленинский субботник 22 апреля 1942 года: – «Представьте себе блокадный Ленинград – воды нет, канализации нет, света нет. Блокадная зима прошла, снег растаял, сколько нечистот скопилось на улицах. Все, кто мог двигаться, вышли на субботник. А потом по радио сообщили: «город наш умылся»».

Голодные женщины, подростки сумели привести в порядок родной город. И в этом есть героизм. С первым теплом стала пробиваться травка в садах, на улицах и на траншеях, пошли трамваи, открывались магазины. Жизнь продолжалась! Дожить бы только до победы!

Валентина ничего не знала о судьбе близких. Её родители перед войной работали в Москве, вестей от них не было. А сил оставалось всё меньше: – «Наступил момент, когда выполнять работу я не могла. И тогда меня демобилизовали по болезни – дистрофия. Мне выдали военный билет, сто шестьдесят семь рублей, карточку вещевого снабжения, аттестат продовольственного снабжения, по которому полагалось 600 граммов хлеба и 20 гр. сахара. Я стала готовиться к эвакуации».

С подругами Ниной и Верой Валентина выехала по льду Ладожского озера: – «Перед самым отъездом я заразилась сыпным тифом. Как удалось выжить, не знаю, но хорошо помню, как ехала через Ладожское озеро. На брющем полёте немецкие самолёты обстреливали машины, где в открытых кузовах грузовиков, тесно прижавшись друг к другу, сидели люди. Лёд в марте месяце уже начал подтаивать, от вражеских бомбёжек растрескался, машины тонули. Из ста машин добирались до места назначения только двадцать. Перед нами шла машина, в которой мать прикрывала собой детей. Неожиданно машина пошла под лёд. Мать прижала к себе дочь, а мальчика лет трёх выбросила на лёд. Больше никому спастись не удалось. Мокрого, продрогшего ребёнка мы подобрали и посадили в нашу машину, а

потом отправили с другими детьми в детский дом. В пальто нашли записку, мальчика звали Всеволод Касьянов. Поразительно, но через много лет мы встретились с ним».

Эвакуированных сажали в товарные вагоны и везли на Волгу, в Казахстан, в Сибирь. Перед посадкой хорошо кормили, только после обеда из сухарей, сгущёнки и каши становилось плохо, и не все смогли продолжить путь. В поездах люди умирали, на остановках их выносили из вагонов: – «Вагоны были переполнены, мы сидели на полу, тесно прижавшись друг к другу. К еде привыкалось трудно. Первая еда запомнилась на всю жизнь – это была мороженая луковича».

Но куда ехать дальше? Подруги решили, что будут вместе искать родителей Валентины. Отец до войны работал горным инженером. Предприятия из столицы были переведены. Но куда? И подруги решили начать поиск с Новосибирска. Там родителей не оказалось. Поехали у Усть-Каменногогорск – в Казахстан, где до войны отец бывал в командировках. Но и здесь поиски не увенчались успехом. Уставшие девушки присели на скамейку в скверике. Почему-то захотелось мужчине солидной внешности расспросить, не знает ли он Степана Ивановича Назарова. Удивительно, но прохожий хорошо знал Назарова С.И. И даже работал с ним вместе. Незнакомец позвонил по телефону и сообщил отцу о приезде дочери, а потом повёл девушек к себе домой и накормил досыта, да так, что они потом расплачивались желудочными болями. Пароходом по Иртышу он отправил девушек к месту назначения. Оправившись от трудного пути, Валентина устроилась работать в лабораторию на прииске Тарын. С благодарностью вспоминает Валентина Степановна незнакомца: – «С тех пор, бывая в командировках в Казахстане, я всегда прихожу в сквер «Джамбул», чтобы вспомнить того человека и поблагодарить судьбу за эту встречу».

После снятия блокады в январе 1944 года Валентина получила разрешение на въезд в родной Ленинград для дальнейшей учёбы в институте. Ехала через Москву. Москва быстро отстраивалась, здесь уже не было руин, радостные люди праздновали приближение победы. И девушка решила поступить в московский институт цветных металлов им. М.И. Калинина на экономический факультет. А потом начались проблемы со здоровьем, врачебная комиссия признала Назарову В.С. недееспособной, ей нельзя было ходить, противопоказана всякая физическая работа. Другая бы сложила руки, но только не Валентина Степановна. Наоборот, она стала много двигаться,

хорошо училась, успешно изучала экономику. И получила направление на завод полиметаллов, где многие годы работала в металлургической лаборатории. Здесь её нашла юбилейная медаль к 20-летию победы в Великой Отечественной войне.

Долгие годы блокадники мало общались между собой, разговоры о блокаде не поощрялись. И только в 1990 году группа энтузиастов создала «московскую ассоциацию ленинградских блокадников», председателем которой стал подполковник Всеволод Викторович Касьянов. Тот самый замерзающий ребёнок, которого мать выбросила из тонущей машины на лёд Ладожского озера.

Блокадники ежегодно отмечают два главных события: день памяти начала блокады 8 сентября 1941 года и её окончания 27 января 1944 года. На встречи съезжались дорогие гости: телеведущая Валентина Леонтьева, актриса Любовь Соколова, советский поэт Юрий Воронов, поэт, танкист, который в боях за Ленинград горел в танке – Сергей Орлов.

В.С. Назарова прожила большую и интересную жизнь – 90 лет. Недавно её не стало. С гордостью она показывала друзьям и знакомым дорогие её сердце правительственные награды: Орден «Отечественной войны» II степени, медали: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», медаль имени Жукова, «Ветеран труда», «Ветеран атомной энергетики и промышленности», почётный знак «Житель блокадного Ленинграда».

Пережитые страдания тяжело вспоминать, но и забыть невозможно. Только вера в победу помогла им выстоять и выдержать испытания длиною в 900 дней. И день победы настал! 27 января 1944 года в Ленинграде был произведён салют в честь полного освобождения города-героя. В январе 2019 года страна отметила 75-летний юбилей этой исторической даты.

*Записано со слов Назаровой
Валентины Степановны.
Фото из архива Назаровой В.С.
и музея Обороны Ленинграда*

ПОЧЕМУ НЕ СЪЕЛИ БЕГЕМОТА?

Как спасали зоосад в блокадном Ленинграде

Это рассказ о жертвенном подвиге работников ленинградского зоопарка, сумевших спасти диких животных, которые пережили трагедию блокадного Ленинграда наравне с людьми. Около двухсот особей птиц и животных удалось спасти. Всю блокаду зоосад работал для детей.

До войны зоосад насчитывал около полутысячи жителей дикой природы. Звериный сад был любимым местом отдыха ленинградцев. Суровая зима 1941–42-х гг. довершила то, что было начато фашистами. Лишений хватило на людей и на зверей. 10 сентября начались непрерывные бомбёжки вражеской авиации, продолжались они до конца блокады. Немецкий бомбардировщик сбросил на зоосад три фугасные бомбы. Одна взорвалась возле слоновника, убила сторожа и смертельно ранила индийскую слониху Бетти. Всеобщая любимица проживала там с 1911 года. Трубные крики и стоны раненого слона слышала вся округа. Слониху не съели голодные сотрудники, а захоронили тут же. Что-то забылось за 75 послевоенных лет, но о гибели слонихи помнят, и не только архивы, но и сердца человеческие.

Другой снаряд попал в вольер с молодым, погибли дрессированные медвежата и лисята: эти зверята давали представления в детских садах, в школах и больницах. Остальные животные разбежались кто куда. Сотрудники зоосада опасались, что голодные звери нападут на людей. Их долго ловили и заперли в вольерах.

Перед войной шестьдесят обитателей зоосада отправились на гастроли в Белоруссию, зверинец разместился в Витебске. Здесь животные показывали свою диковинную красоту, а дрессированные зверята давали представления для детей. С первых дней войны немцы нещадно бомбили Витебск. Работники зоосада сумели найти товарняки и вывезти животных в тыл. Но не всех. В числе «гастролёров» был американский крокодил. Транспортировать теплолюбивого крокодила оказалась невозможным: для этого требовался специально подготовленный вагон – бассейн. И тогда было принято решение: выпустить крокодила в Западную Двину. Что с ним было дальше? Никто не знает. Может быть, заграничный долгожитель (а живут крокодилы 100 лет и больше) хорошо обосновался в реке и живёт там себе припеваючи?

80 самых грозных и ценных обитателей успели переправить в Казань. Перевозить крупных животных было чрезвычайно сложно: недовольные медведи и гориллы, львы и тигры отчаянно сопротивлялись, товарных вагонов не хватало, – они нужны были для фронта, да и работников зоосада было немного. Но всё обошлось благополучно. На новое место жительства переехали чёрные пантеры, ягуар Феликс, носорог Милли, белые медведи, американский тапир, крупные обезьяны, тигры, львы.

В зверинце оставили молодняк и самых безобидных животных: около двух сотен зверей и птиц. Все думали, что война вот – вот закончится. Но этого не случилось. Зоосад для ленинградцев был окном в иной мир – в мир диковинной природы. И не только: посмотрите на фото: лица взрослых и маленьких посетителей светятся радостью от общения с красивыми и сильными, доверчивыми и забавными его обитателями.

Животные очень боялись бомбежек: копытные в панике метались по загону, медвежата сердито рычали, птицы забивались в угол, бегемотиха по имени Красавица трубила во весь голос и пряталась в бассейне с водой. Откуда бегемоту было знать, что вода – ненадёжное убежище? Тигрёнок Котик уходил в свой домик с чувством собственного достоинства, и только любопытная серна забиралась на горку и не уходила до конца обстрела: бесстрашная коза наблюдала за злодеяниями фашистов. Однажды во время бомбёжки перепуганный бизон стал метаться по загону и провалился в воронку от снаряда. Люди не могли вытащить его, им пришлось соорудить настил и выманить оттуда отчаявшееся животное пучками сена. Бизон благополучно выбрался. Но оказалось, что фашистам этих бомбёжек

недостаточно, они знали, что убивают животных. Перед ними была поставлена цель: стереть «злой», непокорный город с лица земли, а его жителей полностью уничтожить. А с ними и зверей. Через несколько дней немецкий «мессершмитт» вновь бросал бомбы на зоосад, тогда ранило оленей и козу. Сотрудники делали перевязки животным, кормили хлебом из своего пайка. На этот раз животные поправились. Но во время следующего налёта фашисты не пощадили ни оленей, ни бесстрашную козу, ни бизона, ни тигрят. А с ними погибли пони и ослы, обезьянки и антилопы. Зоосад лежал в руинах. Своими силами его начали восстанавливать.

Зимой 1941 года наступило самое тяжёлое время, когда прекратилась подача электроэнергии, замёрз водопровод. Люди и звери погибали от голода, холода и разрыва снарядов. Не ушедшие на фронт и на оборонительные работы сотрудники зоосада всеми силами сберегали своих подопечных. Кольцо блокады замкнулось, прекратились поставки продуктов, а с ними – отходов круп, жмыхов и хлебного лома для зверинца. Чем кормить птиц и диких животных? Сначала подбирали на улицах убитых снарядами лошадей, на полях собирали гнилые овощи. Но постепенно город проваливался в темноту и голод: лошадей, коз, собак, кошек, голубей съели. И тогда стали собирать желуди, рябину, листья, заготавливать сено на покосах, по всему городу серпами жали траву. Все освободившиеся загоны, газоны парков превратили в огороды. Но и этого не хватало на всю звериную братию. Да и как объяснить животным, что идёт война и надо потерпеть, как терпят люди? Пришлось переводить хищников на необычную для них растительную пищу: смесь из овощей и травы. С большим трудом животные привыкали к вегетарианской пище: упрямые обезьяны ворчали, медведи рычали, а тигрята вообще отказались от картофельно-капустной диеты. Тогда пошли на хитрость: старые шкурки кроликов набивали травой и смазывали рыбьим жиром. Тигрятам запах рыбьего жира понравился, они поедали тушки, превращаясь в хищных вегетарианцев. Так же кормили и хищных птиц, только в смесь добавляли немного рыбы. Долго сопротивлялись новой диете птицы. Изголодавшиеся орлы и грифы наконец согласились есть вымоченную солёную рыбу. Только беркут оказался несговорчивым: не хотел есть сушёную воблу, пришлось ловить для него крыс.

Беременную самку гамадрила Эльзу в эвакуацию не отправили: боялись, что долгая дорога плохо отразится на её здоровье. В ноябре 1941 года она родила детеныша. У истощенной мамы не было

молока. Как спасти малыша? За помощью обратились в ближайший родильный дом. Может быть, это покажется странным, но персонал роддома, с согласия рожениц, ежедневно выделял поллитра донорского молока! Детеныши обезьян редко выживали в зоопарках, а гамадрильчик выжил!

Настоящим украшением зоосада была долгожительница – бегемотиха Красавица. В Петербург она прибыла в 1911 году. Красавица была самым крупным бегемотом, живущим в зоопарках Европы. До середины тридцатых годов за ней присматривал рабочий Иван Антонов, а потом на смену пришла его дочь Евдокия Ивановна Дашина. Еще в 1935 году немецкая фирма Гагенбека предлагала за пышную бегемотиху пару бегемотов и бесплатную транспортировку в Германию, но получила отказ.

Красавица боялась взрывов бомб, грохота падающих зданий и пожаров. Всякий раз она пряталась в углах теперь уже сухого бассейна. Воду в бассейне давно выпустили, поскольку он не отапливался, и вода замерзала. И тогда бегемотиха заболела. Евдокия Ивановна спускалась к ней в бассейн, гладила, успокаивала. Но этого было недостаточно, ведь бегемоты много времени должны проводить в тёплой воде, иначе кожа начнет трескаться и кровоточить. Так оно и случилось. И тогда Евдокия Ивановна стала каждый день ходить на реку Неву. Бочку в сорок ведер она привозила на санях! Грела воду на костре, обливала свою любимицу, наполняла бассейн, смазывала складки кожи камфарным маслом, которого уходило по килограмму в день. Греть воду приходилось постоянно,

Е.И. Дашина у бегемота Красавица. 1943 год

поскольку вода на морозе быстро остывала. Скоро бегемотиха пошла на поправку, кожа зажила. Теперь во время обстрела Красавица скрывалась в водяном бомбоубежище.

Но чем кормить бегемота? Где добывать 30–40 кг водных трав ежедневно? Красавицу кормили скошенной травой, овощами и жмыхом, зимой размоченным сеном, добавляя в смесь 30 кг распаренных опилок, чтобы заполнить её огромный желудок. И бегемота спасли! Благодарная Красавица перенесла блокаду и дожила до 1951 года. Она долго радовала детишек и заботливых сотрудников, переживших вместе с ней тяжелые времена. После её смерти ветеринары при осмотре никаких хронических болезней не обнаружили. Оказывается, старушка умерла согласно возрасту. Работники зоосада восхищенно восклицали: «Вот она, блокадная закваска»!

В самую страшную зиму 1941–42 годов зоосад закрылся для посетителей. Да и вряд ли кто-нибудь из людей тогда дополз бы до зверинца. Но уже весной 1942 года работники своими силами восстановили разрушенные загоны и вольеры, расчистили дорожки. И вот 8 июля произошло радостное событие – торжественно открылся зверинец, доказывая всему миру, что врагу не сдаётся блокадный Ленинград.

Демонстрировались тогда 162 животных. Трудно поверить, что за лето его посетили 7400 человек! В 1943 году звериный сад открывался только летом, а в 1944 работал круглый год. В 1943 году, поразительным образом, началось пополнение коллекции за счет местных животных. Так в мае месяце из густых лесов вышел медвежонок, его назвали Потапом, а в июне прибилась его сестрёнка Маня. Мамашу медведицу, скорее всего, съели, а может быть, её убило во время бомбёжки: на подступах к Ленинграду в это время шли ожесточённые бои. В 1944 году заработало отопление, и тогда в единственном отапливаемом помещении зоосада соорудили обширный аквариум, где хорошо себя чувствовали выловленные самими работниками в местных водоёмах ерши, бычки, пескари, окушки и плотвички. Ребятишки, прожившие в блокадной изоляции больше трёх лет, впервые увидели живых рыбок.

В зоосаде работал театр зверей «Кротон». Дрессировщики И.К. Раевский и Т.С. Рукавишникова с медвежатами, собачками, обезьяной, лисицей, козликотом радовали своими выступлениями раненых бойцов и ребятишек детских домов. Так об этом вспоминал сын дрессировщиков Костя Раевский:

«На импровизированной сцене появлялась свинка и раскатывала носом дорожку – афишу с надписью «Зоосад». Представление начинала выходящая «на поклон» собака Монча – лайка, ездовая, охотничья и вместе с тем сторожевая собака. Ее представляли так: «Это наша лучшая ученица. Она никогда не опаздывает на уроки и аккуратно переходит дорогу». И Монча, посмотрев налево, а потом направо, важно шествовала на задних лапах, держа в зубах портфель. «А сейчас звери покажут, как они переходят лесную речку по поваленному дереву!» – говорила дрессировщица, и по ее команде енот и козлик пускались в путь по узкой речке. Сев на свои места, они кланялись публике и поднимали флажок. Номеров было много. Лиса прыгала через обруч, на котором сидел петух. Шпиц Мишка катал коляску с кроликом, такса Милочка и дворняжка Тузик вальсировали. Медвежонок плясал вприсядку. Животные прыгали через барьеры, качались на качелях, разыгрывали сценки из сказок и басен».

Может быть покажется жестоким подвергать дрессировке ослабленных голодом и травяной диетой животных? Однако, ответ очевиден: дрессировщики работали для блокадных детей, чтобы отвлечь их от постоянного чувства голода, ради улыбок на истощённых лицах маленьких зрителей. Дети долго не отпускали четвероногих артистов. Каждому хотелось погладить и рассмотреть их поближе, ведь многие ребята никогда не видели животных: в те годы в городе не было ни собак, ни кошек.

Кто они, самоотверженные защитники диких зверей? Их было немного – около двадцати человек. Они жили прямо в зоосаде, чтобы быть ближе к своим питомцам и в любой момент их защитить, ведь в умирающем городе было много желающих поживиться мясом: на зоосады часто напали обезумевшие от голода люди. Приходилось своими силами охранять зверей. Домой никто не уходил: там было темно и холодно, да и многие дома разрушены. А здесь они жили дружной семьёй единомышленников, здесь же все вместе они встретили долгожданную победу. Шестнадцать сотрудников награждены медалью «За оборону Ленинграда». Любимых зверей: бегемота Красавицу, антилопу-нильгау Маяка, медведя Гришку, черного грифа Верочку, да и остальных обитателей работники зоосада считали «жителями блокадного Ленинграда». И это правильно: птицы и звери и в самом деле были блокадниками, пережившими лишения и тяготы войны наравне с людьми.

ДМИТРИЙ ШОСТАКОВИЧ

Симфония, которая приближала победу

Седьмая (Ленинградская) симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича осталась в летописи Великой Отечественной войны как свидетельство несокрушимости русского духа. Прошло много лет, а симфония и по сей день актуальна. 21 августа 2008 года в развалинах Цхинвала в Южной Осетии оркестр Мариинского театра под руководством Валерия Гергиева исполнил первую часть легендарной симфонии, была организована прямая трансляция по многим российским и зарубежным каналам и радиостанциям. 5 мая 2016 года героическая симфония звучала в руинах древнего амфитеатра сирийской Пальмиры. Связь времён продолжается...

Перед нами пожелтевшая фотография, сделанная 9 августа 1942 года в осажденном фашистами Ленинграде. На ней: афиша, которая сообщает о том, что в Филармонии состоится первое исполнение Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича, дирижёр – К.И. Элиасберг. Ленинградцы уже слышали по радио об этой симфонии: её первое исполнение состоялось в Куйбышеве, куда эвакуировался

СОСТАВ СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА

1-е скрипки

1. АРХИН С. А. — солист
2. МАКУЛОВ Д. М.
3. ЛЕВИН С. А.
4. МИХАИЛ С. С.
5. ПРУССЕР А. Р.
6. ТИТОВ Э. С.
7. ЕРМАКОВ С. К.
8. ГРЕШКОВ А. Л.
9. ПАВЛОВ С. И.
10. ЗЕВЯКИН В. И.

2-е скрипки

11. САВЕЛЬЕВ В. В.
12. ОХАНОВ Е. А.
13. ЗАХАРЬИН А. Л.
14. СМОЛДИНОВ В. А.
15. КАКОВСКАЯ Р. А.
16. ЗЕМЛИН В. А.
17. ФЕДЬКО Г. Ф.
18. ЕРЭСКИН И. О.

Альты

19. ВЕНЕНСКИЙ И. А. — солист
20. ПИРОЖСКИЙ И. И.
21. МЕЛАНЧЕНКО С. А.
22. НАВОЛЮСКИЙ А. И.
23. МЕДВЕДЕВ И. И.
24. ЕЛИЩАРОВ В. А.

Виолончели

25. АНАНИН С. И. — солист
26. САФОНОВ А. И.
27. ГРАДОВ И. В.
28. ШОСТАКОВ И. И.

Контрабасы

29. ЦИЖКО П. Д. — солист
30. КАХРАМАНОВ И. В.
31. БУРДОВО Г. Ф.
32. ФЕДОРОВ Л. И.

Арфы

33. ПОКРОВСКАЯ Л. А. — солист
34. ГРИГОРЬЕВ Д. Ф.

Рояль

35. БРОННИКОВА И. Д.

Флейты

36. ТЕРТЮНОВ С. Ф. — солист
37. ПЕТРОВА Г. С.
38. СОЛОВЬЕВ А. И. — солисты
39. ХИЩАН Д. С. — солисты

Гобои

40. ШАХ Е. Л. — солист
41. БУРЖИКИН С. А.
42. ПЕТРОВА И. К. — солист

Кларнеты

43. СЕРГЕЕВ Г. А. — солист
44. ВАСИЛЬЕВ И. В.
45. ФАДЕЕВ И. С.
46. СТЕПАНОВ В. В.
47. БАСТРИЧКИН А. С. — солист

Фальшты

48. МЕЛЕНЧЕНКО Г. С. — солист
49. БУРЖИКИН С. А.
50. БУРЖАНСКИЙ А. И.

Долблаторы

51. ДУДАСНИЙ И. М. — солист
52. ФЕДОРОВ С. И.
53. СЕРГОВ П. С.
54. ПЕТРОВ В. И.
55. ПАВЛОВ М. Т.
56. ПАВЛОВ И. Р.
57. АПОЛАНСКИЙ Л. И.

Трубы

58. ЧУДЗЕНКО В. В. — солист
59. ГРИСЯК П. Е.
60. СЕРОВ С. С.
61. ГИНСКИЙ В. П.
62. ПИЩОВ И. А.
63. ПОНДАЛ А. Ф.
64. ВАРХАНСКИЙ В. А.

Тромбоны

65. ОРЛОВСКИЙ В. М. — солист
66. СМОЛДИНОВ М. С.
67. КОЗАН В. И.
68. БОСАНОВ О. В.
69. ВАРРЫН И. И.
70. ПЕТЕЛКОВ И. М.
71. НИДЕЛЬСОН М. А.

Тубы

72. ВАСИЛЬЕВ А. И.
73. ВУЖАНСКИЙ И. З.

Литавры:

74. ОСАДЧИВ В. Е. — солист

Ударные

75. ПЕТРОВ А. А. — солист
76. ЧЕРНЫШОВ И. К. — солист
77. КУЛИКОВ Е. И.
78. АБДРАХМАНОВ А. М.

ДИРИЖЁР — ЭЛИАСБЕРГ К. И.
Ассистент дирижёра — АРХИН С. А.

Руководители духовых оркестров, участвующих в исполнении симфонии:
Министерство культуры СССР — ГЕНЕРАЛ А. М.
Управление культуры — ПРУССЕР А. Р.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ИСПОЛНОМА ЛЕНИНГРАДСКОГО
И
ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ

БОЛЬШОЙ ЗАЛ ФИЛАРМОНИИ

„Нашей борьбе с фашизмом, нашей героической победе над врагом, жемчужной радости городу — Ленинграду и посвящаю свою 7-ую симфонию“.

Д. ШОСТАКОВИЧ

Л. О. „Правда“ № 63 (5330), 25.11.42.

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ

Дмитрия

ШОСТАКОВИЧА

ЛЕНИНГРАД
1942

Дмитрий Дмитриевич с семьёй. А теперь концерт состоится в родном городе композитора. Возле афиши за столиком сидит исхудавшая женщина, она не полетнему тепло одета, видимо, все время зябнет, лицо ее бледно: сказывается длительное голодание. Рядом стоит военный, он покупает программку, которая одновременно является входным билетом.

На первой страничке программы эпитафия: *«Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу – Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию. Дмитрий Шостакович»*. Билеты расходятся быстро – все стремятся попасть на необычный симфонический концерт, можно сказать, «пир во время чумы».

А кругом война. Ленинградцы пережили самые трагические месяцы морозной зимы 1941–1942 годов. Казалось, что жизнь замерла, но это только казалось, – отрезанный от мира город жил, работал, сопротивлялся... Именно в это время рождалось музыкальное произведение, в котором композитор поведал миру о славе Ленинграда, о мужестве его защитников, о единстве всей страны.

Музыкант, композитор, педагог Д.Д. Шостакович родился 25 сентября 1906 г. в Петербурге. Среди созданных им 15 симфоний, знаменитая Седьмая, написанная в блокадном 1941, принесла наибольшую известность. В период 1943–1948 гг. композитор преподавал в Московской консерватории. Умер 9 августа 1975 г. в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

В первые месяцы войны композитор жил в здании консерватории на казарменном положении – как боец противопожарной команды. Вместе со всеми копал проти-

вотанковые рвы, по ночам дежурил на чердаках и крышах, спасая город от зажигательных бомб, откапывал людей, погребенных под обломками разрушенных зданий, тушил пожары, как и все – голодал. Именно в это время рождалась симфония, которую называют Эльбрусом музыкального творчества. В то же время он делал аранжировки для концертных бригад, отправлявшихся в действующую армию. К концу сентября Шостакович закончил первые три части произведения и показал друзьям, те были потрясены мощью произведения.

1 октября 1941 по специальному распоряжению властей Дмитрия Дмитриевича вместе с женой и двумя детьми Галиной и Максимом самолетом переправили в Москву. В дороге он потерял рукопись симфонии. К счастью, на вокзале был найден тюк с вещами, в котором она была упакована. Семья отправилась дальше на восток. Шостакович остановился в Куйбышеве (Самара). Здесь базировался Большой театр, было много знакомых, которые на первое время приняли композитора у себя. А потом ему дали квартиру. Сюда поставили рояль, переданный местной музыкальной школой.

Работалось тяжело: долго не давался финал. Да и как написать музыку всепобеждающего мужества, героической победы, когда до неё было так далеко! В это время решалась судьба Москвы, было сложно представить себе торжественный апофеоз. Не давала покоя и тревога за мать с сестрой, которые не захотели оставлять родной Ленинград.

27 декабря 1941 года Седьмая симфония была закончена, композитор назвал её Ленинградской. Шостаковичу хотелось, чтобы её исполнил оркестр Ленинградской Филармонии под управлением Мравинского. Но тот был в эвакуации. Премьера состоялась в Куйбышеве (Самаре) 5 марта

1942 года. Играл оркестр Большого театра под управлением Самуила Самосуда. Трансляция шла на всю страну и начиналась словами: «Говорит Москва, говорит Москва», хотя передача велась из Куйбышева. 29 марта состоялась премьера в Москве. Симфония прозвучала в других городах страны и за рубежом, она стала символом величия русского духа.

Сотрудники ленинградского Радиокomiteта слушали трансляцию симфонии из Москвы, у них родилось желание исполнить симфонию в Ленинграде. Об этом мечтал и сам композитор. И тогда Ольгу Берггольц отправили в Москву за партитурой Седьмой симфонии. 2 июля 1942 года двадцатилетний летчик лейтенант Литвинов под огнем немецких зениток доставил в блокадный город медикаменты и четыре нотные тетради с партитурой. Герой-лётчик вел свою машину, словно от этих нот зависела жизнь блокадников. Он знал, что в этом «грузе» люди нуждаются не меньше, чем в оружии и хлебе. На аэродроме их уже ждали, везли ноты, как величайшую драгоценность.

Исполнение симфонии требовало большого состава исполнителей, но где их взять? Все оркестры были эвакуированы, оставался оркестр Радиокomiteта, но ряды его значительно поредели: кто на фронте, кто-то умер от голода (26 музыкантов этого оркестра погибли за время блокады), кто-то ослаб и не мог двигаться. В марте 1942 года на первую репетицию пришло 15 человек из ста пяти. Стало понятно, что с ними симфонию не сыграть. Музыкантов стали искать на фронтах, в окопах и блиндажах и самолётами доставлять в Ленинград. Репетиции начались: по пять-шесть часов утром и вечером. Артистам выдали специальные пропуска, разрешавшие хождение по ночному Ленинграду, для них открыли столовую, все они получили продуктовые карточки первой категории. Первые репетиции начались в малой студии Радиокomiteта. Топилась печка-буржуйка, было дымно. Как вспоминала Ольга Берггольц: – «музыканты были исхудавшие, походили на беженцев. Дирижер был в шапке – ушанке и меховых варежках. Трудно было поверить, что эти люди – оркестр».

Была весна 1942 года. В Пушкинском театре, уцелевшем от бомбёжек, зазвучала симфоническая музыка, оркестр вспомнил ранее сыгранные произведения. В зале было холодно, все сидели в пальто. А оркестранты – в концертных костюмах. Потом концерты проходили каждое воскресенье. В это же время дирижёр К.И. Элиасберг работал с оркестром над Ленинградской симфонией.

И вот наступил день премьеры Седьмой симфонии, её исполняли в зале Филармонии 9 августа 1942 года, шёл 355-й день ленинградской блокады. Это был тот самый день, когда по планам немецкого командования вражеские войска должны были победоносно войти в город, они заготовили пригласительные билеты на банкет в ресторан «Астория». Но вместо банкета страна слушала трансляцию симфонии. На удивление, белоколонный зал Филармонии не тронули

ни авиабомбы, ни артиллерийские снаряды, хотя город лежат в руинах. Публика самая разная: простые граждане, военные, партийные руководители. У некоторых зрителей в руках автоматы, значит, с передовой. Другие пришли пешком, укрываясь под стенами домов от артобстрела. Многие от истощения двигаются медленно, но на всех лицах – праздничное волнение. К сожалению, рассмотреть эту радость сложно: до наших дней дошла фотография плохого качества. Остались только воспоминания.

И вот на сцене симфонический оркестр в полном составе. Последним выходит дирижёр. Он очень слаб и бледен, но одет подчеркнуто

тщательно: черный фрак, белоснежная манишка – это Карл Ильич Элиасберг. Чтобы выйти сегодня на сцену, его целый месяц лечили от дистрофии в госпитале. Многие его хорошо знают и встречают аплодисментами. Взмах дирижерской палочки, – и над залом поплыли первые звуки музыки... Симфония звучала 75 минут и потрясла слушателей бурей эмоций и правдой. Этот концерт вошел в историю! Композитор Хренников тогда сказал: «...Шостакович ушел в бессмертие».

Но почему ни одного бомбового удара вражеских самолётов, ни одного снаряда зенитки? Ведь фашисты прекрасно знали о премьерe. Оказалось, что перед началом концерта Командующий Ленинградским фронтом генерал Армии Л.А. Говоров приказал огнем батарей 42-й армии предупредить вражеский обстрел. Операция называлась «Шквал». А на Пулковских высотах в это время рядовой Николай Савков занял своё место у орудия. Как вспоминал солдат, – он не знал ни одного из музыкантов оркестра, но понимал, что сейчас они будут работать вместе. На головы фашистов свалился такой шквал огня, что им было не до стрельбы. Генерал Говоров после концерта сказал дирижеру: – «А мы для Вас сегодня тоже славно поработали».

Концерт из зала Филармонии транслировали по радио через громкоговорители на улицах города, а перед его началом диктор торжественно зачитал текст, в котором говорилось, что «само исполнение Седьмой симфонии в осажденном Ленинграде – это свидетельство неистребимого патриотического духа ленинградцев, их стойкости и веры в победу». В зале звучала музыка, а в это время по всей нашей многострадальной стране шли ожесточённые бои. Слышали концерт не только жители города, но и немцы. Позже двое туристов из ГДР, разыскавшие Элиасберга, признались ему: «Тогда, 9 августа 1942 г., мы поняли, что проиграем войну. Мы ощутили вашу силу, способную преодолеть голод, страх и даже смерть...»

В первой части симфонии спокойный голос оркестра ведёт раздольный рассказ о радости мирной жизни, звучит детский смех, люди уверены в завтрашнем дне. Зрители в концертном зале плачут от воспоминаний о прошлой жизни, от которой не осталось и следа. Но вот музыка меняется, – она звучит нежно, задушевно, успокаивает, как ласковая колыбельная. И вдруг пробивается постукивание, ритмичные шаги приближающейся трагедии. В музыку вползает отвратительно уродливая тема. Еще не понятно, что происходит, но слушатели уже насторожились. Тревога надвигается, разрастается, она звучит громче, ближе, все страшнее и ужаснее, это война. Неприятно лязгающая музыка грохочущих танков сменяется монотонным стуком ленинградского метронома. И снова гром разрушения. Слышатся стоны, крики, скрежет железа, автоматная очередь, взрывы снарядов. Всё ближе бесконечные полчища беспощадного врага. На лицах слушателей нестерпимая боль, зал сотрясает ненависть, хочется броситься на это чудовище и остановить его!

И вдруг прорываются гневно протестующие звуки. Они перекрывают грохот разрушения, ломают железный строй неприятеля.

Ритмичная поступь вражеского нашествия наталкивается на яростное сопротивление. И враг уже не кажется таким всесильным, железная поступь даёт сбой. Вновь звучит первая тема симфонии, но теперь она не лучезарно весёлая, а горестная и гневно протестующая. И вот уже перед нами картина разрушенных войной городов, сожжённых полей, погибших людей. Это траурный реквием павшим. Спокойная, светлая колыбельная теперь оборачивается скорбным похоронным маршем. Музыка вызывает гнев, желание отомстить. «...Люди чтят память героев, – так объясняет Шостакович этот эпизод. – Сначала мне очень хотелось, чтобы здесь были слова. Я чуть было сам не начал писать их. Потом обошелся без текста и рад этому. Музыка выражает всё это сильнее».

В концертном зале раздаются рыдания: слишком свежи раны. Сурово слушают военные, как будто дают клятву: беспощадно бить врага! Но опять слышится дробь барабанов, напоминая, что еще рано успокаиваться, что за стенами зала грохочет канонада и льется кровь, что идет война и для победы понадобятся силы. Слушатели распрямляют плечи, поднимают головы, глаза горят яростной решимостью, они чувствуют, как симфония гнева и борьбы наполняет их новой силой.

Заключительная часть симфонии о будущем. Под мирным небом вы покачиваетесь на лазурных волнах океана, не можете надышаться свежим воздухом горных вершин, ярким светом радости устремляетесь ввысь. Концерт окончен. Зал разрывают бурные овации.

С осени 1942 года начался победный марш Седьмой симфонии по городам Советской страны. Вскоре из-за рубежа стали поступать просьбы выслать партитуру. Между крупнейшими оркестрами мира разгорелось соперничество за право первого исполнения симфонии. Выбор Шостаковича пал на Тосканини. Через мир, охваченный огнем войны, в США полетел самолет с драгоценными микропленками. 19 июля 1942 года Седьмая симфония была исполнена в Нью-Йорке, затем произведение прозвучало в Англии. Только в первый сезон она была сыграна 62 раза! Началось триумфальное шествие героической музыки по земному шару. А был ещё только 1942 год... Впереди – Сталинградская битва, Курская дуга, форсирование Днепра, – впереди была война...

Советский писатель Алексей Толстой в газете «Правда» за 16 февраля 1942 года писал: «Седьмая симфония посвящена торжеству человеческого в человеке... Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными

силами. Национален в симфонии сам Шостакович, национальна его русская рассвирепевшая совесть, обрушившая седьмое небо симфонии на головы разрушителей». В этом же 1942 году Правительство СССР наградило Д.Д. Шостаковича Государственной премией.

Силу музыки в Великой войне, её воздействие на дух защитников Родины ощутил поэт-фронтовик Александр Межиров в стихотворении «Музыка» (1964 г.)

*Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души, и тела
Война проклятая попала.*

*Какая музыка во всем,
Всем и для всех – не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру – быть бы живу...*

*Солдатам голову кружа,
Трехрядка под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.*

*И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.*

*Стенали яростно, навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке – инвалид,
И Шостакович – в Ленинграде.*

Седьмая симфония Шостаковича, которая приближала победу, и теперь звучит в отечественных и зарубежных концертных залах и кинофильмах, ее исполнение возвращает слушателей к незабываемым годам, ставшим героическими страницами советской и мировой истории.

ХУДОЖНИК ИВАН БИЛИБИН

Вернуться, чтобы погибнуть

Это рассказ о художнике-иллюстраторе русских народных и пушкинских сказок, театральном художнике Иване Яковлевиче Билибине, творившем в блокадном Ленинграде (1876–1942 гг.) Живописец возвращал России ведическую Русь, сохраняя для будущих поколений код

русского духа, историческую память народа. Художник воевал с фашистами грозным оружием живописца – колонковой кистью.

Всеми забытый художник, прославлявший подвиги былинных героев – богатырей, святых князей и легендарных полководцев – освободителей земли русской, И.Я. Билибин остаётся на задворках русской культуры. А ведь это он напоминает нам: откуда пошла земля русская? Его уникальное творчество не представлено ни в Москве, ни в одном крупном музее страны. Его работы не знают те, кто в них больше всего нуждается – дети.

Зима 1941/42 гг., мороз минус сорок, обстрелы, пожары и тысячи смертей от голода и бомбёжек. Черда самых трагических и самых мужественных девятьсот дней блокады. Пустынные улицы, заметённые снегом, промерзшие остовы разрушенных домов, безжизненно висящие провода, намертво вмёрзшие в обледеневшие сугробы троллейбусы и трамваи. Нет хлеба, света, тепла. Блокада была сознательно нацелена на полное вымирание жителей Ленинграда. Вражеская авиация сбрасывает на город тысячи фугасных бомб, чтобы вызвать массовые пожары, уничтожить запасы продовольствия. Пыхали Бадаевские склады. Пожар был грандиозным, тысячи тонн продуктов сгорели, расплавленный сахар растекался, впитываясь в землю. Люди ковшами и ведрами собирают сладкую землю. Потом отстаивают в воде. Эта вода стала последним воспоминанием о сладостях. От пайка хлеба в «125 блокадных граммов с огнём и кровью пополам» (Ольга Берггольц) зависела человеческая жизнь, да и не был он вовсе хлебом, а липким месивом, сделанным из мучных отходов и примесей. Были дни, когда хлеба не было вовсе. В

блокадном кольце оказались и войска Ленинградского фронта, солдатская норма хлеба составляла 400 граммов. И всё!

У 66 – летнего живописца И. Я. Билибина была возможность покинуть родной город, но он отказался: «Из осажденной крепости не бегут – ее защищают», – говорил «Иван – железная рука». Иначе он поступить не мог. Это человек, который ещё недавно в Париже на предложение – сменить не престижное русское имя Иван и непонятную фамилию на французские, ответил, что за имя Иван, как за знамя, сражаются и умирают.

Улица Герцена, 38. В промерзлых комнатах Дома ленинградского Союза художников идёт напряженная жизнь. По углам стоят топчаны, топится печь «буржуйка», горят коптилки. Слабое пламя выхватывает из тьмы худые лица художников. В ушанках и валенках, укутанные шарфами, – они здесь живут, спят, творят, куют оружие победы. Руки в перчатках с трудом держат кисти, замерзшие краски отогреваются дыханием.

Уже немолодой, Иван Яковлевич жестоко бедствовал. Крошечный кусочек хлеба не спасал от голода, нужны были силы, чтобы творить и передавать многолетний опыт студентам – будущим живописцам. До последнего дня неутомимый труженик воевал с ненавистным врагом на своём боевом посту – у мольберта с колонковой кистью. Художники используют различные кисти: беличьи, барсуковые, медвежьи. Художник Билибин работал колонковой. (Колонок – это помесь хорька, куницы и норки одновременно. В природе этих зверьков очень мало, и потому кисточки из ворса хвоста самца, пойманного зимой, считаются наиболее ценными).

В подвале Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, где художник преподавал, остались незаконченные его работы, среди которых «Русские витязи гонят рыцарей». Во время налетов вражеской авиации всемирно известный живописец дежурил на чердаке, тушил «зажигалки», спасая от пожара картины, которые хотел оставить России. Незавершёнными остались эскиз «Ледовое побоище» и иллюстрация к былине «Дюк Степанович».

«Иван – железная рука» умер от истощения 7 февраля 1942 года на руках у жены в больнице при Всероссийской Академии художеств. Его супруга – художница А.В. Щекатихина-Потоцкая сумела пережить блокаду. Она закончила рисунок с изображением Александра Невского, – это был его любимый герой. Похоронен И.Я. Билибин в братской могиле профессоров Академии художеств возле Смоленского кладбища.

О русском художнике, графике, этнографе Иване Яковлевиче Билибине вспомнили в его 140-летний юбилей со дня рождения. Летом 2017 года энтузиасты организовали в Москве в музее «Царицыно» выставку его работ. Зрителей встретили известные старшему поколению по книжкам из детства рисунки художника: Царевна-Лягушка, Золотой петушок, Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Змей-Горыныч, Василиса Прекрасная, Иван-царевич и Жар-птица, Садко, Морозко, царь Салтан, Марья Моревна, сестрица Алёнушка, былинные герои – богатыри. Нашлось место плакатам времён Великой Отечественной войны, святым князьям Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Борису и Глебу, которые стучат в окошко Илье Муромцу – будят его на борьбу за освобождение Руси от неприятеля. Выставка «Иван Билибин. Процветшее древо» собрала книги сказок, рисунки, открытки, почтовые марки, плакаты, афиши, календари, его трудами выполненные. Представлены театральные костюмы, декорации к спектаклям: «Сказка о царе Салтане», «Полководец Суворов», иллюстрации к роману А.Н. Толстого «Пётр I», к

«Песне про купца Калашникова» М. Лермонтова. В выставочных залах разместились предметы, ставшие источником его вдохновения: народный костюм, вышивка скатертей, полотенец, древнерусская икона и старопечатная книга, раскрашенная деревянная и глиняная посуда, игрушки, ларцы, кружева, пряничные доски, резьба по дереву, прялки. Уникальные орнаменты Иван Яковлевич ещё до революции привозил из этнографических экспедиций по русской глубинке.

Где хранится золотой фонд русского искусства И.Я. Билибина?

Он расположился в Ивангороде Ленинградской области на границе с Эстонией. Небольшую часть работ: «Сказка о золотом петушке» ещё до революции приобрела Третьяковская галерея. Русский музей Александра III купил иллюстрации к «Сказке о царе Салтане». И всё! Основная часть произведений: декорации, маски, костюмы к спектаклям, операм и балетам где-то растворилась, часть осталась за рубежом. Какова их дальнейшая судьба? Какие-то утеряны, какие-то оказались в коллекции Сергея Дягилева. После его смерти были распроданы на аукционе в Англии. Самые большие приобретения сделал Национальный музей Австралии, где почитают русское балетное и музыкальное искусство. И только малая доля собрана в Ивангородском музее.

Почему золотой фонд русского искусства Ивана Билибина находится в Ивангороде, а не в Эрмитаже, Третьяковке или в Русском музее? – там, где ему самое место. Думается, после кровопролитной Отечественной войны нам было не до сказок. Возможно, Билибину не простили 16-летней эмиграции. Наследством распорядился приёмный сын И.Я. Билибина – М. Н. Потоцкий – почетный гражданин Ивангорода и основатель музея. Он рассказывал, что еще в Париже он часто слышал разговоры между отчимом и писателем Александром Куприным об Ивангороде. Они там не раз бывали и любили этот город. Собрание Ивана Билибина и его жены Александры Щекатихиной-Потоцкой сын передал в дар краеведческому музею. Мстислав Николаевич и потом делал подарки, пополняя фонды музея. Традицию продолжила его супруга, а затем их приемный сын – Илья Кокошкин.

Почему Иван Яковлевич покинул советскую Россию? Русский живописец – сказочник не принял пролетарскую революцию 1917 года. Может быть, он сочувствовал белогвардейцам? Нет. Он мечтал о процветании великой России. Первое время художник обитает в британском лагере для беженцев под Каиром, ведёт нищенское существование, живёт случайными заработками. Но и здесь он остаётся русским художником. По его эскизам в Каире и Александрии расписали русский и

сирийский храмы. Затем перебрался в Париж к товарищам по университету Сергею Дягилеву и Александру Бенуа, которые собирали вокруг себя творческую эмиграцию. Вскормленные на многовековой традиции, сумевшие сохранить принадлежность к русской цивилизации, невольные «пилигримы» распространяли русскую культуру за рубежом. «Я русский националист и очень люблю Россию, – говорил мастер русской сказки, – Я люблю также и всех тех, кто любит Россию, русскую культуру. Национальное есть мощь народа, если оно основано на любви к лучшим духовным проявлениям нации».

В эмиграции для художника наступило плодотворное время: он готовит эскизы театральных костюмов, масок, оформляет декорации к постановкам русских опер, к балетным спектаклям для труппы Анны Павловой. Большую популярность приобрели его работы к операм «Сказка о царе Салтане», «Сказание о граде Китеже и девице Февронии» Н.А. Римского-Корсакова, «Князь Игорь» А.П. Бородина, «Борис Годунов» М.П. Мусоргского. Иван Яковлевич создаёт икону «Святой равноапостольный князь Владимир». Творчество Билибина получило всемирную известность, он был востребован, женился. Что ещё надо для счастья? Но душа его тосковала по русской глубинке, художник скучал по той самой России, которую безмерно любил. Он готов был примириться с советской властью, лишь бы прикоснуться к живительным истокам вдохновения.

Что побудило Билибина вернуться в голодную Россию, в которой свирепствовали репрессии? Возможно, знакомство с Владимиром Потёмкиным – послом СССР во Франции. В советском посольстве в Париже художник создал монументальное панно «Волга Святосла-

вич и Микула Селянинович». Посол стал хлопотать о возвращении Билибина на Родину. На теплоходе «Ладога» В 1936 году Иван Яковлевич с супругой и приёмным сыном прибывает в родной город на Неве. Сказочная тематика творчества художника не представляла опасности для молодой республики. И советская власть щедро его одарила: он получил место профессора графической мастерской ИЖСА в Ленинграде, став доктором искусствоведения, преподавал во Всероссийской Академии художеств, работал как иллюстратор книг и художник театра.

Иван Яковлевич с молодых лет отмывал «вандальски искалеченную Русь»... Всего этого могло бы не случиться, если бы отец Ивана Яковлевича, помощник главного доктора морского госпиталя, не настоял на поступление сына на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1896 года Иван Яковлевич овладевает основами права и в 1900 году заканчивает университет. Каково же было удивление педагогов, когда на юридическом факультете собралась компания студентов, влюблённых не в юриспруденцию, а в живопись: Александр Бенуа, Мстислав Добужинский, Сергей Дягилев, Николай Рерих, Иван Билибин. Всё свободное время товарищи проводили в поиске новых средств изобразительного искусства. Это люди, определившие взрыв русской культуры в начале XX века. Похоже, надо радоваться, что они не стали юристами, иначе мир потерял бы великих художников и театральных деятелей.

Одновременно Иван Билибин обучался живописи в Мюнхене, затем несколько лет занимался в мастерской у Ильи Репина, которого боготворил. Однажды молодой художник случайно приезжает в деревню Егны Весьегонского уезда Тверской губернии. Восхищение от увиденного в русской глубинке перевернуло всю его жизнь, он стал вечным приверженцем древнерусского искусства. Здесь он создает иллюстрации к своей первой книге «Сказка о Иван-царевиче, Жар-птице и о Сером волке».

По заданию этнографического отдела Русского музея Билибин побывал в разных уголках страны и был поражён. Вот его впечатления: «Только недавно открыли, точно Америку, старую художественную Русь, вандальски искалеченную, покрытую пылью и плесенью. Но и под пылью она была прекрасна, так прекрасна, что вполне понятен порыв открывших её – вернуть! Вернуть!». Всю жизнь живописец сдувал пыль и смывал плесень с русского народного художественного творчества. Одновременно Иван Яковлевич проявил себя как учёный – этнограф: он создаёт фотоархив деревян-

ной архитектуры и везёт в Петербург набойки, кружева, прялки, посуду, ларцы, вышивки.

Усердно практикуясь в живописи, художник достиг такого совершенства, что получает от коллег прозвище «железная рука». Ему подражали, но достичь такого уровня мастерства не могли. Выходят в свет сказки Пушкина с иллюстрациями Ивана Билибина: «Сказка о Царе Салтане», «Сказка о Золотом Петушке». Издана былина «Вольга», затем сказки Рославлева. В театре Зимина в Москве представлена опера «Золотой Петушок», затем «Садко» Н.А. Римского-Корсакова, «Руслан и Людмила» М.И. Глинки, оформленные Билибиным. Так Иван Яковлевич стал признанным театральным художником. Одновременно с этим он рисовал обложки книг для детей, иллюстрации, обрамлённые старинными орнаментами. Большое значение уделял древнерусскому шрифту, стилизованному под старинную рукопись. Названия и заглавные буквы исполнял славянской вязью. Всю жизнь художник Билибин служил русской сказке.

Сказка в жизни ребёнка имеет огромное познавательное и воспитательное значение. Именно в детстве формируется характер ребёнка, усваиваются основы морали. Как просто и понятно объяснить ребёнку ценность культурных традиций своего народа? Эту функцию замечательно выполняет русская сказка и былина. Старинное народное творчество формирует представление о добре и зле, учит состраданию, милосердию, раскрывает секреты жизни далёких предков. Народная и пушкинская сказка, как целебная пилюля, успокаивает человека, укрепляет его душу. Не зря врачи рекомендуют детям и старикам читать русские народные сказки на ночь. Там нет надуманного геройства ради личной славы, а есть любовь, терпение, доброта, смекалка, взаимовыручка, жертвенность, подвиг во имя всеобщего блага, которые побеждают зло. Сегодня редко читают ребёнку сказки перед сном. Проще включить телевизор или компьютер, где вместо сестрицы-Алёнушки, Ильи Муромца или Садко на ребёнка смотрят вампиры, убийцы, уродцы и всякая нечисть, разрушающие душевное здоровье. Коллективное чтение сказок укрепляет семью, создаёт атмосферу уважения и доверия. Многовековая народная память не позволяет человеку отрываться от своих корней, питает его душу, укрепляет волю, насыщает уверенностью в себе и в будущем своей страны.

Душа художника Ивана Яковлевича Билибина питалась заповедной Русью. Сказочных дел мастер – певец русской жизни, всю свою жизнь прославлял подвиг русского народа-победителя, любил Россию и умер за неё!

ПОЭЗИЯ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Анна Ахматова. Для славы мёртвых нет...

В октябре 1941 года, когда шли ожесточённые бои за Ленинград, когда кольцо блокады сомкнулось, Анна Андреевна Ахматова сумела вырваться «на Большую землю». Она недолго прожила в блокаде, но и этого хватило, чтобы «взорвать» мир до боли пронзительными строками. Один за другим стали выходить её проникновенные стихотворения о стойкости осаждённого города. 8 марта 1942 г. в газете «Правда» напечатано её пламенное стихотворение **Мужество**:

*...Мы знаем, что нынче лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет...*

А следом вышел пронзительный **«Реквием»**:

*...А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена! Ведь все равно – вы с нами!..
Все на колени, все! Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами –
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет...*

1942 год

Ольга Берггольц. Блокадная муза

Говорят, когда гремят пушки, музы молчат. Но в Ленинграде музы не молчали. Единственной связующей нитью с миром было ленинградское радио. Уверенные голоса дикторов радио спасали от страха и отчаянья, облегчали страдания людей. По радио звучала музыка, стихи, рассказы военных корреспондентов о подвигах солдат и матросов. В осаждённый город приходили известия о победе советских войск под Москвой, потом под Сталинградом, потом под Курском... Может быть, именно это помогала городу выжить и победить, показать всему миру небывалую высоту человеческого духа.

Ольга Берггольц – поэтесса, радиожурналистка. Это ей принадлежат слова: «125 блокадных граммов с огнём и кровью пополам», это её слова: «Никто не забыт, ничто не забыто» начертаны на могиле неизвестного солдата в Москве. После яростных налётов вражеской авиации ленинградское радио замолкало. Когда молчало радио – наступало самое трудное время. Но когда удавалось восстановить связь, вновь звучал ободряющий голос Ольги Берггольц: «Граждане и гражданки, братья и сёстры, держаться, во что бы то ни стало, держаться!»

Ленинградцы любили Ольгу Берггольц, её голос хорошо знали, выступления по радио с нетерпением ждали. Голос «блокадной музы» источал небывалую энергию. Ленинградцы удивлялись, откуда в этой хрупкой женщине столько жизнелюбия и душевных сил? Её репортажи с фронта, её стихи входили в замерзшие дома, вселяли надежду, с ней отождествляли веру в победу. И жизнь продолжала теплиться: «Товарищ, нам горькие выпали дни, Грозят небывалые беды, Но мы не забыты с тобой, не одни, – И это уже победа!». (О.Б.) Не случайно германские фашисты внесли Ольгу Берггольц в черный список людей, которые первыми будут расстреляны при взятии города.

Порой казалось, что с горожанами беседует человек, полный сил и здоровья, но Ольга Берггольц, как и все ленинградцы, существовала на голодном пайке. 1941–1942 годы были для Ольги Фёдоровны самыми тяжёлыми: на её руках умер от голода муж Николай Молчанов, – автор стихов «Утро красит нежным цветом/Стены древнего

Кремля...», незадолго до этого она потеряла двух дочерей и сына, сослан в красноярскую ссылку отец хирург Берггольц как «опасный элемент». Но всегда «блокадная мадонна» была лучиком надежды. «Ленинградская поэма» принесла поэтессе всеобщую славу и любовь. Строки её стихов высечены на мраморной стеле Пискаревского мемориального кладбища, где покоятся 500 тысяч погибших.

*Я говорю с тобой под свист снарядов
Угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда
Страна моя, печальная страна...
...ни слёз, ни радости, ни страсти.
Перед лицом твоим, Война,
Я поднимаю клятву эту,
Как вечной жизни эстафету,
Что мне друзьями вручена.
...Да, мы не скроем: в эти дни
Мы ели землю, клей, ремни;
Вставал к станку упрямый мастер,
Чтобы точить орудий части,
необходимые войне...*

Медаль

*...Война еще идет, еще – осада.
И, как оружие новое в войне,
сегодня Родина вручила мне
медаль "За оборону Ленинграда".*

3 июня 1943

Песня о ленинградской матери

*...На бранный труд, на бой, на муки,
во имя права своего,
уходит сын, целуя руки,
благословившие его.*

*И, хищникам пророча горе,
гранаты трогая кольцо, –
у городских ворот в дозоре
седая мать троих бойцов.*

20 августа 1941

Стихи Ольги Берггольц – это летопись блокады, это символ непокорённого города.

Сергей Орлов.
Его зарыли в шар земной...

Сергей Сергеевич Орлов не был блокадником, он воевал за Ленинград. Родился 22 августа 1921 года в селе Мегра (ныне Вологодской области). Отец и мать были сельскими учителями. Стихи писал с детства. Его стихотворение «Тыква» отмечено на Всесоюзном конкурсе стихов школьников в 1938 году. Оно было приведено в статье К.И. Чуковского в

газете «Правда», а также четыре строчки из него детский писатель поместил в своей книге «От двух до пяти». Печатался в районной газете. В 1940 году поступил на исторический факультет Петрозаводского университета. В начале Великой Отечественной Войны вступил в истребительный батальон народного ополчения Белозерска, составленного из студентов-добровольцев. Затем его направили в Челябинское танковое училище. Воевал на ленинградском фронте. Стихи печатал в армейской газете. Ужасы блокады испытал на себе — линия фронта проходила по улицам города, понять: где фронт, где тыл, было трудно. Воины ленинградского фронта, окружённые неприятелем, голодали вместе с горожанами. 17 февраля 1944 года едва не сгорел заживо в танке, следы от ожогов остались на лице на всю жизнь, он их маскировал пышной причёской и бородой. После лечения в госпитале жил и работал в Ленинграде. Вторая книга стихов называлась «Третья скорость». Он окончил Литературный институт им. А.М. Горького, входил в состав правления Союза писателей РСФСР, заведовал отделом поэзии в журнале «Нева», был членом редколлегии журнала «Аврора». Совместно с Михаилом Дудиным написал сценарий фильма «Жаворонок», посвящённый подвигу танкистов, оказавшихся в плену на территории Германии. Затем член секретариата правления Союза писателей РСФСР, переехал в Москву. Позднее поэт стал членом комитета по присуждению Ленинских и Государственных премий. Книга «Костры» вышла после его смерти. Умер в Москве 7 октября 1977 года. Похоронен на Кунцевском кладбище. Именем Сергея Орлова в Вологде названа одна из центральных улиц.

Награждён орденами: Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями: «За

оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В 1974 году ему вручили Государственную премию РСФСР имени М. Горького за книгу стихов «Верность».

Невероятной силы стихотворение «Его зарыли в шар земной» стало классикой. Первая его строка высечена на гробовой плите поэта.

Его зарыли в шар земной

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...*

В стихотворении, посвящённом подвигу танкиста, он пишет:

*... Учила жизнь сама меня.
Она сказала мне, –
Когда в огне была броня
И я горел в огне, –
Держись, сказала мне она,
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу.
Держись, сказала, за меня.
И, люк откинув, сам
Я вырвался из тьмы огня –
И вновь приполз к друзьям...*

Жертвам блокады, покоящимся на Пискарёвском мемориальном кладбище, поэт посвящает стихотворение:

*...С тех пор обязан жизнью город
И ратной славою своей.
Все то, что было, – с ними рядом.
Им кажется – еще вчера
На Невском падали снаряды,
Звенели в небе «мессера»,
В снегу по пояс шла пехота,
Жизнь хлебным мерилась пайком,
Но им не то что нет охоты
Сегодня вспоминать о том,
А нечего добавить словом
К молчанью павших дорогих,
Где снег, не ведая о славе,
Летит из года в год на них.
В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчание мемориальных
Гранитных пискарёвских плит.*

Поэзия блокадного Ленинграда – это обвинительный приговор фашизму и предупреждение об опасности его возрождения.

Юрий Воронов.
Время не властно

Юрий Петрович Воронов (13.01.1929 – 5.02.1993) родился в Ленинграде. Ему было 12, когда началась война. Как и все дети – сбрасывал зажигательные бомбы с крыш домов, участвовал в субботниках по расчистке улиц.

После войны его творческая биография сложилась успешно. Он прошёл большой профессиональный путь от редактора ленинградской газеты «Смена» до ответственного секретаря правления Союза писателей СССР. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, работал секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ,

затем главным редактором газеты «Комсомольская правда», ответственным секретарем газеты «Правда», главным редактором журнала «Знамя», главным редактором «Литературной газеты». Народный депутат СССР, награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, многими медалями, в том числе «За оборону Ленинграда». Лауреат премии им. В. Воровского, Государственной премии РСФСР. Пронзительная блокадная поэзия занимает главное место в его литературном творчестве.

*...За воем сирен –
Самолёты в ночи.
За взрывом –
Завалы из щепня и лома,
Я цел.*

*Но не знаю ещё,
Что ключи
В кармане –
Уже от разбитого дома.*

Трое

*...Я к ним подойду. Одеялом укрою,
О чём-то скажу, но они не услышат.
Спрошу – не ответят... А в комнате – трое.
Нас в комнате трое, но двое не дышат.
Я знаю: не встанут. Я всё понимаю...
Зачем же я хлеб на три части ломаю?*

Мёртвые

*Мне кажется: когда гремит салют,
Погибшие блокадники встают.*

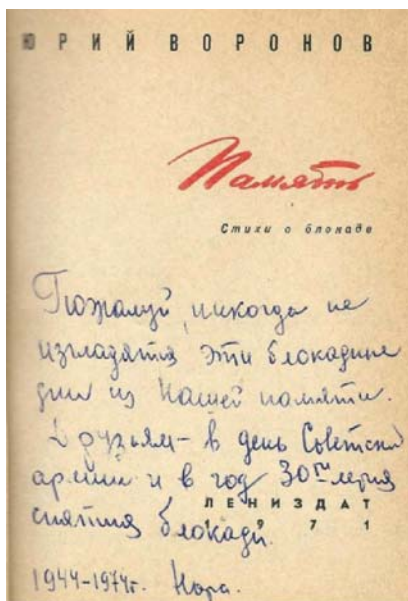
*Они к Неве по улицам идут,
Как все живые. Только не поют.*

*Не потому, что с нами не хотят,
А потому, что мёртвые молчат.*

*Мы их не слышим, мы не видим их,
Но мёртвые всегда среди живых.*

*Идут и смотрят, будто ждут ответ:
Ты этой жизни стоишь или нет?...*

Обстрел

*...Опять фанера хлопнула в окне,
И старый дом от взрыва
закачался.*

*Ребёнок улыбается во сне.
А мать ему поёт о тишине,
Чтоб он её потом не испугался.*

*...Время – лекарь.
И эту роль повторяет оно
со всеми.
Но бывает людская боль,
Над которой не властно время.*

Память

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память –
наша совесть.
Она как сила нам нужна.*

Поэзия детей блокадного Ленинграда

Анатолий Владимирович Молчанов. Блокады острые осколки

*«Через мины измен, демагогии
дым /Я несу эстафету от мёр-
твых живым», – в этом видел
своё предназначение блокадник,*

океанолог, поэт, член союза писателей России А.В. Молчанов (1932–2011 гг.). «Блокады острые осколки» – так называется последняя книга стихотворений Анатолия Молчанова – известного поэта, прозаика, актёра, режиссёра, заслуженного деятеля искусств РФ,

создателя театра «Мы из блокады». Острыми осколками, навечно застрявшими в душах людей, называет Анатолий Владимирович блокадные стихи. Будучи ребёнком, Анатолий совершил подвиг, за что был награждён медалью «За оборону Ленинграда».

Анатолию шёл десятый год, когда началась война, он родился в 1932 году в Ленинграде. На блокадную пору пришлось обучение в начальной школе. Среди двадцати его книг особое место занимают книги о блокаде. Почему Анатолий Владимирович Молчанов много места в своём творчестве отводит блокаде? Потому, что он – дитя блокады. Пережитое в детском возрасте не давало покоя всю жизнь: слишком тяжёлыми и трагичными были эти годы: *«Забывать бы всё это хотелось, / да ноющий шрам не даёт».*

*Всю жизнь стучится в нашу память
Её тревожный метроном.
Она навек осталась с нами
На сердце выжженным клеем...*

Война застала Толю в пионерском лагере под Лугой. В лагере становилось тревожно: ночами гудели наши и вражеские самолёты. Однажды над головой разгорелся воздушный бой, наш самолёт был сбит, а лётчик спрыгнул с парашютом. Это потрясло детское воображение. Мальчики стали играть в войну и засобирались идти на фронт добровольцами. Воспитателям медлить было нельзя: пока дети и в самом деле не разбежались, всех в срочном порядке погрузили в вагоны и повезли в Ленинград. Тогда ещё никто не знал, какие испытания выпадут на их долю. Дорога в город была утомительной: поезд часто останавливался. На очередной остановке дети высыпали на луг и стали собирать цветы. В это время на бреющем полёте пролетел мессершмит и обстрелял детей. Вдруг откуда-то выскользнул советский «ястребок», он летел, не стреляя – закончились патроны, лоб в лоб он врезался в немецкий самолёт. Обломки горящих самолётов упали на землю. Все были потрясены неожиданным спасением, дальше ехали молча. Кто этот герой? Всем хотелось узнать фамилию советского лётчика, благодаря которому дети остались живы. То, что увидели дети в родном городе, потрясло воображение. Было введено затемнение и светомаскировка, выли воздушные сирены, по сигналу которых надо было бежать в бомбоубежище, горели склады с продовольствием, жилые дома. Окна заклеивались бумагой крест на крест, чтобы не вылетали стёкла. Но это не помогло – стёкла вылетали

вместе с рамами. Окна забивали картоном, досками, было нестерпимо холодно:

*Сквозь дыру в картоне, вместо стёкол вставленном,
Он летел в кровать холодную ко мне,
И меня, ещё живого, белым саваном
Покрывал и согревал блокадный снег.*

Во время налёта вражеской авиации метроном отбивал 150 ударов в минуту, в спокойное время – 60. На улицах всё больше появлялось людей с мешками и чемоданами, люди шли к ж/вокзалам – они торопились эвакуироваться. Стали приходиться похоронки. Ожидался штурм города фашистами, люди готовились к уличным боям. Хлеб выдавался по карточкам. Нормы хлеба ещё не были мизерными, и предусмотрительная бабушка Толика насушила на печке сухарей полотняный мешочек. Эти сухари помогли семье в самое голодное время. 4 сентября 1941 года в Ленинграде разорвались первые снаряды, 6 сентября на город полетели вражеские бомбы, а 8 сентября замкнулось кольцо блокады.

Дом, в котором жила семья Молчановых, находился на углу Большой Московской улицы и Свечного переулка. Старинный особняк с лепниной и широкими парадными лестницами погрузился во тьму и разрушения в первую блокадную зиму. Люди ходили по обледеленному дому со «светлячком», так называли блестящую,

покрытую фосфорной краской брошь – пуговицу, надетую на одежду. Толику отец подарил такой светлячок, этот значок Анатолий хранил всю жизнь. Занятия в школе начались в октябре 1941 года. Дети сидели в бомбоубежище при «тусклом свете керосиновых ламп, закутанные в разные тряпки. Было нестерпимо холодно. Очень хотелось есть», – вспоминает Анатолий Владимирович. Дети учились «блокаде назло, / даже если замерзали чернила, / если голодом мысли свело, если встать из-за парты нет силы». В школу приносили не только портфель, но и противогаз. Однажды контрольную работу по арифметике писали в противогазе. И вот наступил момент, когда мальчишкам расхотелось играть в войну: она была «в грозные дни со смертью и подвигом рядом». Дети помогали взрослым. Было ли страшно? Конечно, было страшно от грохота падающих зданий, звона разбитого стекла, взрывов снарядов, канонады артиллерийских снарядов и нестерпимой голодной дистрофии. Мальчик стал заикаться. Мама была всё время на работе. Она определила Толе три трудные обязанности. Первая: носить воду из реки Фонтанки на пятый этаж по тёмной лестнице, когда ослабевшие ноги отказываются ходить. Другая обязанность – вырубать топором дрова из-под льда в затопленном подвале дома. Толе это оказалась не под силу. Тогда он вместе с дедушкой стал отбирать книги из огромной личной библиотеки и топить печь. Вместе с книгами горели стулья, табуретки, разбитые шкафы. А третья обязанность: выжить. Если с первой мальчик как-то справлялся, а вторая оказалась не по силам, то выполнение третьей задачи полностью зависело от мамы. Именно поэтому родилось стихотворение «Приказано выжить». Трагизмом, страстью, невероятной силой духа, любовью к матери пронизано это стихотворение.

*Приказано выжить – разведки закон.
Я с этим законом с блокады знаком.
Нет. Я не имел отношения к разведке,
Я в школу ходил – в третий класс семилетки.
И с первой блокадной, голодной зимой
Учился не трусить пред стужей и тьмой.
Грыз чёрный булыжник блокадной науки
И плакал украдкой в мамы руки.
А мама шептала: «не надо, родной,
Не стоит транжирить солёной водой!
А ну улыбнись, Выше нос! Выше! Выше!
Не думать о смерти. Приказано выжить».
«А кто приказал?» – Приказала страна.*

Москва приказала. В нас верит она.
Чтоб нечисть фашистскую вымести, выжечь,
Нам выстоять надо и выжить. Да, выжить!».
Три месяца душат блокадою нас,
И хлебный паёк уменьшался пять раз.
Что дальше сулит метрономное время?
Голодная смерть нависает над всеми...
И вдруг за шесть дней до конца декабря
Во мраке блокады мелькнула заря.
«Вставайте скорее, кто в булочных не был!
Прибавили хлеба! Прибавили хлеба!
Мы будем теперь двести грамм получать!
Да, да, двести грамм, а не сто двадцать пять!
И солнце встаёт караваем в полнеба.
«Прибавили хлеба! Прибавили хлеба!»
Везде голоса с ликованием звенят,
И мама с надеждой целует меня:
«Мы выживем, милый! Мы выстоим, милый!
И фрицев проклятых загоним в могилы!»
Но голод коварный с врагом заодно,
И выжить не каждому было дано.
Всю жизнь и все силы до капельки выжав,
Они умирали, чтоб городу выжить...
Могил пискарёвских внушительный строй.
Неправда, что здесь тишина и покой!
Здесь мёртвые звуки врываются в уши.
Сердца опаляет пожаром минувшим.
А мозг леденит тот блокадный мороз,
И щиплет глаза от непрошенных слёз.
И если послушать, то можно услышать,
Как шепчут могилы: «Приказано выжить!»

Но спасение зависело не только от мамы: 5 декабря 1941 ледовая дорога через Ладожское озеро нанесла первый удар по голоду, – пошли обозы с хлебом. Именно ей – «Дороге жизни», ленинградцы благодарны безмерно:

Она – как легенда, как песня, как знамя,
У этой дороги не будет конца –
Она навсегда пролегла через память,
Навеки прошла через наши сердца.

Дедушка Толя был большим выдумщиком. Накануне нового 1942 года он нарисовал новогоднюю ёлку на стене. На концах ветвей прибил гвоздики, на которые повесил новогодние игрушки. «Нарисованная ёлка словно ожила», – рассказывает Анатолий Владимирович. В коробке с игрушками обнаружился настоящий клад! Это были прошлогодние грецкие орехи, обёрнутые в посеребрённые фантики, конфеты «Мишка на севере» и «Раковая шейка». Любимый праздник вспоминается так: «Тускло горела коптилка, а над ней таинственно отсвечивали стеклянные шары. Ровно в полночь дедушка снял засохшие конфеты и разделил поровну». Однако Толе досталось больше всех: у бабушки вдруг «разболелись зубы». А дедушка незаметно положил конфетку внуку. Вскоре дедушка занемог от голода. Толина мама стала донором, она сдавала кровь и быстро слабела. Донорский хлебный паёк не спас дедушку – он умер в апреле 1942 года, как раз в тот самый день, когда пошли трамваи. Дедушка с нетерпением ждал этот замечательный день, чтобы навестить своих друзей. Не пришлось. После похорон дедушки мама пыталась ещё раз сдать кровь. Но кровь не пошла. Тогда маме дали сладкого чаю, но и это не помогло. Мама вернулась домой, легла на кушетку и больше не вставала. Когда Толя понял, что произошло что-то страшное, он стал сильно кричать, плакать и звать маму. Услышав крик сына, мама вышла из голодной комы и вернулась к жизни.

«Откуда ленинградские женщины черпали сверхчеловеческую волю, поддерживавшую веру в жизнь? – задаётся вопросом Анатолий Владимирович, – Именно эта женская воля вместе с «Дорогой жизни» сберегли жизнь в Ленинграде».

Посвящение святым блокадным матерям:

*Восславим наших матерей –
Простых блокадных женщин.
Их подвиг эрам не стереть,
Он, как Россия, вечен...
Восславим тех, кто нас сберёг
В кашмарной крутоверти,
В аду обстрелов и тревог,
В тисках голодной смерти...
Восславим наших матерей –
Святых блокадных женщин,
России верных дочерей,
Чей подвиг нам завещан.*

О приходе весны 1942 года возвестили не птицы, которых не было в городе, а трамваи. А перед этим все ленинградцы вышли на субботник по уборке улиц. Взрослые долбили ломami лёд, а дети на саночках отвозили куски льда к машине. Ленинград умылся от мусора и нечистот.

Блокадники верили, что страна их не оставит, что «победа будет за нами».

Анатолий Владимирович пишет:

*«Нам лишь бы зиму
пережить», –
Шептали люди, как молитву,
И разгоняя смерти тьму.
Вели свою святую битву.*

Весной 1942 года мама с сыном поехали в подсобное хозяйство выращивать турнепс для жителей Ленинграда. Деревня называлась Дранишники. Толя был очень слаб и не мог работать. Но на свежем воздухе мальчик окреп. Дети успевали не только поработать, но и поиграть,

сходить в лес за ягодами и в гости к военным: рядом проходила линия фронта. Военные встречали ребят приветливо, подкармливали хлебом. Другого ничего не было. К осени вырос солидный урожай турнепса. Толе этот овощ казался очень вкусным, сочным и сладким. Его вкус он запомнил на всю жизнь. Это были «плоды первого блокадного урожая». Мама с Толей вернулись домой, мальчик вновь пошёл в школу.

Летом 1943 года Толя с мамой опять поехали в Дранишники. Здесь произошло страшное событие: в Толю стреляли диверсанты. А дело было так: мальчик пошёл в лес за хворостом и увидел группу военных в советской форме. Они вызывали подозрение: часто останавливались, доставали карту. Толя старался подойти к ним поближе, чтобы услышать, о чём говорят. Военные тоже заметили мальчишку, но стрелять не стали, чтобы не шуметь. Под рёв пролетающего над головой самолёта диверсанты выстрелили в мальчика, чтобы убрать свидетеля. Толя почувствовал сильную боль в коленке. Он упал в яму и закрыл глаза. Диверсанты подошли к яме, выстрелили ещё раз и скрылись в лесной чаще. Когда всё стихло, Толя разорвал рубашку и перевязал раны. Теряя сознание от боли и потери крови, он дополз до воинской части. Лес прочесали, диверсантов поймали, в их рюкзаках оказалась взрывчатка. После излечения командир части вручил мальчику высокую награду. Первого мая 1945 года мать и сын надели дорогие для них медали «За оборону Ленинграда». В школе тоже были успехи: Толя за один год закончил второй и третий класс с отличием. На родительском собрании ему вручили Похвальную грамоту за отличную учёбу.

Вечером 27 января 1944 года Толя вместе с бабушкой смотрел праздничный салют по случаю полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Блокада закончилась, но война ещё продолжалась. Немцы стояли в 25 км от города и ещё не раз бомбили.

Первые послеблокадные годы стали самыми счастливыми в жизни ленинградцев. Из распахнутых окон звучала музыка. Послевоенные восторги встреч и обретение новых друзей врачевали испуганные души, возвращали украденное войной детство и доверие к миру взрослых, который перестал воевать и убивать. Это было время великой радости, отсутствия постоянной угрозы жизни, страха потери родителей, угрозы голода и холода, пронизывающего всё тело от головы до кончиков отмороженных пальцев. Открытые душой, доверчивые, пострадавшие в военное лихолетье, дети искренне радовались возрождению к жизни.

Любовь к родному, многострадальному городу Анатолий Владимирович пронёс через всю свою жизнь:

*Я – часть Ленинграда. Я часть его воли.
Упорства и силы, бесстрашья в борьбе.
Я часть его мук, его скорби и боли,
И верности трудной, гордой судьбе.*

*Я – часть Ленинграда. Я часть его славы,
И это почётней всех высших наград.
Пусть дети мои унаследуют право
Считать себя частью твоей, Ленинград.*

После окончания школы Толя учился в ленинградском Гидрометеорологическом институте. Занимался инженерно-строительными изысканиями, стал океанологом, больше 20 лет провёл в экспедициях, но всю свою жизнь боролся за сохранение памяти о великом подвиге советских людей.

Ещё с детства Анатолия увлекло искусство стихосложения, обнаружил в себе и талант сказочника. К 60-летию Великой Победы он выпустил книгу «Кузьма Бебекин в тылу врага», а также сборник очерков для детей о Великой Отечественной войне «Легенды? Нет, это было». С группой равнодушных актёров Анатолий Владимирович создал народный театр «Родом из блокады». В театре играли взрослые актёры и дети, профессионалы и любители. О чём говорили актёры со зрителями? В основу спектаклей были положены личные воспоминания блокадников и защитников легендарного города. Это был рассказ – напоминание о бомбардировках и артиллерийских обстрелах, о голоде и промозглой зимней стуже. Со сцены звучали вопросы: почему война лишила людей привычных условий существования? В чём провинились дети, принявшие на себя взрослые заботы? Это был честный разговор об убитом детстве, о малышах, которых голод превратил в беспомощных стариков с высохшими, сморщенными личиками, которые быстро выросли психологически, но сильно отставали в физическом развитии.

А.В. Молчанов принимал участие на митингах при открытии памятника «Разорванное кольцо», у мемориала «Ладожский курган». Его часто приглашали в школу посёлка Ваганово, где находится Музей Краснознамённой Ладожской военной флотилии, вёл патриотическую работу со школьниками. Однажды он услышал историю героической 101-й батареи. Памятник этой батарее находился на территории детского лагеря. А.В. Молчанов понял, что подвиг этот незаслуженно умалчивается. Более 10 лет он работал в архивах, в результате им была написана книга «Сосновецкий форт на страже Ладоги и Ленинграда». Можно сказать, что это произведение стало лебединой песней Анатолия Молчанова. Библиотечно-культурному комплексу в С-Петербурге, расположенному по адресу: Ленинский проспект, дом 115, присвоено его имя.

Почти сорок лет скрывалась правда о самой продолжительной и самой беспощадной за всю историю человечества – ленинградской блокаде. В кабинетах чиновников Молчанов настойчиво искал правду: «*в оковы взятую, И клеветой распятую, Правду в архивах скрытую, И глубоко зарытую*». И добивался своего. Он боролся за историческую справедливость, за права блокадников, был одним из организаторов строительства памятника блокадным матерям. Своими книгами, работой в международных и российских организациях ленинградских блокадников Анатолий Владимирович бил в набат во все колокола и призывал помнить, что «*фашизм – это величайшее зло на земле, лишивший людей самого бесценного дара – жизни и здоровья. Злодеяния фашистов должны быть вечным уроком истории, который нельзя забывать и который не должен повториться*».

Всю свою жизнь, в стихах, прозе, конкретными делами, на театральной сцене, он следовал делу сохранения памяти о блокадниках и увековечения имён защитников осаждённого Ленинграда:

*«Память моя блокадная
Честная, не плакатная,
Не подведи меня,
Не потеряй ни дня...
Ты не жалей меня,
Память моя блокадная,
Боль миллионкратная
Сердце моё храня,
Ты не жалей меня.*

*Если не мы, то кто же
Правду вернуть поможет –
Правду невероятную,
Страшную, непонятную,
Правду в оковы взятую
И клеветой распятую,
Правду в архивах скрытую
И глубоко зарытую...
Память моя блокадная,
Переживи меня».*

Пётр Георгиевич Войцеховский
житель города Сортавала.
Там в глубине, у роковой черты....

Отец Петра – полярник. Перед самой войной он уехал в экспедицию на Новосибирские острова. Началась война. Георгий Анастасьевич вернулся в Ленинград и работал геодезистом при штабе Ленинградского фронта. Петина мама, Нина Владимировна, училась в Ленинградском универси-

тете. Семья проживала в доме полярников по улице Восстания. Пете тогда было 7 лет, а сестре Леночке – годик.

В июле 1941 года Арктический институт вывез семью своих сотрудников в Малую Вишеру. Но линия фронта приближалась так быстро, что тыловой город стал подвергаться ежедневным бомбёжкам. Семья Войцеховских вернулась в Ленинград. Пётр помнит, как горели Бадаевские склады, как в небе висела чёрная туча дыма. По придорожным канавам текла струя расплавленного сахара. Люди черпали ковшами, собирали кастрюлями «сладкую» землю. Пете доверялось крутить «сирену» во время воздушной тревоги. Пётр Георгиевич вспоминает, как однажды он увидел потрясшую его картину: фашисты разбомбили госпиталь на Суворовском проспекте, погибло много людей. Здание горело. Медперсонал, жертвую собой, обвязывал раненых матрацами и выбрасывал их в окна.

Света и тепла не было, сидели в темноте с керосиновой лампой. Семья голодала. По карточкам иждивенцев (детей и стариков) обещали дополнительно к 125 гр. хлеба давать рис. Но перебои с хлебом были постоянно. Риса тоже не было. Отчаявшаяся Нина Владимировна осознавала безвыходное положение семьи. И только стакан риса, данный в долг соседкой Бушуевой, спас семью от голодной смерти.

Отец получал на работе скудный обед. Он складывал его в баночку и приносил домой. В марте 1942 года Георгий Анастасьевич умер от истощения.

Дом полярников замерзал. И тогда семью Вайцеховских пригласила к себе жить Наталья Сергеевна Полозова, она была лицевым хирургом в военном госпитале. Так большой семьёй у тёплой буржуйки они встретили новый 1942 год. На улице было больше 30 градусов мороза.

Эвакуация из Ленинграда по «Дороге жизни» была мучительной. Мальчик видел, как уходили под лёд Ладожского озера машины с людьми, как мальчишек из ремесленного училища в тонких шинелях и фуражках везли в открытых машинах. Ребята обморозили лица, руки, ноги. По прибытии их оперировали: вырезали обмороженные места без наркоза. Ребята переносили боль молча. Блокадные потрясения легли в основу стихотворений Петра Войцеховского.

В 1944 году ленинградцы возвращались домой. Вернулись и Войцеховские. Учёбу Пётр продолжил в Ленинградском Нахимовском училище. Работал геодезистом. Многие годы проживал в республике Карелия, городе Сортавала.

Все блокадные поэты посвящают стихи Ладожской «Дороге жизни». Пётр Георгиевич не исключение. Он считает, что блокада и Ладога – это слова – побратимы. Ей, Ладоге, отдают дань памяти благодарные ленинградцы за тысячи спасённых жизней, за тонны снарядов, доставленных на Ленинградский фронт, за хлеб.

Там, в глубине...

*Там, в глубине, уроковой черты
Стоит на дне автобус белосиний,
Свет искажает параллели линий
На рубеже подводной темноты.
Он шёл с детьми и канул в полынью.
Чуть слышный плеск и звуки повторились.
Со стоном двери мира затворились –
Скажи мне, Ладога, твою ль я воду пью?
Сейчас, когда гуляют по планете
Заботливо укутанные дети,
И мамы гордые с них не спускают глаз...
Пусть не сотрутся в памяти у нас
Сугробы белые и на деревьях иней,
С детьми на дне автобус белосиний...*

Братское кладбище

*Валы земли, могильные валы,
Одетые в холодные граниты –
Под вами кости чисты и белы,
Над вами звезд полуночных зениты.*

*Где были прежде стылые поля
Для тех, чье имя Братская могила,
Холодные объятия земля,
Сопrotивляясь, нехотя раскрыла.
В земную твердь вгрызлся аммонал,
Ползли машины тел заледенелых,
Никто над ними слезы не ронял
И не склонял голов, от горя белых.
Немых могил печальные ряды.
Здесь целый мир надежд, желаний, мнений,
Зарыт в земле урок для поколений,
Бездарности и подлости следы.
Закрyты рвы, горит под ветром газ,
Стоят на страже статуи слепые
И снова много, очень много нас,
Мы снова ждем, доверчиво – живые...
От стран чужих сюда несут венки,
У входа караулы каменеют,
А старики, их мало, старики,
Не помня зла, о прошлом сожалеют...*

Ленинград 1979 год.

Иждивенка

*Бредет среди сугробов, наугад,
Живая, вопреки живой природе,
Вокруг заледенелый Ленинград
И Сорок Первый завтра на исходе.
Жена, сестра, племянница и мать –
О ней не пишут с пафосом в газетах,
Но люди не желают умирать
И ждут ее в холодных лазаретах.
Навстречу ей безжалостно течет
Все то, что называется войною.
Идет, никем не принята в расчет –
Ни нашей, ни противной стороною...
Она проходит сквозь снега и дым
На фоне войн и лет, едва виднеясь,
И счет ведет умершим и живым,
Не проклиная, веря и надеясь...*

*А ныне, под привычные слова,
У старой фотографии на стенке
Склоняется седая голова
Великой ленинградской иждивенки.*

Ленинград. 1942 год

Сонет

*Текут часы, вползает холод в дом.
В нем остывают вещи, стены, двери.
Во что и утром верилось с трудом,
К исходу дня, уже никто не верит.
Сочится свет через оконный лед
И освещает комнату сурово.
Здесь трое ждут, что кто-нибудь придет,
Затопит печь и вслух промолвит слово...
Текут часы. Тревожный метроном
Стучит на замерзающей планете...
Здесь трое ждут. Вползает холод в дом...
Молчит старик, и замерзают дети...
И не понять, кому она нужна
Такая безнадежная война...*

Ленинград, 1942 год

Дети блокады не молоды, да и здоровье уже не то. Но они находят время на общение друг с другом, на встречи со школьниками и молодёжью, чтобы познакомиться со своим творчеством, рассказать о величайшей трагедии XX века. Пережившие военное лихолетье считают своим долгом напомнить молодым людям: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Поэзия детей блокады – это рассказ о подвиге советского народа, победившего фашизм благодаря духовному единству и сплочённости всех народов нашей страны, это раздумья о судьбах Родины, о национальном достоинстве народа-победителя, о сохранении на века исторической памяти.

Юрий Андреевич Павлухин

Житель города Кирова.

Блокада в сердце вмерзла навсегда

Есть и другая, малоизвестная летопись подвига советских людей – это литературное творчество, не вошедшее ни в какие издания известных авторов, воспоминания детей – очевидцев блокадной трагедии. Среди них поэзия Ю.А.Павлухина.

Непрофессиональная блокадная поэзия – это творчество поэтов, впитавших блокадную трагедию в детстве. Они не были поэтами, они были детьми. Повзрослев, они в поэтических строках донесли до нас боль своего сердца. Стихотворения написаны по личным воспоминаниям, ощущениям, переживаниям. В их стихах – память, она цепко хранит скорбный опыт самой длительной в истории человечества блокады, когда каждый день был подвигом, где жизнь держалась огромным усилием воли.

Блокадные дети чувствуют себя в неоплатном долгу перед живыми и мёртвыми защитниками города. Напуганные ожиданием смерти, голодом, ужасом бомбёжек, взрывами снарядов, – в своём сознании они на всю жизнь остаются блокадниками. В будущем, став музыкантами, художниками, учёными, военными и общественными деятелями, они продолжали писать стихи. Их жизнь и творчество пронизаны глубокой признательностью за подаренное право на жизнь.

Советских писателей Алеся Адамовича и Даниила Гранина называют блокадными летописцами. Именно они в своей «Блокадной книге» собрали тысячи воспоминаний очевидцев блокадной трагедии: – «Это был особый взлёт человеческих способностей, – писали авторы книги, – Это была пора, когда каждый мог свершить, проявить благородство, раскрыть щедрость своей души, её смелость, любовь и веру».

После почти полувекового молчания о подвиге осаждённого города вновь заговорили. В 1989 году был учреждён Знак «Житель блокадного Ленинграда». Блокадники воспрями духом и приняли это как знак справедливости. Гордость за сопричастность к героическим и трагическим страницам истории привела к созданию региональных

общественных организаций блокадников. Начался расцвет художественного и литературного творчества блокадников. В 1990 году возникла Международная Ассоциация блокадных организаций, в которую входят более 100 городов мира в России, США, Израиле, Австралии и др.

В октябре 1941 года Юраше, как его звали родственники, исполнилось 12 лет. Перед войной он гостил у деда с бабушкой в посёлке Тарковичи в 100 км от Ленинграда. 22 июня мальчик шёл на стадион, но вместо футбола попал на митинг... Началась война. Отца призвали в армию, а мама работала на заводе, где выпускали взрыватели к зенитным снарядам. Юраша остался с мамой «один на один с войной» в коммунальной квартире на 16 линии Васильевского острова, без тепла и света. Наравне со взрослыми подросток обустроивал дворы, разбирали завалы, оборудовал чердаки ящиками с песком, бочками с водой, лопатами, баграми, дежурил на крышах, тушил пожары. Юра добывал промёрзшие дрова, колот их, топил печь. Мальчик вёл дневник, из коротких записей видна общая картина блокады. Он писал, что их комната была похожа на дворец Снежной королевы: она вся искрилась инеем. Он отморозил пальцы, когда ходил в 30 – градусный мороз за водой, его чуть не раздавили в очереди за хлебом, которого так и не привезли в тот день... Тяжело заболела мама, а потом слёг и Юра, но уже в марте 1942 года мать и сын вместе с другими работали на субботнике по очистке города. Весной 1942 года учеников стали подкармливать в школьной столовой. Юра так полюбил гороховую кашу, что мечтал есть её каждый день после войны.

Юра научился молиться, он прятался во время бомбёжек и артобстрелов в безопасном месте и просил Пресвятую Богородицу и Николая Угодника, чтобы скорее кончилась война. Среди блокадных реликвий в его семье хранится осколок снаряда, который разорвался в метре от него.

Свой новый поэтический сборник «Блокаду помня, живу» Юрий Андреевич Павлухин выпустил в 2012 году. Что побудило к написанию стихов? Он объясняет так: «Пережитое. И пусть прочитанное явится импульсом потомкам для ознакомления с великим подвигом не только ленинградцев, но и всего с советского народа, спасшего Родину от фашистского порабощения, и по сути, изменившего ход мировой истории».

Вот строки из стихотворений Юрия Андреевича Павлухина:

*...И вот опять невольно оживают
Дни нашей юности в военные года.
Отвлечься хочешь, – ничего не помогает.
Блокада в наше сердце вмерзла навсегда!*

*...Мы были детьми, и мы так её ждали –
Победу над Гитлером в страшной войне.
Обстрелы, бомбёжки убитых видали.
Наш возраст тогда умножался втрое.
Таких испытаний ещё мы не знали, –
Нет света, нет хлеба, вода – на Неве.
В морозных квартирах родные лежали,
Отдавшие жизни в неравной борьбе.
Сжав зубы, в мороз мы за хлебом стояли,
Когда был обстрел, покоряясь судьбе, –
Ведь дома живые родные нас ожидали
В холодной квартире. Молясь о тебе...*

*...А нам ребятам небольшим, подросткам,
Вначале всё казалось детской игрой,
Пока увидев смерть в глаза, не стали взрослыми,
И поняли: рытые окопы – настоящий бой.*

*...Нас не бросили люди, страна нас спасала,
Вызволяя из страшного смерти кольца.
Стали взрослыми мы, то, что сделали – мало.
Знаем, помним. В долгу перед ней до конца!*

*Хлеб наш насущны,
Даждь нам днесь.
Когда на столе перед тобой он,
Не думаешь, что он есть.*

*...Святые, святые родители наши,
Особенно женщины – память храним,
В войну сохранившие нас, воспитавшие....
Когда же воздвигнем мы памятник им?*

*Памятник, ком в горле стоит...
Московский Парк Победы.
Не мрамор, не вечный гранит
Хранят блокадные беды.
Вагонетка. Никто не ваял
Этот маленький след истории, –
Здесь в сорок втором стоял
Кирпичный завод – крематорий.*

Почему мы победили? – задаётся вопросом Юрий Андреевич и отвечает:

*Жизнь продолжается, идёт за годом год.
Но помним мы военную годину,
Когда за Родину поднялся весь народ
И победил! Тогда мы духом все были едины.*

После войны Юрий Андреевич закончил школу, ленинградский военно – механический институт, работал в воинской части в Ораниенбауме. Затем в ЦКБ «Арсенал», потом на Алтае – в Бийске. В настоящее время проживает в городе Кирове. Имеет детей, внуков. Активный член общественной организации «Жители блокадного Ленинграда».

КОШАЧИЙ ДЕСАНТ

Жители Ленинграда – Санкт-Петербурга трепетно относят к кошкам. Эти пушистые создания спасали людей от нашествия крыс. В страшную зиму 1941–1942 годов умирающие от голода горожане съели всё, даже домашних животных. Поначалу кошкоедов осуждали, потом оправданий не требовалось, – люди пытались выжить... И тогда Ленинград атаковала «пятая колонна» – крысы. Люди умирали, а грызуны плодились, «человеческие» методы борьбы не помогали. Блокадница Кира Логинова вспоминает: «...тьма крыс длинными шеренгами во главе со своими жожаками двигалась по Шлиссельбургскому тракту прямо к мельнице, где мололи муку. В крыс стреляли, их пытались давить танками, но ничего не получалось: они забирались на танки и благополучно ехали на них дальше. Это был враг организованный, умный и жестокий». За кошку отдавали самое дорогое – хлеб. Л. Пантелеев в

январе 1944 года в блокадном дневнике записал: – «Котенок в Ленинграде стоит 500 рублей» (килограмм хлеба тогда продавался с рук за 50 рублей).

Положение спас кошачий десант, – в 1943 году прибыл первый эшелон из ярославской области. В ожидании кошачьих вагонов люди с вечера выстраивались в длинные очереди, пушистых помощников быстро расхватывали. На первых парах кошки отогнали грызунов от продовольственных складов, но оказалось – этого не достаточно. И тогда была объявлена «кошачья мобилизация». Теперь пушистых помощников собирали в Сибири. Второй «кошачий призыв» прошёл успешно. Многие сами приносили своих любимцев на сборный

пункт. Первым из добровольцев стал черно-белый кот Амур, которого хозяйка принесла с пожеланием «внести свой вклад в борьбу с ненавистным врагом». Петербурженка Татьяна, которой тогда было 12 лет, вспоминает, как на подоконнике кинотеатра увидела кошку с тремя котятами: стало ясно – ленинградцы выживут. Всего в Ленинград было направлено пять тысяч омских, тюменских, иркутских котов, которые с честью справились со своей задачей – очистили город от грызунов.

*Ленинградцы трепетно
относятся к кошкам,
Когда бессильны были
неотложки,
И жизнь людская падала
в цене.
От смерти нас порой
спасали кошки,
Хоть ничего не смыслили
в войне.*

В Петербурге есть памятники, посвященные «мяукающей дивизии». Во дворе одного из домов на улице Композиторов местные жители установили памятник блокадной кошке. На Малой Садовой установлены памятники кошке Василисе и Коту Елисею. Памятники кошкам – это дань уважения тысячам животных, погибших в дни блокады и спасших город от грызунов.

БЛОКАДНЫЕ ИГРУШКИ

Истории игрушек и детей

Два пупса Ира и Юра с печальными глазами были для маленькой хозяйки не просто игрушками, а помощниками в серьёзном занятии: девочка Майя брала любимых кукол в бомбоубежище и шила для них разные одёжки: платьица, штанишки, носовые платки, тапочки. Майя Семеновна пережила блокаду и стала модельером. Её куклы Ира и Юра выставлены в музее блокадных игрушек.

Плюшевый Мишка был другом Коли Самусова. Вся семья погибла, Колю вывезли из города, с собой мальчик взял любимого Мишку. Теперь эта игрушка в музее блокадных игрушек.

*Печь-буржуйка совсем остыла.
Стало в комнате холодно слишком.
В целом мире время застыло.
Тихо хнычет мой младший братишка.*

*А вчера также выла сирена,
И кричали на улице люди.
А у мамы сегодня смена,
Значит, хлебушек вечером будет.*

*Брат сжимает в своих объятьях
Мишку с вырванной левой лапой.
Мама в печке сожгла все платья,
А без мишки он очень плакал...*

*Всё закончится скоро, конечно!
Нас спасут, станет всё как надо.
Ведь зима не бывает вечно.
Лишь бы только дожждаться маму...*

*Тихо падает старый мишка,
Что с оторванной левой лапой.
Осторожно толкну братишку:
Ты зачем его бросил на пол?*

*Эй, проснись! Возвратилась мама!
Почему ты молчишь, братишка?
... Столько лет прошло, а в кошмарах
Мне всё снится плюшевый мишка...*

(Елена Михайловна Болдырева)

В один из блокадных дней, когда вся семья находилась дома, в соседнее здание по 5-й линии Васильевского острова попала бомба. Взрывная волна была такой силы, что в комнате выбило стекла; осколки летели в маленькую девочку, которая сидела в своей кроватке. Вдруг дверца серванта распахнулась и приняла на себя удар. Все остались живы, а выпавшая кукла Снегурочка стала для одной ленинградской семьи спасительным талисманом.

Девочка Катя не расставалась с любимой игрушкой обезьянкой, она всюду носила её с собой. Сначала умерли родители, потом один за другим умерли дети. Когда соседи из-под груды тряпья вынули тело Кати, рядом увидели обледеневшую обезьянку с откусанной лапой. От мороза опилки намокли и разбухли. Ими питалась девочка Катя...

СОДЕРЖАНИЕ

Блокадный хлеб	3
Шлиссельбургская магистраль. От Коридора смерти к Дороге бессмертия	14
Дети блокадного Ленинграда	
Аллочка Платонова.....	24
Нелличка Потёмкина (Шмелёва)	34
Людочка Юхневич (Тервонен)	41
Чудом спасённая девочка Верочка	46
Детский дом в блокадном Ленинграде. По воспоминаниям Магаевой Светланы Васильевны	47
Блокадные мамы. Семья Касатоновых, Платоновых, Михайловых, Соловьёвых	62
Блокадная летопись семьи Чистяковых	72
Блокадная медсестра Назарова Валентина Степановна	80
Почему не съели бегемота. Как спасали зоопарк	90
Дмитрий Шостакович. Музыка, которая приближала победу.....	96
Художник Иван Билибин. Вернуться, чтобы погибнуть	104
Поэзия блокадного Ленинграда	
Анна Ахматова.....	111
Ольга Берггольц	112
Сергей Орлов	114
Юрий Воронов	116
Поэзия детей блокады	
Анатолий Молчанов	118
Пётр Войцеховский	127
Юрий Павлухин	132
Кошачий десант	136
Блокадные игрушки	138

**...А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена! Ведь все равно — вы с нами!..
Все на колени, все! Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет!**

Анна Ахматова

**Люди!
Покуда сердца стучатся, — помните!
Какою ценой завоевано счастье,—
пожалуйста, помните!**

Р. Рождественский

Наталья Морсова

Посвящается Вам: смерть смертью поправшие!
Это вы: блокадные дети, матери и отцы, воины
и гражданские лица, живые и мёртвые, –
все вы – герои, победившие голод и смерть
в условиях, несовместимых с жизнью,
когда каждый день был подвигом,
когда подвиг стал нормой жизни.
Вы отстояли Ленинград в самой продолжительной
и самой кровопролитной битве
Великой Отечественной
и Второй мировой войны.

